



Евгения Белякова  
Песнь  
для Близнецов



Цикл «Приключения Гринера и Тео»  
Книга III

16+

Евгения Белякова  
**Песнь для Близнецов**

«Автор»

2011

## **Белякова Е. П.**

Песнь для Близнецов / Е. П. Белякова — «Автор», 2011

Когда правду невозможно поведать, а ее сокрытие оборачивается предательством, когда ошибки прошлого возвращаются и наносят удар исподтишка, только доверие к друзьям может спасти. Но соратники становятся врагами, а враги — опорой в трудное время. Мир перевернулся, мир находится в опасности — и никто не может заранее знать, где лежит путь к его спасению. В жарких пустынях Араханда? В памяти Белых? В сердцах тех, кто, несмотря ни на что, верит друзьям? Третья книга цикла «Приключения Гринера и Тео».

© Белякова Е. П., 2011

© Автор, 2011

# Евгения Белякова

## Песнь для Близнецов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:  
СНЕГ И СЛЕЗЫ

### *Глава 1*

Послушники вставали с рассветом, и летом солнце золотило своими лучами высокие шпили главного храма. Но зимой приходилось просыпаться, нащупывая одежду в темноте: на свечах экономили. Умываться, разбивая лед в тазу, и, дрожа от холода, идти на утренние молитвы. Рик и забыл, каково это. Он снова стал тем, кто исполняет поручения, слушает старших жрецов и молчит, набираясь опыта.

Декабрь в этом году выдался суровым. Лесорубы сказочно разбогатели, старые дома, построенные магами до Исхода, резко поднялись в цене, даже несмотря на ветхость – там были трубы, по которым текла горячая вода, согревая комнаты и людей.

Снаружи трещал мороз, но каждое утро после молитв Рик отправлялся в зимний сад Храма, и возился с растущими там травами, цветами, деревьями.

Среди Садовников умение ухаживать за растениями ценилось. Нет, те, кто его был лишен от рождения, не подвергались насмешкам или чем-то в этом роде; но послушники, под руками которых росло все, пользовались некоторыми привилегиями. Так вышло, что в Рике (вернее, в «Вальдо») эту способность обнаружили, и он проводил времени в саду больше, чем другие послушники. Он не противился. Так у него было больше времени для размышлений, возможностей услышать разговоры старших жрецов, к тому же это освобождало его от мытья полов и рубки дров. Но вместе с тем ему действительно нравилось копаться в земле, поливать и удобрять, и узнавать новое о диковинных цветах, которые Садовники привозили со всех краев света.

И еще это давало ему возможность забыть на время о том, что он совершил ошибку.

Рик аккуратно извлек корни прихотливого горного цветка из горшка, чтобы сменить землю. Развязал тесемки мешочка с удобрениями. Сад был почти пуст – лишь в другом его конце послушник по имени Ивос делал зарисовки листьев «тау» в альбоме.

Армия Лиона отправилась на восток почти четыре недели назад. И Тео вместе с ней. Поначалу Рик злился – преимущественно, на себя. За то, что не настоял на своем и не отправился с магичкой. Тео, правда, грозила замуровать его в стенах храма до своего приезда, и, зная ее характер, бывший бард предполагал, что она вполне могла выполнить обещание. Но тогда у него было бы оправдание перед Близнецами... и перед собой.

Но через неделю после торжественного отбытия войск на битву с захватчиками, жизнь горожан вошла в привычную колею, люди перестали ждать разорения и смерти, потому что верили в короля и силу Древа, осенившего его своим благословением; через неделю, которая была полна для Рика молений, новых знаний и ценных выводов, он смирился.

Тем более что бездельничать ему не приходилось.

Помимо своих основных обязанностей, он собирал информацию, запоминал и отмечал, заводил полезные знакомства. Особенно его интересовал брат... вернее теперь уже Старший жрец Винес. Старейший, Улленпиг, давно уже выполнял функции ширмы, за которой действовали другие. До недавнего времени этим «другим» был Клопстофер, но он уехал через неделю после Тео, забрав с собой добрую половину жрецов из главного храма. Не успели двери с изображением дуба закрыться за Клопстофером, как Винес развил кипучую деятельность. Рик даже в чем-то восхищался полненьким и вечно потным жрецом. Тот в кратчайшие сроки разыграл

все свои преимущества: потрясая смутным пророчеством и собирая вокруг себя сторонников, он добился сана Старшего; убедил остальных в том, что только он может правильно истолковать слова Ядины и настроил большую часть оставшихся послушников против Клопстофера. Если б не он, молодые послушники и жрецы отнеслись бы к уходу одного из Старших так, как и подобает в данных случаях – с почтением, уважая его выбор.

Рик какое-то время просто наблюдал за Винесом, стараясь понять, в чем его сильные стороны, как можно завоевать его доверие и где он может допустить слабинку. И в четко выверенный момент сумел задать правильный вопрос.

Винес заметил молчаливого, но пронизательного послушника. Приблизил к себе, и, хоть секретами не делился, Рик замечал достаточно, чтобы делать выводы.

Во-первых, он обнаружил, что Винес большую часть времени сам не понимает, куда его несет. То есть он вроде бы хотел внимания, власти, преклонения, и даже кое-чего достиг в этом направлении, но сталкиваясь с неизбежной в таких случаях ответственностью, выказывал неуместное удивление.

Во-вторых, и это уже было интереснее, Рик сообразил, что Винес относится к людям, которым постоянно необходимо подтверждение правильности их поступков. А это значило, что для бывшего барда не составит труда стать правой рукой Винеса, причем такой рукой, которая берет хозяина за шкуру и тянет в нужном направлении.

Рик осторожно поставил цветок стоймя, досыпал земли, умял ее пальцами. И с гордостью посмотрел на дело рук своих, думая о том, что достиг многого за это время.

– Послушник Вальдо, – раздался голос позади. – Как называется это растение?

– Гореломка, Старший. – Рик поднялся с колен, отряхнул одеяние. Винес лишь мелком взглянул на «заинтересовавшийся» его цветок, и поманил Рика пальцем.

– Мне нужно, чтоб ты помог мне на собрании жрецов. – Сказал Винес, когда они отошли в безлюдную часть сада, где еще не были высажены растения, и стояли лишь пустые кадки. – В прошлый раз ты очень своевременно указал мне на нелогичность речи Старшего Ризеля. Я хочу, чтобы и сейчас ты внимательно слушал, и потом доложил мне, кто из жрецов готов к переменам.

– Переменам, Старший?

– В Пророчестве сказано: «Грядет Возвращение». Вернутся маги, Вальдо, и мы должны подготовить почву для их возвращения. – Винес торжествующе улыбнулся, гордясь подходящей метафорой. – Да, именно почву. Это нелегкий труд, но мы справимся.

Рик подумал, что, если маги действительно появятся снова во всем блеске, вряд ли они станут делиться властью с жрецом. Но промолчал.

– Уже два события из Пророчества сбылись, – продолжил Винес. – Великая беда – война. Явление Розы. Осталось третье.

Бард закивал с выражением восторга на лице. Но, заметив набежавшую на чело Старшего тень и поняв, что перестарался, спросил:

– А после собрания я смогу вернуться к цветам?

Пусть толстячок думает, что послушник всего лишь удобное орудие.

– Конечно, Вальдо. У тебя хорошо получается.

Жрецы собрались в небольшом зале – его было легче протопить, – и расселись у камина в креслах. Из Старших только Винес притащил с собой послушника, причем долго объяснял, что плохо видит, но желает, чтобы все происходящее было записано для потомков, поэтому Рик, расположившемуся на скамеечке по левую руку от своего покровителя, были выданы бумага, перо и чернила – вести протокол. Жрецы удивились: раньше никому не приходило в голову записывать их беседы, которые были полуофициальными, но перечить не стали. В последнее время, как заметил Рик, с Винесом вообще предпочитали не спорить, выполняя

его требования, иногда откровенно дурацкие. Видимо, жрецы считали, что переубедить его – себе дороже. Словом, Рик приготовился царапать пером, Старшие отпустили послушника, который принес горячего чая и одеяла для ног, и начали собрание.

Рик скучал. Винес опасался, что его слова будут подвергать сомнению, и, как выяснилось, зря. Жрецы, все как один, заглядывали к нему в рот. Кроме Улленпига, но тот просто клевал носом. Рик и сам за малым не заснул, выслушивая текучую речь Винеса.

Но когда речь зашла о Стрелках, бард внутренне подобрался.

– Они поутихли и, судя по всему, затаились, – сообщил самый молодой из Старших, Антуан.

– Еще бы, – самодовольно сощурился Винес. – После явления Розы даже дураку стало ясно, чего стоят их Близнецы.

Жрец и не скрывал, что, будь его воля, он заколотил бы храмы Близнецов наглухо. Однако Рик его радости не разделял – слишком хорошо знал Стрелков. Так просто они не отступят, наверняка готовятся к ответному ходу. Если бы он сейчас находился на стороне своих бывших наставников, и ему дали бы задание сгладить последствия чудесного явления, привлечшего многих горожан к Древу, он бы обязательно использовал раскол в среде Садовников. И дураком в данной ситуации был как раз Винес, который, вместо того, чтобы являть прихожанам единство храмов Древа, всячески поощрял критику в адрес Клопстофера и его, как он их называл, «отщепенцев».

– Создатель милостив ко всем людям, и не отделяет тех, кто верит в других Богов, – мягко укорил Винеса Старший Рихард.

Жрец насупился.

– Согласен, – неохотно ответил он. – Но поклоняясь Близнецам, они не просто выказывают свою волю, право на которую имеют, но отрицают величие Древа.

Рик мысленно пометил для себя, что стоит несколько раз при Винесе упомянуть «мерзких» Стрелков. Которые... да, точно, лишили его отца состояния. Хороший вариант. Тем более что это была почти правда, а то, что отцом его был Эльмар Риомболь, а вовсе не купец Пешес из Навей, Винесу знать не обязательно.

– Я, конечно, никоим образом не хочу сказать, что Создатель не прав, уравнивая между собой всех верующих, – распался тем временем жрец, – но разве не лишают они себя его заступничества, отрицая его единоначалие?

Разговор ушел в дебри религии, и Рик, понимая, что ничего неожиданного Винес все равно не скажет – побоится, – стал размышлять над тем, как повернуть себе на пользу его нелюбовь к Стрелкам. Нелюбовь и страх. И попробовал предположить, что предпримут жрецы Близнецов, чтобы восстановить свое пошатнувшееся положение. Ведь теперь он был с Древом, и, значит, должен не только просчитать действия Стрелков, но и придумать, что им противопоставить.

Зашла речь и о Возвращении.

– Мы должны быть готовы к тому, чтобы оказать магам поддержку, – вещал Винес. – Они – наша единственная надежда перед лицом грядущих опасностей.

– А что, защита Древа уже не столь важна? – поддел жреца Старший Антуан.

– Древо всегда важно, – наставительно произнес Винес, не заметив издевки. – Но с теми бедами, что готовы обрушиться на нас, справятся только маги.

Рик подумал, что на сей раз ограниченный жрец, к сожалению (или к счастью?), прав. Насколько он помнил из объяснений Дерека, в скором времени участятся Проколы, и из них полезет всякая гадость, наподобие той, на которую он насмотрелся в ущелье Кон-Глайс и в замке за ущельем. Барда передернуло. Чтобы избавиться от эдаких тварей, он был готов терпеть даже занудных, если верить Тео, Белых. И пусть существует опасность того, что маги,

появившись и справившись с напастью, потребуют оплаты – деньгами ли, почитанием, да чем угодно – лишь бы справились. Хотя раньше, до Исхода, они помогали людям бескорыстно...

Совещание подошло к концу, Рик торопливо собрал бумаги и последовал за Винесом. Тот был доволен результатом. Похоже, ему удалось привлечь на свою сторону многих.

Жрец, рассеянно махнул на Рика рукой и отправился к себе в келью, как он сказал – «Постигать сокровенный смысл пророчества», хотя Рик был уверен, что тот просто запрется и выпьет вина. Сам он отнес записи к себе, и, ставя на полку чернильницу, отметил, что она почти пуста. И из бутылки он выливал чуть ли не последние капли.

Главное правило послушников Древа гласило – «За тебя никто ничего не сделает». Поэтому Рик направился в подвал – набрать веток и коры, чтобы сделать новую порцию чернил. По дороге заскочил в кладовую и вынес оттуда пару железных дверных петель. Все это предстояло долго варить в котле, причем сделать это можно было в трех местах. В Лаборатории, но там обычно находились младшие жрецы, изготавливающие лекарства. Обычно они не очень жаловали, когда кто-то занимал очаг «всякой ерундой» вроде чернил. Это ведь не просто «поставил и забыл». Надо следить, раздувать мехами огонь... На кухне, но туда ему точно хода нет, повар там злобный. Значит, придется пойти во двор, к небольшой кузнице.

Орден принимал к себе людей разных профессий. И вовсе не собирался переучивать их или запрещать заниматься любимым делом. К тому же, имея в послушниках (или жрецах) кузнецов, стекольщиков, пахарей, пекарей, кожевников и так далее, Орден не только мог спокойно существовать, не завися от внешних закупок, но и продавать что-то на сторону. Конкретно этот храм, расположенный в столице, славился стеклодувных дел мастерами и портными. На вырученные деньги Орден одевал и кормил своих послушников, устраивал бесплатные обеды для бедняков, ремонтировал здание храма.

Рик зашел в свою келью за теплым плащом. Идти пришлось далеко – храмовые постройки в целом занимали довольно обширное пространство. Вернулся к кладовой, подхватил котел, забитый ветками, плотную крышку и пару грубых рукавиц. И потащил все на улицу, на задний двор.

Стоя над закипающим котлом, он, чтобы не терять времени, принялся размышлять над сложностями, которые предстояло преодолеть. Шум, доносившийся с улицы, его не отвлекал – он целиком ушел в собственные мысли.

Винес, несмотря на то, что требовал от помощника острого ума и наблюдательности, одновременно опасался, что тот станет значить в Ордене больше, чем полагается – и из-за подозрительности его Рику было трудно. Пока он справлялся. Как только замечал, что жрец странно косится на него, отпускал замечание наподобие «А еще мне сказали развесить дымильницы». Жрец поправлял его: «Курильницы», и убеждался в том, что сообразительность послушника простирается лишь на сбор и анализ информации, и свои способности в житейских делах, а уж тем более в интригах, тот применять не умеет. И вот теперь Рику нужно было решить, что сказать по поводу совещания, как суметь направить Винеса на нужный путь, чтобы при этом слова его выглядели весомо и правдиво, а сам он – неприспособленным к жизни гениальным идиотом.

Рик приподнял крышку. Запах был премерзкий, кора и ветки уже начали вариться. Он подтащил меха и, давя ногой на педаль, раздул огонь под котлом.

Краем глаза он заметил человека, вышедшего из дверей кухни во двор. Он был закутан в плащ, лица не было видно; но, подходя, откинул капюшон и Рик узнал его. Дерек.

Почему-то Рик сразу же понял абсолютно ясно: вести маг принес дурные.

В последние несколько дней пути Дерек отдалился от короля. Не по своей воле – говорить им особо не о чем было, для обоих присутствие другого было тягостным напоминанием о том, что произошло. Новостей о Тео не было. Ольсен молчал, и, хотя каждый день Дерек пытался

мысленно «докричаться» до Тео, результат был все тем же. Тишина. По прошествии второй недели Дерек уже устал самого себя успокаивать фразой «Зато она жива».

Армия расположилась на левом берегу Тегерры, так же, как и месяц назад. Въезд короля в столицу собрались обставить с полагающейся пышностью. Сначала Дориан с остатками отряда. Та самоубийственная атака стоила жизни большинству рыцарей, но ведь цели своей король добился, так ведь? Затем ехали бароны, потом графы, состоящие в Совете, затем графы, имеющие земли, но не военные отряды. Они отправились на войну, взяв с собой только оруженосцев. Лорды, шевалье. Пленник – барон Боклер, в цепях, как и полагается предателю короны. Офицеры, солдаты – и среди них скромный разведчик Дерек.

Будь его воля, он бы всех поставил по одному, и заставил идти очень медленно, чтобы оттянуть момент своего возвращения в столицу. Глупо: он боялся разговора с бардом. Но и понимал, что такие вести принести он должен лично...

По размышлению маг предпочел разделаться с тяжелой обязанностью сразу. Оставил армию – они еще сутки, не меньше, будут готовиться к торжественному въезду, – и направился по мосту к воротам. Жители столицы узнают все уже сегодня, он не первый и не единственный, кто покидает лагерь. В конце концов, он «вольный наемник», его никто не держит.

И действительно, патрульные, которые выставлены были именно во избежание неупорядоченного ухода солдат, едва взглянув на нашивку – зеленые дубовые листья, – на его куртке, пропустили разведчика. Часть солдат все равно проберется в город на ночь – но к утру вернется в лагерь и войдет в столицу еще раз, в сиянии славы. Дереку слава была не нужна.

За час с небольшим он добрался до главного храма Древа. Сказал послушнику при входе, что ищет Вальдо, передать тому вести о его родственнике, который погиб на войне. Ничего лучше сходу маг выдумать не смог, привратный послушник оказался слишком уж придирчив, раньше такого не было. Узнав на кухне, что Вальдо видели на заднем дворе, направился туда.

Бард действительно стоял там у кузницы, качая мехи. С минуту маг просто наблюдал, как Рик, сняв хоть и толстые, но не защищающие от холода рукавицы, греет руки у огня костра. Потом мотнул головой и пошел через двор.

Рик заметил его и напрягся. Маг поспешно скинул капюшон, но тут же понял – так даже хуже. У него все на лице написано, судя по реакции барда. Хотя, может, и к лучшему. Сказать-то все равно придется.

– Рик...

– Дерек.

– Тео пропала. – Маг решил сказать сразу, рубануть с плеча, так сказать. – Гринер погиб.

Рик сделал шаг назад, непроизвольно ухватившись рукой за ручку котла, чтобы опереться... и со стоном тут же ее отнял. Дерек нагнулся, набрал пригоршню снега и протянул его барду. Тот взял снежок и прижал к ожогу, кривя губы.

– Как это произошло?

– Моя вина. Не был рядом... – Дерек старался говорить сухо, без эмоций. – Кендрик напал на короля. Гринер был с ним, заслонил собой. Тео опоздала буквально на минуту, открыла портал вслед Кендрику и ушла туда. Где она сейчас – неизвестно, но могу точно сказать – жива.

– Жива... – пробормотал Рик, опустив глаза. – А меня не было...

– Только не вздумай себя винить. Что бы ты смог сделать?

– Неважно, что. Близнецы поручили мне, ведь не зря... Что угодно. Остановил бы ее.

– Глупости. Если так случилось, значит, должно было. Судьба.

Рик вскинул подбородок. По его взгляду сложно было понять, о чем он думает.

– Кендрик, говоришь? Возможно такое, что он заманил ее?

– Все возможно. Если ее до сих пор нет, скорее всего, он каким-то образом захватил ее в плен. Рик... – маг помолчал, подбирая слова. – Виноват только я. Да и то... В общем...

– Я мог бы...

– Нет. Помощь твоя нужна – но здесь, в Ордене. Не знаю, какие планы у нее были, но не зря же она тебя сюда привела. Ты сможешь принести пользу тут. Я буду возле короля.

– А искать ее кто-нибудь собирается?

– Ищем каждый день. И я, и Ольсен. Это... задача для магов. Не переживай. – Дерек неловко сжал плечо барда. – Я найду ее.

Рик разжал руку, с нее стекала вода. На ладони краснел рубец.

– Пожалуй, ты прав. Останусь тут, буду приглядывать за Винесом. И ждать.

– Ты в порядке?

– Нормально. Наложу мазь, заживет через пару дней.

– Я не о руке.

Бард даже нашел в себе силы улыбнуться.

– В порядке. Кто я такой, чтобы спорить с судьбой?

Дерек пожал плечами. Ему мучительно хотелось найти слова, какие угодно, но – правильные. Чтобы все стало лучше. «Не слова надо искать, а Тео», – сказал он сам себе. – «И наверняка что-нибудь есть в нашей библиотеке, надо бы домой отправиться, пока время есть...».

Криво улыбнувшись, он развернулся, накинул капюшон и быстро зашагал к задней калитке.

Рик посмотрел на ожог. Руку дергала боль, то затухая, то усиливаясь. Он опустился на колени, погрузил руку в снег... а потом с силой разметал его.

«Идиот, идиот, я должен был быть там, с ней!»

Через минуту Рик справился с собой, и даже нашел в себе силы отнести меха в кузницу. Когда поднимался к себе, чтобы перевязать руку, внешне был уже абсолютно спокоен. Он наложил мазь на руку, замотал чистой тряпичей. И, пройдя два коридора, постучал в дверь Винеса.

– Кттам? – раздался голос жреца.

– Старший, это Вальдо. Я получил известия о своем двоюродном брате, он погиб на войне... Армия вернулась и сейчас стоит на левом берегу. Прошу разрешения у Вас съездить, забрать тело и похоронить.

– Что? А, да...

– Мне нужно три дня, Старший.

За дверью молчали. Рик пожал плечами. Главное – Винесу он об уходе рассказал. Но на всякий случай, уходя из Храма, он поставил в известность и привратного послушника. Раньше этого бы не потребовалось, но Винес, войдя во вкус власти, ужесточил порядки, обязав всех жрецов и послушников отчитываться о своих делах.

Рик выбрался на улицу Кленовую, и тут же сильный ветер попытался сбить его с ног. За стенами храма явно было спокойнее... Рик пошел по Кленовой, свернул на улицу Лодочников. Всюду гуляли толпы людей – новость о победе уже облетела город, и, хоть официальное празднование будет не раньше, чем завтра, горожане уже сейчас высыпали на улицы, обнимая незнакомцев и радостно крича. Рик сам попал в такие объятия несколько раз. Поздравлял в ответ, желал счастья. Потом выворачивался из рук и шел дальше, не обращая внимания на предложение отметить победу кружечкой вина.

Он мог бы добраться до цели по Прямой, через площадь Трех Фонтанов. Но специально пошел кружным путем. Не доходя до Двойной, он свернул в узенький проулок без названия, скинул плащ. Вынул из-под одежды накладку, придающие телу массивность, порвав в спешке завязки. Выплюнул меняющие форму лица валики из-за щек, умылся снегом. Теперь он представлял собой странную смесь себя прежнего и «Вальдо». Глубоко вздохнул и, забросав снегом ненужную пока маскировку, направился к Храму Близнецов.

Он помедлил перед воротами. Если стены, окружающие храм Древа, были как простая ограда, от ветра или шума – невысокие, увитые плющом и уютные, то массивные стены вокруг

Храма Близнецов напоминали военные укрепления. Они возвышались над головой, давили массой, ощеривались металлическими остриями наверху... Раньше Рик этого не замечал.

Бард посмотрел на изображение Теля и Вигеля. Думать, что он не выполнил их поручение было не так больно, как осознавать, что он потерял единственную женщину, которую полюбил. Да и то, потерял, так и не обретя.

Но более всего сейчас в душе Рика клокотала ярость. И желание разделаться с Кендриком – если ему удастся задуманное, он не только освободит Тео, но и испытает бездну удовольствия от отмщения... Рик и не надеялся, что сможет подобраться к Кендрику лично. Но он знал тех, кто сможет... И кому может не понравиться все возрастающее влияние мага.

Правда, для этого Старшие должны ему поверить. А, перед тем, как поверить, они будут очень, очень недовольны.

Послушник у дверей не узнал брата Кано, да и неудивительно. Рик не стал настаивать на немедленной встрече со Старшими, понимал – как только дойдет до тех, кто его знает в лицо, процесс сам ускорится. Так и вышло. Брат Айдор, чуть расширив глаза и слотнув, провел его во внутренний садик, попросил присесть на скамью. Рик не слишком удивился, когда двое братьев, чьи лица скрывали капюшоны, подошли уже через минуту, и вежливо, но твердо провели его вниз, в одно из подвальных помещений.

«Еще не темницы, но уже близко», подумалось барду.

А вот самих Старших пришлось подождать. Рик успел детально изучить комнату, в которой его разместили – низкая, грубо сколоченная кровать с тюфяком, стол, пара стульев, узкие окна у самого потолка. Два светильника, что для заключенного, если он таковым являлся, было просто роскошью.

Дверь скрипнула, открываясь, на засов ее не запирали, но Рик знал, что один из его провожатых остался ждать в коридоре. В помещение зашел высокий старик с умным и жестким лицом.

Старший Ворг. Послушники подозревали, что имя это ненастоящее, ведь на старом наречии оно означало «Волк», а лучшей клички для этого опасного человека и придумать было нельзя. Однако, к брату Кано Ворг испытывал странную слабость, если у такого человека вообще могли быть слабости; пару раз он даже давал понять, что возлагает на Рика некоторые надежды... и готов щедро отблагодарить за службу. Когда-нибудь.

Так что Рик, с одной стороны, обрадовался, что говорить с ним будет Ворг. Но с другой – что может быть хуже разочаровавшегося начальства?

– Брат Кано... – Старший подвинул стул ближе к кровати, на которой расположился Рик, сел. – Докладывайте.

Рик знал: то, что его еще не заковали в кандалы и не секут плетьюми с крючьями, еще ничего не значит. Всегда успеется... а вот иллюзия того, что все по-старому, могла быть очень... ненадежной. И еще Рик знал, что у него очень мало времени. Из того, что он помнил про Кендрика, загадочного «мага без имени», из тех обрывков информации, что даже ему, шпиону высокого ранга, знать не полагалось, он мог сделать вывод, что Кендрик появлялся в Храме раз в неделю, иногда чаще. Значит, у него есть пять дней. Для верности – два. И в этот срок он должен уложиться во что бы то ни стало: если Кендрик прибудет, а Старшие все еще не будут верить своему верному псу Кано, ничто не помешает им попросить мага об одолжении – проверить предателя на правдивость. А о том, что у него нет шансов против магии, Рик знал из первых рук после того случая с Тео. Значит, ему нужно, чтобы за два дня Старшие не только вернули ему свое расположение, но и потеряли доверие к магу. Поэтому он начал с самого главного:

– Я принес очень важные известия касательно магов, отданных под мою опеку и их магического сообщества в целом, хоть это и не извиняет моего непростительного поступка, за который я готов понести любое, самое суровое наказание.

«Понесешь, обязательно понесешь», – говорили глаза Ворга, но вслух Старший произнес:

– Подробности?

Рик честно признался в том, что отправился к армии Лионеля мало того что без разрешения, но и даже вопреки приказу, оправдывая себя лишь тем, что, как он и подозревал, туда же направилась Тео, его «подопечная». Слежку за магами Старшие называли «опекой», снисходительно объяснив когда-то Рику, что те – заблудшие души, хоть и опасные, и, для их же блага будет лучше, если каждый их шаг будет известен Храму, «дабы не натворили они чего против божественной воли».

Рик пояснил, что потерял Тео из виду, и предположил, что она могла направиться на юг Лиона. Так и оказалось, он прибыл туда, а затем события стали происходить так быстро, что дать о себе знать не было никакой возможности; к тому же, ему удалось сблизиться с «подопечной», и он не мог рисковать ее расположением, дабы сообщить о своем местонахождении.

– Я решил, что отправлю весточку братьям как только будет возможно, и тем временем продолжил наблюдение...

О событиях той ночи, когда Лионель потерял контроль над копьем, Тео устроила грозу и они вдвоем сбежали из лагеря, Рик упомянул вскользь. Да, были странные молнии. Да, что-то произошло, отчего магичка решила спешно покинуть ставку Лионеля. Больше сказать нечего... Зато в красках расписал сам побег и нападение Охотника. Тут ему даже актерских способностей не понадобилось – при воспоминании о леденящем прикосновении духа его тело била дрожь.

– Я очнулся у магички в доме, она напоила меня чем-то, мне стало легче, хотя была еще слабость...

О том, что ему было видение Телля и Вигеля, Рик, естественно, умолчал. Дураку могла бы прийти в голову идея сыграть на религиозных струнах начальства, объявив себя посланником богов, но бард дураком не был. А у Старших, без сомнения, не было струн – ни религиозных, ни каких бы то ни было вообще.

А вот следом Рик выложил свою козырную карту.

– Я лично от подопечных узнал, что в ближайшее время вернутся маги.

Объяснять, зачем он последовал за Тео в горы боги знают куда и привез в столицу Розу, барду не хотелось. Да и следовало оставить кое-что на «догадку» Старшим: если он изложит слишком стройную историю, это будет выглядеть подозрительно.

– Тео предложила мне какое-то время пожить среди храмовников Древа, и я не мог упустить такой возможности. Там я получил подтверждение информации о Возвращении. Я стал ближайшим помощником брата Винеса, а именно он открыл содержание пророчества Ядины.

Как Рик и рассчитывал, ноздри Ворга затрепетали – он почуял нечто важное.

– Как ты оцениваешь вероятность того, что Садовники окажут поддержку магам, а те – им? – спросил Старший.

– Очень высоко. Тем более что Винес постоянно поддерживает отношения – и не только с моими подопечными, но и с другим магом, я думаю, стоящим куда выше в их иерархии. Я видел его лишь раз, мельком – и лицо его было скрыто.

А вот тут начиналось самое опасное... как тонкий лед под ногами. Ворг задумчиво поджал губы и, посмотрев в сторону, процедил:

– Я подумаю о твоём донесении. Пока же... – он перевел взгляд с влажной стены на Рика и мягко, почти по-отечески, произнес: – Ты понесешь соответствующее твоему проступку наказание. Три дня на хлебе и воде и легкое истязание.

– Благодарю, Старший. Весь я, без остатка, принадлежу Храму и Близнецам.

Рик не позволил себе облегченно выдохнуть, ведь это значило бы, что он ожидал большего, следовательно, и напортил больше. Но внутри возликовал – легкое истязание он выдержит.

– Мы навестим тебя завтра.

Ворг еще не вышел за дверь, а Рик уже опускался на колени, шепча молитву, как и положено провинившемуся Брату. На этот раз лязгнул засов.

«Не знаю, слышите ли вы меня, Близнецы, но надеюсь, что вы не махнули на меня рукой... потому что я сделаю все, что в моих силах, чтобы исправить ошибку».

Король сидел на самом краешке кресла, неестественно выпрямив спину – на нем был парадный доспех. В королевском шатре находились также Сенешаль, бароны Гордойс, Смериль и граф Тьерри.

– Но, Ваше Величество... традиция предписывает торжественно въехать в город на следующий день после прибытия...

Король перевел тяжелый взгляд на Сенешаля, упрямо вздернул подбородок и повторил:

– Лорд Сенешаль, приказываю войти в город сегодня. Со всеми полагающимися торжествами. И... – он сделал небольшую паузу, придавшую вес словам, – сегодня же вечером я собираю Совет.

Присутствующие переглянулись, но спорить не посмели.

– ... сир? – робко протянул Сенешаль.

– Не беспокойтесь, лорд, порядок нарушен не будет, только лишь срок передвинется. На этом все... готовьтесь к победному шествию. А я хочу побыть один.

*«Но я теперь уже никогда больше не буду один», – с содроганием подумал король.*

*«Разве это не преимущество?»*

Провожая взглядом покидающих с поклонами королевскую палатку дворян, Его Величество с силой сжал подлокотники кресла, в котором сидел.

Отойдя от шатра короля, граф Тьерри, вежливо кивнув баронам и Сенешалю, направился к своей палатке. Там его ждали Недвиг и Огги.

– Какие новости? – спросил граф Огги, отставляя кубок.

Тьерри пересказал приказ короля. Недвиг, самый молодой из трех, не сдержавшись, стукнул кулаком по ладони.

– Ну, по крайней мере, Его Величество предпринимает активные действия, а не сидит в шатре безвылазно, – проворчал Недвиг. – А сбор Совета... чем раньше будет, тем лучше. Мне не терпится вернуться домой, к жене.

– Только о бабской юбке и думаешь? – усмехнулся Тьерри. Они с Недвигом давно дружили и он мог позволить себе отпускать такие шутки. – А я вот опасаюсь, что на Совете услышу нечто неприятное, уж слишком у короля вид был...

– Какой?

– Словно он головы рубить будет.

– Так и будет... казнь же, – непонимающе завертел головой Недвиг.

– Ладно, что обсуждать. Собираемся.

Бароны обсуждали поведение короля куда более непочтительно и взволнованно, но пришли к тем же выводам, что и графы – оспаривать приказ смысла нет, остается только исполнять. Прикрываясь только показательным несоблюдением традиций королем, каждый из них скрывал под жаркими речами обеспокоенность иного рода. Кто – предстоящим разделом земель Боклэра, кто тревожился, не станет ли король доискиваться всех связей предателя, и вспоминал, насколько близок был с бароном.

Лагерь начали сворачивать, еще даже не успев толком расположиться. Воины в спешке полировали оружие и чистили плащи снегом. Конюший хватался за голову – для путешествия от места битвы простые армейские кони годились как нельзя лучше, но выставлять их в победной процессии? Красивых, молодых жеребцов должны были доставить только завтра, а попоны, а украшенные поводья? Все, кто имел хоть какое-то отношение к внешнему виду предстоящего шествия, приготовились проявить чудеса находчивости. Лагерь оживился, задвигался, как одно большое существо.

Лишь король сидел в своем шатре неподвижно, бесстрастно, ожидая ликующего зова труб.

Он задумчиво разглядывал стену шатра, и губы его шевелились. Прислушавшись, можно было бы уловить тихий шепот.

– Не было выбора. Не было.

А мыслями Его Величество уносился в прошлое, в тот день, когда Вердленд поверг армию Лионеля.

Гринер во внезапном озарении, втором за день, понял что Дориан не видел портала, а воинская одежда и меч его запутали: король полагал, что Кендрик каким-то образом подобрался к лагерю... И король действительно собирается с ним биться. Его гордость, уязвленная тем, что войско выступило без него, полыхала, заставляя его отметить в сторону правильные вопросы: как тут очутился этот человек? Почему он один? И почему ведет себя так странно?

Все это пролетело в голове Гринера за секунду, пока Дориан произносил слово «командиров». Меж тем король дернул головой в сторону поля битвы перед холмом и с небольшой заминкой спросил:

– Вы... принц Лионель?

– О, нет. Я его... наставник. Как и этого молодого человека. – Кендрик указал на Гринера.

Дориан ошеломленно посмотрел на него. Юноша напрягся, ожидая, что это такая уловка – и Кендрик сейчас нападет... Но тот стоял, сложив руки на груди, и вежливо улыбался.

«К демонам», – подумал Гринер.

– Да, я его ученик. – Ответил он на невысказанный, но очень красноречиво написанный на лице короля вопрос. – Но я не предатель.

– Тогда я ничего не понимаю, – признался Дориан, сузив глаза. Рукоятку меча он не отпустил.

– Подтверждаю, он не предатель, – вступился за Гринера маг, – он законный правитель Вердленда, наследник трона.

– Что? – прошептал Дориан.

– Я... – Гринер был в отчаянии. И тут вспомнил... Он как мог быстро сбросил «купол» и мысленно позвал Тео, вложив в этот внутренний вопль достаточно сил, чтобы разнести ее голову на куски... и только потом заметил, что «купол» никуда не исчез.

Вернее, был второй. Его держал Кендрик.

– Ты ведь не будешь утверждать, мой юный друг, – сказал маг спокойно, хотя наверняка заметил действия Гринера, – что не обдумывал возможность того, чтобы занять принадлежащий тебе по праву трон и получить в жены девушку, в которую влюблен. Разве ты не хочешь этого? Я знаю, что хочешь.

– Шезару? – ошеломленно произнес Дориан, глядя только на Гринера.

Юноша с ужасом заметил, что Роза на груди короля стала светиться как-то иначе... он ощутил странное чувство опустошения, будто из него выливалась энергия. А в перламутровых переливах артефакта появился явственный красный оттенок.

– О, – отметил Кендрик. – Артефакт, похоже, нацелился на предателя. Учитывая его силу, он вполне может испепелить мальчугана на месте.

Дориан перевел взгляд на Розу у себя на груди. Размышлял он не более секунды, а потом ухватился за цепь, на которой висел ледяной цветок, рванул так, что во все стороны полетели звенья и отбросил артефакт в сторону. Гринер, подавившись испуганным воплем, увидел, как гаснет Роза, падая на снег. Дориан выхватил меч из ножен и развернулся к Кендрику.

– На это я и рассчитывал, – радостно улыбнулся Кендрик и развел руки в стороны. На кончиках его пальцев заплясали язычки пламени.

– Нет! – крикнул Гринер и бросился между королем и магом.

Гринер почувствовал, что застывает – будто его тело замерзает, но холода не чувствовал. Движения стали вялыми, медленными... он как будто оказался в патоке. Юноша ощутил ужас – всепоглощающий, накатывающий как волна: Кендрик улыбался, а с рук его лилось пламя, и затем вгрызалось в Дориана. Король успел лишь распахнуть глаза в невыносимой боли, а через секунду был объят огнем. Время, казалось, замедлилось, как бывает, когда на твоих глазах происходит что-то страшное – Гринер знал это чувство, хотя думал, что позабыл его. Но не только восприятие было тому виной – юношу окружила магия, плотно сжимая в кольцо, не давая двигаться...

Король упал, и в тот момент, когда магия отпустила Гринера, юноша понял, что перед ним на снегу лежит уже не человек, но дымящийся кусок мяса, охваченный пламенем, которое все не гасло. Гринер застыл, не в силах пошевелиться; Кендрик уже не держал его в волшебных тисках, он сам не мог заставить себя сделать, что должно – кинуться к Дориану, попытаться потушить огонь... Возможно, потому, что знал – ничем уже не поможешь.

– Он... – прошептал Гринер.

– Мертв? – Кендрик опустил руки. – Нет. Умирает? Да.

– Что Вы наделали...

– Освободил тебе дорогу к трону.

– Нет! Я не приму! Я не согласен, я...

– Никуда не денешься, – оборвал его Кендрик. – Выхода у тебя нет. Страна без короля развалится, вернее, ее раздерут на клочки жадные до власти бароны. Нужна сильная рука – и станешь ей ты.

Маг подошел ближе, сочувственно глядя на Гринера, дернул рукой так, будто хотел обнять его за плечи, но в последний момент передумал.

– Гринер, не грызи себя. Я не оставил тебе выбора, тебе придется просто принять то, что свалилось на тебя... Ты, наверное, думаешь, как именно ты станешь королем, когда никто не знает о твоём происхождении? – Тон Кендрика из мягкого и печального стал преувеличенно-добрым. – Я все продумал. И, надо сказать, просто превзошел себя. Ты оценишь – для того, чтобы...

Гринер развернулся к Кендрику, сжав кулаки. Он пытался призвать силу, хоть какую – Серую, Черную, даже Белая сгодилась бы... Но что-то опустошило его в тот миг, когда Роза засветилась розовым. Наверное, артефакт действительно мог его убить. Гринер пожалел, что этого не произошло.

«Дориан меня спас. Он умер... умирает. За меня. И... Ничего не изменить».

Гринер почувствовал, как откуда-то изнутри поднимается огромной волной ненависть, одновременно с осознанием того, что исправить содеянное он уже не сможет. Кендрик, увидев выражение глаз юноши, отпрянул и поспешно окружил себя еще одним кругом защиты.

– Я уничтожу Вас, – просто пообещал Гринер.

– Во-первых, не сможешь. – Маг, несмотря на то, что предпочел перестраховаться, выглядел уверенным в себе. – Во-вторых, тогда некому будет превратить тебя в Дориана.

Гринер, который уже был почти готов броситься на обманувшего его учителя, уговаривая себя в мыслях, что погибнуть рядом с Дорианом не самая лучшая смерть, замер.

– Да, ты не ослышался. Он до сих пор жив, потому что я держу его... на самом краю. Потому что частица его энергии нужна мне, чтобы совершить... я думал, ты оценишь – это ведь настоящий прорыв в магии, до сих пор никому не удавалось превратиться целиком даже в зверя, я не говорю о Великих магах древности... Тем более что я пошел дальше – и нашел способ превратить одного человека в другого.

– О чем Вы?

– Повторяю – чего ты добьешься, если убьешь меня? Даже если предположить, что тебе это удастся, хотя я не поставил бы на твою победу и сто к одному. Но если ты согласишься принять корону... трон – который, кстати, принадлежит тебе по праву, – и внешность Его Величества, все будут довольны. Я – потому что привел тебя к твоей судьбе, а ведь ты ее достоин. Вердленд не останется без сильной руки – будет кому приструнить дворян. Ну и, наконец, Шезара... Она получит в мужья человека, который любит ее больше жизни...

Голос Кендрика стал вкрадчивым, но вздрогнул Гринер только после упоминания имени королевы. Лицо его разгладилось и он прерывисто вздохнул.

– Вот видишь, всем хорошо...

Кендрик коснулся груди Гринера, подцепил пальцем хрустальный кулон, который Тео привезла ученику несколько месяцев назад, чтобы ему было легче связываться с ней. Гринер опустил взгляд на черное, обугленное тело, лежащее рядом.

– Нет, – тихо сказал он. – Это обман. Я не хочу...

– Прости, но поздно.

– Что?

– Я уже начал процесс преобразования. А то так долго можно было бы стоять и тебя уламывать, а король, между прочим, рвется в Сады Богов. Или в кого он там верит... И не дергайся, я смогу и удержать тебя, и сотворить свой шедевр. Знаешь, как я его назвал? «Заклинание полного подобия», красиво звучит, да? Даже маг, глядя на тебя в упор магическим зрением, не сможет увидеть за аурой Дориана твою истинную суть... И всего-то надо для этого – немного энергии умирающего короля... которую я помещаю в этот кусочек кристалла...

Кендрик все время менял тон: то ерничал, то серьезно сожалел о случившемся, то, казалось, искренне радовался за Гринера. Но глаза его были холодны и безучастны. Юноша почувствовал, как его кожу холодит незнакомая магия... Липкая, цепкая и... абсолютно чуждая ему. Но, несмотря на боль и жгучее чувство стыда, он сумел уловить мысль, мелькнувшую на самом краю сознания. Он может сохранить... хоть что-то.

– Погодите, – выдавил Гринер. – Нельзя его так... Оставьте его как есть, целиком.

– Зачем?

Гринер не знал. Он понятия не имел о том, как именно Кендрик творит свое заклинание, не понимал принципа его магии и того, как это будет работать. Но постарался ответить твердо, хоть его и мутило от ощущения, будто его облакает вторая кожа.

– Как Вы думаете – долго ли я удержусь на троне? Меня не учили быть королем, я не знаю ни как говорить, ни что делать...

Кендрик задумчиво выпятил нижнюю губу.

– А знаешь, мысль здравая. Мы же не хотим, чтобы твоя личина вскрылась в первый же день? Или чтобы короля все посчитали сумасшедшим? Ты молодец. Я так и сделаю.

– Сделаете?

– Да, помещу его туда целиком. В кристалл. Еще немного потерпи.

Гринер сглотнул вязкую и горькую слюну, проклиная тот день, когда Кендрик посетил его в охотничьем домике на склонах Ворчунов.

– Уж как вы там с ним договоритесь – сам придумай, не маленький. – Кендрик наконец-то отпустил цепочку с кристаллом и отошел. Склонил голову, глядя на Гринера, словно художник, любующийся своим творением.

– Превосходно. Теперь это, – он кивнул на останки короля, превратившиеся в груды чего-то дымящегося, – лишь сожженная плоть, а Дориан... Рядом с тобой. И немного – в тебе.

– Вы меня использовали... с самого начала. – Глухо сказал Гринер.

– Да, не спорю. – Кендрик прекратил улыбаться и красивое лицо его исказилось в гримасе презрения. – И, хоть с одной стороны я рад, что все получилось именно так, как я задумал, но с другой... я немного разочарован в тебе. Ты ведь обладаешь незаурядными способностями, и парень не глупый... А все равно попался. Я думал, мы похожи... Но ты слишком предан своим наставникам и их идеям, а жаль.

– И это преданность? – глаза Гринера щипали слезы бессилия и злости. – Из-за меня погиб Дориан, мне придется занять его место, украсть его жизнь, обманывать всех...

– Ты это лишь принял, как неизбежное зло, из страха, по глупости. Ты трусливый, растерянный мальчик, желающий получить знания и силу на дармовщину, не неся ответственности. К сожалению, это решение ты принял не сам, лишь покорно позволил себя к нему подвести. В противном случае разговаривал бы я с тобой по-другому и может быть... да, назвал тебя своим напарником. Но силы духа в тебе пока маловато.

Каждое слово Кендрика жгло Гринера, словно раскаленным железом.

– Поэтому... ты будешь всего лишь персоной на троне, исполняющей мои указания. Возможно, когда-нибудь дорастешь и до... увидим.

Гринер подумал, что вот сейчас перед ним последний шанс нанести удар Кендрику, и драться до конца, до смерти. Он даже желал умереть – а еще лучше, умереть, зная, что мага он утащит с собой. Но в нем проснулась некая сила, вернее, ощущение... и голос внутри, знакомый до боли, сказал: «Не смей».

– А если вдруг начнешь своевольничать... что же. Есть Шезара, которую, как ни старайся, от моей магии не спрячешь. Но, надеюсь, до этого не дойдет.

Кендрик похлопал Гринера по плечу, после чего юноша ощутил, как удерживающая его магия постепенно начинает исчезать. Маг улыбался, будто прощался со старым приятелем, которого встретил случайно на улице и, узнав последние новости из вежливости, уходил по своим делам.

– Мне пора. Спектакль еще не закончен, хотя до финала, я надеюсь, осталось немного... Последний акт – встреча учителя и ученика. Другого учителя и ученика, я имею в виду.

Кендрик открыл портал, в глубине которого Гринер увидел лишь тьму, и шагнул в него. За магом понеслись снежинки, захваченные взмахом его плаща.

Юноша остался стоять на холме, рядом с телом короля... вернее, тем, что от него осталось. Он ощущал, как тает магия Кендрика, видел, как исчезает, будто испаряется, его собственный защитный круг... и чувствовал замерзшие слезы на щеках.

«Что же я наделал... Может... взять меч Дориана и...?»

Он медленно нагнулся и, обхватив клинок непослушными пальцами, поднял его.

Внезапно из снежной завесы вынырнула фигура.

«Тео!»

Гринер сперва обрадовался так, что чуть не упал на колени – ноги его не держали. Но тут же дыхание перехватило, как только он подумал о том, что произошло только что.

– Я... я не успел, – дрожа, выговорил он обледеневшими губами. – Он удержал меня какой-то магией. И я не успел. Мне... – Гринер выронил меч. – Мне очень жаль.

Он хотел сказать Тео, что Дориан умер как рыцарь, а еще что Кендрик был здесь, и что он сожалеет, сожалеет, сожалеет... Но не смог больше ни слова произнести – они стали комом в горле, когда он увидел, с каким выражением на лице смотрит Тео на почерневший труп.

«Она... из-за Дориана она готова разнести весь мир в клочья», – потрясенно подумал он.

«Нет, парень. Из-за тебя», – произнес голос в голове. – «Она думает, что умер ты. Ты ведь теперь выглядишь, как я»

– Кендрик, – прорычала Тео. Гринер отшатнулся – столько ярости было в ее голосе.

Магичка резко вытянула руку вперед, потом вцепилась пальцами в воздух, хватая что-то невидимое... Гринер понял, что она ищет остаточную магию портала, чтобы открыть его в то же место, куда ушел Кендрик. Юноша сделал шаг вперед, отчаянно силясь побороть собственную слабость, и прохрипел:

– Не надо, я...

Портал открылся с треском, будто порвалась сама ткань мироздания. В центре его виднелась только темнота. Не медля ни секунды, Тео кинулась вперед, в портал.

Поглотив ее, он исчез почти сразу.

«Значит, я умер...» – раздался голос в голове у Гринера. Он не был печальным, и злости в нем тоже не было. – «И больше никогда не обниму жену...». Голос стал задумчивым. Будто имел в виду кого-то другого, кто лишился жизни всего несколько минут назад. Это был Дориан, вне всяких сомнений – но какой-то... спокойный.

– Я знаю, – простонал Гринер, садясь в снег. – Знаю... Вы меня никогда не простите, да? Хотя что я спрашиваю, не сможете. Уж лучше я...

«Спрячь меч в ножны, юноша. И возьми себя в руки. Ты что, хочешь сейчас разрушить даже призрачное подобие надежды?»

– Но что мне делать?

«Для начала, прекрати разговаривать сам с собой. Сошедший с ума король ничуть не лучше вовсе отсутствующего. И нам надо подумать...»

– Нам? – спросил Гринер, забывшись, но тут же исправился:

«Нам?»

«Нам. Не решил же ты, что сможешь уйти от ответственности? Ведь этот маг только что сказал, что ты... Возьми себя в руки. И прекрати испытывать к себе ненависть. Я буквально чувствую, как она меня разъедает, хотя вроде не должен бы».

Гринер, как мог, постарался сдержать рвущиеся наружу эмоции.

«Вернемся к нашим войскам. И никому пока не говори... Во имя всего, что тебе дорого. Ты теперь – это я».

– Король – это я. – Повторил Гринер, вытирая слезы. И, чуть более уверенно: – Я – король.

Снаружи послышались голоса, и в королевский шатер заглянул Пьетро, личный слуга Дориана. Он не отправился на войну с Дорианом, но, едва вердлендская армия стала лагерем на берегу Тегерры, прискакал к хозяину и теперь снова заботился о нем, что не могло не радовать его преданную душу. Он стал слугой короля, когда тот взошел на престол, и видел своего монарха разным – добродушным и разозленным, любопытным и уставшим, но никогда еще не видел таким... опустошенным. Это заставляло его беспокоиться, хотя и молча – задавать вопросы он права не имел. Потому и старался по мере сил и возможностей – просто быть рядом, помогать, подавать, следить за отсутствием сквозняков и качеством королевской пищи.

– Ваше Величество, парадный доспех...

Король сморгнул, вырвавшись из задумчивости, и переспросил:

– Что?

– Поскольку Ваш оруженосец погиб, то обязанность облачить Вас в парадный доспех перешла ко мне. Вы приказали готовиться к торжественному въезду, и лорд Сенешаль...

– Я понял, Пьетро. Заходи.

Слуга вошел внутрь, за ним солдат внес доспехи. Пьетро принялся за дело, король хмуро молчал, омраченным взглядом уставившись в пустоту. Слуга хотел было спросить, что беспокоит его короля, нарушив неписанное правило невмешательства для слуг, но проглотил первое же слово, готовое сорваться с губ, едва встретился взглядами с Дорианом. «Не так должен выглядеть победитель, возвращающийся с триумфом в столицу», – обеспокоенно подумал

Пьетро. Но решил, что заботы короля – предательство в среде баронов, а тут он помочь точно ничем не мог.

Король тем временем общался в мыслях с другой половинкой своей души.

«Я должен рассказать все Дереку», – в который раз уже повторил Гринер.

«Нет, надо подождать», – ответил Дориан. – «Мы слишком мало знаем. Чего хочет этот маг? Какая сила у него? И не забывай про опасность, грозящую Шезаре... А Дерек ведь необдуманно может попытаться заставить тебя вызвать Кендрика, заманить его в ловушку. Дереку есть за что мстить».

«А мне разве не за что?»

«Нельзя ради очистки своей совести рисковать королевством и королевой», – тон Дориана был жестким. – «Умный стратег выжидает, собирает сведения о враге...»

Гринер зло и бессильно зашипел. Слуга испуганно дернулся, думая, что случайно сделал больно королю, одевая доспех.

– Все в порядке, Пьетро. Ребро побаливает, – ровным голосом сообщил король. – Продолжай.

– Возможно, Вашему Величеству нужно показаться лекарю...

– Покажусь, во дворце. Не затягивай только туго вот тут, справа, и все будет хорошо.

«Когда Кендрик свяжется с нами перед Советом, чтобы сообщить о том, что он хочет на нем услышать, постарайся вытянуть из него побольше информации», – предложил Дориан и добавил: – «Гринер, верь мне, мы справимся. И расскажем все Дереку, когда придет время. Надо лишь немного терпения».

«И лицемерия»

«Необходимое качество для короля, к сожалению»

«Я ненавижу себя»

«Терпи»

Через час пышная процессия во главе с Его Величеством Дорианом Вторым, сверкая на так кстати выглянувшем солнце доспехами и оружием, с развевающимися штандартами под пение труб въехала в главные ворота столицы.

## Глава 2

Дерек от храма Древа направился к дому на Широкой. На середине пути чуть было не повернул назад – уж больно не понравилась магу реакция Рика на его слова. Или, вернее, почти полное отсутствие таковой. Но затем, рассудив, что бард достаточно умен, чтобы справиться с безрадостными новостями, тем более что сделать Рик все равно ничего не мог, Дерек продолжил свой путь. Прохожие, увидев его явно военного покроя куртку с дубовым листом, подходили – кто поздравить и пригласить выпить «славного воина», кто спросить о своих близких, вдруг видел или слышал что... Добравшись до заброшенного дома, маг первым делом стянул куртку и повесил ее на крючок в прихожей. Несмотря на беспокойство, ставшее уже привычным в последние недели и понимание того, что впереди еще множество забот, не говоря уж о том, что он еще полностью не осознал того, что потерял ученика окончательно, а напарницу – на неопределенный срок, все, о чем сейчас мог думать Дерек – это о бассейне с горячей водой в подвале дома. Он открыл портал, шагнул в него... и, ощутив, что падает, издал вопль:

– Какого...?

Времени ему хватило лишь на начало фразы. Маг с головой погрузился в ледяную воду. Не раздумывая, тут же скинул сапоги, и, с трудом определив в мутной воде светлое пятно, означавшее, что там, скорее всего, поверхность, поплыл к ней.

Вынырнул, набрал в грудь воздуха, огляделся...

– ...демона?! – Закончил он.

Усадьбы не было. Вместо нее из небольшого озерца, грязного, с плавающими поверху кусками льда, торчал обгоревший остов дома. В воде плавали доски, несколько бочонков. Уцелела боковая башенка, где находился вход в лабораторию Тео, в остальном же... Все выглядело так, будто тут побывал разъяренный дракон.

Дерек понял, что, скорее всего, он оказался в озерце, появившемся на месте подвала, когда были разрушены подводящие воду протоки. Он подгрел к «берегу», цепляясь окоченевшими тут же пальцами за скользкие, закопченные камни, взобрался на один из них, когда-то бывший частью фундамента. От холода у Дерекы зуб на зуб не попадал. На всякий случай подвесив вокруг себя защиту, маг обсушился потоком горячего воздуха, с отвращением чувствуя, как грязь на лице превращается в корку, и огляделся.

– Мать-перемать... – сквозь зубы процедил маг. Осмотрев развалины дома, он примерно воссоздал картину нападения.

Скорее всего, неизвестный маг взломал защиту дома, вернее, три защиты. Дерек проверил местность магическим зрением – от сети заклинаний вокруг остались одни ошметки. Обычно спокойствия мага хватало на самые разные ситуации, но сейчас Дерек ощутил, как накатывают волны ярости. Увязая в густой грязи, он обошел развалины по периметру, и убедился в том, что это было именно нападение. Среди груды камней он увидел несколько кусков зеленоватого гранита и каменное крыло. Значит, каменные грифоны, стоящие на крыше, ожили, почуяв опасность, и попытались ее предотвратить. Природный катаклизм цепочку заклинаний, оживляющих каменные статуи, не запустил бы... да и разрушения тогда были бы не только здесь.

Заставив себя успокоиться и мыслить здраво, Дерек проверил окрестности еще... и еще раз. С трудом подавил второй приступ ярости, пополам с горечью... Дом, родной дом, в ключья, до основания! Он знал, кто тому виной. Кендрик. «Больше некому», – думал маг. – «Не наши маги же... Хотя – Кендрику это зачем? Разве что...»

Дерек подошел к башенке, взлетел на уровень второго этажа. И начал ощупывать камень – где-то там находился запечатанный вход с порталом, переносивший посетителя на мили и мили южнее. Но Дверь оказалась запечатана, причем снаружи. Дерек увидел оплывший камень, слившиеся в единое целое блоки, и понял, что сюда пытались проникнуть – безуспешно. И в попытках взломать защиту, спалили ее, закрыв вход навсегда.

«Ну, хоть до кабинета не добрался», – облегченно подумал Дерек и опустился на землю. Сначала он думал отправиться порталом на юг, к Белым скалам на побережье Копий, но, поразмыслив, отказался от этой затеи. Точных координат магически выплавленной в каменном обрыве комнаты с окнами на море он не знал, а ощупывать отвесные скалы в расчете на удачу – верный способ потерять несколько дней. Похвалив себя за тупоумие и леность, из-за которых он все никак не сподобился создать там свою личную дверь, запомнив место, Дерек подумал, что о местоположении кабинета Тео вполне мог бы знать Ольсен. Да и рассказать ему обо всем, что произошло, маг собирался в любом случае.

Скривившись, Дерек еще раз оглядел разрушенное до основания жилище и открыл Дверь. Вдохнул морозный воздух с еще различимым запахом гари, сделал шаг... и выдохнул уже сотнями миль северней, ощущая, как кожу лица, покусанную морозом, овеивает теплый ветер, пахнущий цветущими яблонями.

Ольсен, учитель Тео, славился двумя качествами – причудами и умением управлять климатом. Он жил в небольшой долине, закрытой со всех сторон высокими, острыми и крутыми скалами, смертельными, как... смерть. Никто не осмеливался сунуться сюда. Кроме Тео, естественно, которой втемяшилось в голову найти мага и пойти к нему в ученицы, хотя в магов тогда, пятьдесят с лишним лет назад, уже никто не верил, а про скалы Кхаэр Вир ходили легенды одна мрачнее другой. Дерек вспомнил, как его подруга со смехом рассказывала о

своем безумном путешествии, описывая в красках, как карабкалась по скалам, одетая в три меховые шубы – и лицо его болезненно застыло.

«И вот я», – прозвучало в голове, да так ясно, словно Тео стояла рядом и говорила вслух, – «с обмороженными пальцами, к тому же сбитыми в кровь, огромная, как медведь, потому что на мне три горских шубы и к тому же грязная, как демон, потому что помыться, естественно, было негде, переваливаюсь буквально на животе уже, через камни... и вижу – передо мной долина, как из снов – теплая, цветущая, с дурманящим запахом яблок и яблоневого цвета... я, естественно, думаю, что попала Запредел уже, что сдохла на самом деле, и тушка моя валяется где-то в ущелье с блаженной улыбкой на лице... Бреду, бреду по зеленой траве, а навстречу мне выходит такой высокий старик с длинной бородой и буднично так спрашивает: «Чаю?»»

Дерек почувствовал, что глаза его увлажнились, сердце защемило. Он чуть было не обернулся, ожидая увидеть Тео рядом, но знал – он один на большой поляне. Вокруг во всю ширь долины простирался сад. Удивительно в нем было то, что он одновременно цвел и плодоносил, не говоря уж о том, что тут всегда стояла теплая весна. Маг смахнул с лица капли – лед, намерзший на мокрых волосах, второпях им не до конца высушенных, стал быстро таять, – и зашагал вперед, к приземистому домику, окруженному кустами жимолости и сирени. В отличие от их с Тео усадьбы, дом Ольсена был одноэтажным, но довольно большим. Он разрастался не вверх, а вширь, и был полностью деревянным.

Дерек подошел к порогу, постучал молоточком в дверь. Подождав с минуту, Дерек, услышав беззвучный зов, обошел дом кругом и направился к месту, где обычно Ольсен принимал гостей. Ярдах в ста за домом, под раскидистыми, старыми яблонями стоял грубый деревянный стол, чья столешница была отполирована временем до блеска, и две скамьи. Старый маг ждал его там. На столе стоял кувшин с молоком, на блюде лежал крупно нарезанный хлеб, стояли миски с маслом и медом.

– Садись, поешь. – Вместо приветствия сказал Ольсен. Впрочем, он уже поздоровался с Дерекком – мысленно. – А грязный ты, потому что...?

Дерек, чтобы не терять даром времени, послал магу все скопом – видение разгромленного дома, озеро на месте подвала, остатки заклинаний. Намазал хлеб маслом, щедро плюхнул сверху меда и впился в бутерброд зубами. На него внезапно накатила зверский голод.

– Понятно... – помрачнел старик. Он был одет, как всегда, в простые холщовые штаны и льняную рубаху с вышивкой у горла: его можно было бы принять, при желании, за дедка-пчеловода. – Поешь сначала, потом обмойся... и затем обсудим.

Дерек послушно налил себе теплого молока. Ольсен безмятежно ждал, пока Черный маг насытится, потом проводил его на задний двор домика, молча указал на бадью и шайку. Сам же скрылся в доме – заваривать чай.

Чистый и сытый Дерек пошел на запах трав минут двадцать спустя. В гостевой комнате, куда привело его обоняние, было чисто и светло – в большие окна с открытыми настежь ставнями проникало достаточно света. Присев на крепкий дубовый стул, маг дождался, когда Ольсен поставит на стол две пиалы и чайник, и только после этого сказал:

– Дело плохо. Как думаешь, это Кендрик сделал?

Ольсен задумчиво пожевал губами и не спеша ответил:

– Не знаю, не знаю... может, и он.

– Может? – вскинул голову Дерек. – Больше никому!

– Ты пей чай, пей... он успокаивает.

– Не хочу я успокаиваться, – буркнул Дерек, но, тем не менее, пару глотков обжигающего напитка сделал. По телу растеклось приятное тепло.

– Ты короля почему бросил? – внезапно спросил Ольсен жестким тоном.

– Он и сам неплохо справляется, – ответил Дерек, не поддавшись на провокацию. – К тому же – не ждешь ведь ты от меня, что я займу место Тео при нем? Я не пастух. Я волкодав.

– А-а-а-а, – протянул Ольсен. – И чего ради ты вдруг вспомнил эту старую притчу?  
– Потому что так и есть. И так мне объясняли, когда учился. Люди – отара. Серые – пастухи, Белые – старейшины, а мы, Черные – волкодавы. И призваны защищать отару от волков. Тех, что появляются из Проколов.

– Напомни-ка мне, кто был твоим учителем?

– Ирги. – Дерек взял со стола пряник, повертел в руке и положил обратно. – Ирги Камнелом.

– Эх... – Ольсен налил себе чаю – он любил покрепче, и ждал, пока настоится. – Старая школа. Простые объяснения. Все черное или белое.

– Не об этом сейчас речь, – прервал его Дерек, впрочем, без горячности. Он уже успокоился – его меланхолическая натура быстро взяла над ним верх. Долго нервничать он не умел. Предпочитал или делать, или ждать, не тратя силы на переживания. – Я пришел за советом.

– Спрашивай.

– Мне что делать? Сидеть около короля? Или продолжить то, что задумала Тео – отправиться в Араханд?

– А самому тебе что хочется?

– Если честно, то мне хочется найти Кендрика и разорвать его на части голыми руками, так, чтобы кровь между пальцев потекла, – будничным тоном ответил Дерек и все-таки надкусил пряник. Тот был тверд, как камень, и маг скривился. Но жевать не перестал. – Но это пройдет... через денек другой. А еще мне хочется найти Тео, но раз мы ее за эти три недели обнаружить не смогли, я и не знаю, что предпринять...

Ольсен слушал его и кивал на каждое предложение.

– А еще, наверное, мудро было бы все-таки отплыть в Араханд и найти там способ остановить Проколы – но я понятия не имею, с чего начать поиски. Тео говорила очень туманно.

– Это ты перебираешь варианты, которые тебе голова подсказывает... или сердце. А ты суть свою спроси. Саму суть мага.

Дерек нахмурился и замолчал. Окунул половинку пряника в чай, чтоб тот размяк, да так и застыл. После долгой паузы ответил:

– Ты еще хуже, чем Ирги, а он был занозой еще той, пусть ему в Запределе икнется. Не знаю, Ольсен. Моя суть ничего не говорит.

Старик легонько потарабанил пальцами по боку пиалы. Возвел глаза к потолку, прислушиваясь. Затем тихо сказал:

– У нас гости.

Дерек, на которого внезапно навалилась усталость – не физическая, а внутренняя, что заволокла мозг тяжелой пеленой и уравнила в безразличии все варианты действий, кивнул. Он почувствовал, что неподалеку возникли порталы. Тео сделала прямую Дверь к себе на кухню (которой, напомнил себе Дерек, уже не существовало), а Ольсен разместил выходы порталов вне дома. За окном слышались шаги и в дверь ударил молоточек. Ольсен, судя по изменившемуся выражению глаз, дал кому-то разрешение войти, и дверь открылась.

На пороге стоял Мальти. С последнего раза, как Дерек его видел, маг внешности не менял, оставаясь в старческом облике. Рядом с ним стояла Урсула, Черная.

– Приветствуем, Ольсен, – поздоровался Мальти и они с магичкой вошли в дом. Белый остановил взгляд на Дереке и, после нарочитой паузы добавил: – И тебя, Дерек.

Маг поприветствовал их в ответ, сохраняя на лице спокойствие.

– Очень хорошо, что ты здесь. Мы наслышаны о твоём горе. Соболезнуем.

«Какому именно?», – хотел спросить Дерек, но промолчал. И так было ясно – потерю отступницы оплакивать вряд ли кто будет, а вот то, что Черный лишился ученика... Последующие слова Урсулы подтвердили предположение Дерекса:

– Очень жаль парня. – И тут же она практически добавила: – Черный маг нам пригодился бы.

Все расселись. Ольсен выставил еще две пиалы на стол, благо чайник был большой и ставить его по второму разу нужды не было. Мальти положил руки перед собой, сплетя пальцы. И обратился, как ни странно, к Дереку:

– Расскажи, как все случилось.

Маг внутренне подобрался. Если его попросят показать свои воспоминания... хотя – ничего особенного они все равно не увидят. Ему о тех событиях рассказал Дориан. Но Мальти хотел услышать именно устную версию. Дерек сухо поведал все то, что узнал от короля. Неизвестный маг. Короткий поединок. Гибель Гринера... Внезапно маг понял, что Мальти проверяет его на правдивость. «Думает, что я лгу?», – ошарашено подумал Дерек, – «Зачем ему меня читать?». Дойдя в рассказе до места, где Тео шагнула в закрывающийся портал, Черный заметил, что Урсула неодобрительно поджимает губы.

– И около месяца вы оба не можете с ней связаться? – Уточнил Мальти.

Ольсен подтвердил, и добавил, что Тео вряд ли погибла. Когда мага нет в этом мире, попытки поговорить с ним мысленно, нащупать, найти, воспринимаются однозначно – как отсутствие.

– Она могла отплыть в Араханд? – спросила Урсула.

Дерек покачал головой.

– Когда она несколько лет жила в Араханде, связь с ней была, хоть и слабая. И в любой момент я мог определить, где она. – Воспользовавшись тем, что речь зашла о южном государстве, Черный с нажимом сказал: – Но, если бы она это сделала, то поступила бы правильно. В Араханде ведь не возникают проколы, если бы мы нашли их магов и...

– Их маги понятия не имеют, как это было сделано.

– Но Тео сказала, что нашла кого-то...

– Ты его знаешь? Знаешь его имя? Где он – или она, – находится? – Мальти говорил ровным тоном, без раздражения, но Дерек вдруг почувствовал, что ступил на очень зыбкую почву. – Я уверен, что это ее фантазии. Тем более что мы почти подготовили «Возвращение магов», и, думаю, вернемся даже раньше, чем предполагали.

Дерек уже был готов рассказать о сомнениях Тео по поводу учеников, приведенных не Силой, о Кендрике... и о «куполе», поскольку молчание Тео очень похоже было на то, как пропал тогда, сбежав, Гринер. Но Ольсен вдруг хлопнул его по руке и сочувственно произнес:

– Все мы понимаем, как тяжело потерять напарника. И понимаем, что тебе, в память о ней, хотелось бы завершить начатое, но... Твоя помощь куда нужнее здесь.

– В смысле? – Дерек был удивлен. И лишь спустя секунду понял, что имеет в виду Ольсен.

– Вернись к нам. – Сказал Мальти. – У нас каждый маг на счету, и мы не можем позволить себе терять их из-за глупых предположений. Через месяц мы вернемся к людям, и ты должен быть с нами.

Дерек задумался. Это ли подсказывала ему его магическая суть? Он не знал. Вернее, чувствовал очень смутно, но что... «Я действительно не знаю, кого и как искать в Араханде. Но и в способы Мальти я не верю».

– Думаю, он согласен, – ответил за мага Ольсен. – Завтра он явится к вам для получения инструкций. К тому же, – подчеркнул старик, сжав руку Дерек, – ты сможешь приглядывать за королем.

Мальти согласно кивнул, а Урсула удовлетворенно улыбнулась. Дерек, разрываясь внутри на части, внял намеку Ольсена и склонил голову.

– Чудесно. – Подытожил Мальти. – Вообще-то я пришел сюда, чтобы уговорить Ольсена присоединиться к нам... – он вопросительно посмотрел на Серого мага, но тот с улыбкой покачал головой. Как ни странно, Мальти лишь пожал плечами, хотя мог бы возмутиться.

Дерек решил задать Ольсену пару вопросов, когда гости уйдут. – ... но, заполучив в наши ряды Дерека, я вполне удовлетворен.

Белый и Урсула встали. К чаю они за время разговора так и не притронулись. Раскланявшись, они вышли из дома под благожелательные напутствия Ольсена, и через минуту исчезли в портале.

Дерек откинулся на спинке стула. Потом, спохватившись, выудил из пиалы размякший пряник и стал его жевать, вопросительно поглядывая на Ольсена. Тот отошел от порога, у которого стоял, помахивая рукой уходящим магам, и прикрыл дверь.

– Странно все это, – с набитым ртом высказался Дерек.

– Что именно?

– Мальти словно собирался тебя просить... не требовать, не уговаривать. Чем ты его так пугаешь? И вообще вся эта встреча странная. Ольсен, что происходит?

Старик вздохнул и присел напротив Дерека. Подогрел чай, приложив руку к керамическому боку чайника. Травами запахло сильнее.

– Мальчик мой... – Повисла пауза, во время которой Дерек, прикончив пряник, смотрел на учителя Тео, ожидая, пока тот заговорит, а Ольсен смотрел в одну точку перед собой, собираясь с мыслями... или решая, что можно рассказать Черному. – Что ты знаешь об умении Серых «плести»?

– Тео рассказывала, что она изменяет мир вокруг. Иногда – совершая незначительные на первый взгляд поступки, иногда напрямую. Все воздействия и последствия взаимосвязаны.

– Именно так. А тебе не приходило в голову задать вопрос – хотя бы, самому себе, – чем таким особенным занимаются Серые, пройдя определенный этап? Чем занимаюсь я, например. И почему не бегаю по дворцам, не советую королям, не плету свои сети?

– Приходило. – Ответил Дерек. – Но я считал, и считаю, что вы просто ушли на покой.

Ольсен чуть приподнял бровь, ожидая продолжения.

– У вас же есть ученики... – недоумевая, что еще хочет от него услышать маг, добавил Дерек, и тут у него в голове словно сверкнуло. – О-о-о-о...

– Вот именно. – Подтвердил Ольсен невысказанную, но так ясно проявившуюся на лице Дерека мысль. – В какой-то момент способ «плетения», или, как я это называю, «вращения» мира меняется. Мы действуем на него через своих учеников.

– То есть, вы хотите сказать, что управляли Тео? Как куклой?

– Нет, Дерек, что за глупость, – рассмеялся Ольсен. – Я... подготовил ее определенным образом, чтобы она влияла на мир... определенным образом.

– А сама Тео об этом знала? – мрачно спросил Дерек. Он не понимал, в чем разница. И представить, что все это время Ольсен исподтишка руководил ими... от этого неприятно сводило скулы.

– Конечно знала. – Ответил Ольсен. – А насупился ты, потому что...?

Дерек объяснил магу свои сомнения. И добавил:

– Я эти ваши серые штучки... не понимаю.

– А ты напрягись, – улыбнулся Ольсен, и Дерек на секунду снова почувствовал себя зеленым учеником. – Пойми... все взаимосвязано. ВСЕ. Я, так же как и Тео, делаю вещи... совершаю поступки... и они имеют последствия. Это как... Как будто тебе отдали на воспитание принца, и от того, как ты его обучишь, зависит, будет править королевством алчный и жестокий правитель, или мудрый и добрый король. Хотя на самом деле все гораздо сложнее.

– И... сколько у вас таких учеников? Через которых вы действуете?

– Было трое, – просто ответил Ольсен, и глаза его погрустнели.

Дерек с силой сжал челюсти и не стал задавать вертевшийся на языке вопрос. Достаточно было самому подумать... Серые маги того же поколения, что и Тео... Рисса и Эфоль. Рисса мертва, Тео пропала.

– Эфоль, – тихо сказал Дерек. Ольсен кивнул. – А он... в курсе?

– Чего?

– Например, того, что Гринер... умел менять Цвет... или мыслей Тео об «армии кендриков», или...

– Нет, не в курсе, но это не мешало ему действовать правильно и гармонично, – Ольсен прищурился. – А что за «армия кендриков»?

Дерек пересказал мысли Тео по этому поводу. Ольсен, и это было видно, забеспокоился.

– Она совершенно права. Я подозревал что-то подобное, и именно поэтому попросил тебя вернуться к остальным – чтобы ты мог... сгладить некоторые углы и помочь мне повернуть все так, чтобы мы сами не привели себя к катастрофе.

– То есть, у меня там будет союзник? Когда я вернусь?

– Не-е-ет, – протянул Ольсен недовольно. – Я же говорю – Эфоль ничего не знает. Если ты заговоришь с ним предметно, он удивится и ничего не поймет. А может, поймет, не знаю. Но будь уверен, что действовать он будет так, как надо.

– А я, значит, поскольку Черный, тоже буду делать так, как надо, но не потому что «настроен» на верные поступки, а потому что знаю подоплеку?

– Именно.

– И все же, это никак не объясняет, почему Мальти вас боится.

Ольсен хитро улыбнулся.

– Он не боится. Я развернул все так, что он просто чувствует себя не вправе вытаскивать меня отсюда. А мне полезнее находиться тут, в моей долине. Отсюда мир вращается лучше.

Дерек замолк, переваривая услышанное. Оказалось, что Серые – еще те ходячие секреты. Но злость по поводу «управления» уже спала с мага, растворилась без следа – он начал понимать, что имел в виду Ольсен. Не манипулирование, нет... вернее, не в том смысле, в котором он понимал его вначале.

– Значит, с завтрашнего дня и присоединяюсь к остальным и помогаю «Возвращению магов», а потом участвую в создании Академии магии, так? – Ольсен кивнул. – А что будет с Тео? Мне прекратить ее поиски?

– Я буду искать сам. И «вращать» мир до тех пор, пока она не получит возможность вернуться – где бы она не была.

– А с Дорианом что?

– Пусть правит. Он неплохо справляется. У него есть Роза, которая поможет в случае опасности, и мозги, которые еще более полезны, чем Роза, в некоторых случаях. О нем не беспокойся.

Дерек встал. Он уже наметил, чем надо заняться до завтра – убрать следы разрушения их дома, стереть всякую магию с того места, проверить, как там король – и попрощаться с ним на долгое время. Успокоить, сказав, что Тео ищут. Тут Дерек чуть не хлопнул себя по лбу:

– Есть ведь еще Рик! С ним что делать?

– А где он сейчас? – спросил Ольсен, ничуть не удивившись вопросу и даже не спросив, кто такой этот Рик и чем он так важен.

– Среди братьев Древа.

– Вот пусть там и остается.

– Но он... – Дерек замешкался. – Я боюсь, как бы он не сделал глупость. Он, я думаю... влюблен в Тео. Что мне ему сказать?

– Скажи, что ее ищут. Он умелый шпион и глупостей делать не будет. По крайней мере, не должен. – Ольсен тоже встал, похлопал по плечу Дерек. – Давай, давай, двигай. Переночевать есть где?

– Есть дом на Широкой, – ответил маг. – А про то, что Тео ищут, Рик знает и так.

– Значит, будет сидеть на месте и ждать, если не дурак. – Ольсен замахал руками на Черного. – Иди уже...

Дерек широко улыбнулся. Встреча с Ольсеном оказалась очень полезной. Как минимум, Дерек получил следующую цель, а также некоторые объяснения. Он вышел из дома старого мага, вдохнул сладкий воздух и шагнул в открывшийся портал.

Известие о том, что король намерен появиться в замке Дерренвейт не завтра, а уже сегодня, более того – через пару часов, дворецкому Шольцу принес продрогший и уставший солдат. Шольц приказал накормить его и согреть, а сам застыл посреди залы, где застала его эта новость.

Вот ведь незадача, еще не все сделано, полы кое-где не натерты, некоторые блюда только-только начали готовить, а сладкого поросенка, например, надо вертеть над углями почти сутки. И все же старый слуга был рад, что король появится раньше. Шольцу не терпелось своими глазами увидеть Их молодое Величество, убедиться, что тот в порядке, накормить, окружить заботой...

Вот уже несколько поколений Шольцы, как дворецкие Дерренвейта, служили королям верой и правдой. А еще они относились к правителям Вердленда заботливо, как насадки и чутко, как... как дворецкие. Пока король у себя в замке – все хорошо. Шольц, как и его отец, служивший на том же посту, и дед, могли похвастаться – за все время их работы ни один король не то что не был отравлен, но даже не простужался. Все недомогания Их Величества подхватывали за пределами замка – и тут уж Шольцы ничего не могли поделать. Или вот покойный отец Дориана, Беорель... Получил стрелу в бок! Слышанное ли дело!

Возмущенно фыркнув, Шольц зашаркал по направлению к кухне. Там он, грозно оглядев поварих, пекарей, мясников и поварят, горделиво, словно полководец, выкрикивающий приказы войску, заявил:

– Все блюда, что будут готовы только завтра, или к ночи, или к вечеру, отставить пока! Их Величество прибудет уже через пару часов! Клара!

Главная повариха подбежала к дворецкому, вытирая руки фартуком. Вопреки расхожему мнению, что повариха должна быть толстой, доброй и пожилой, Клара являла собой полную противоположность. Разве что злой не была, но язвительность и строгость с лихвой восполняли этот недостаток. Лет ей было около двадцати пяти, молодая женщина была хороша собой, с прелестной фигуркой и красивыми выющимися локонами, которые она, впрочем, во время работы тщательно прятала под чепцом. Шольц гордился ею, как родной дочерью. Готовила она превосходно, прекрасно разбиралась в блюдах не только вердлендских, но и лионских и даже арахандских (за что и была взята на должность, когда король женился), держала всю кухонную братию в своем маленьком кулачке.

– Мы можем порезать большую тушу кабана на куски и так зажарить, есть травы и соусы. Получится не хуже, а даже лучше, чем целиком, – быстро, по-деловому сообщила она. – А вот со сладостями плохо, их оставили напоследок, и сейчас только пудру растирают.

Шольц сдвинул брови. Он всегда давал своим подчиненным возможность проявить себя, взять инициативу в свои руки. И Клара не подвела.

– Но я знаю одну кондитерскую... – улыбнулась девушка. – «Гузка» мадам Келеен.

– Наслышан, – коротко сказал Шольц, и это было одобрением и руководством к действию одновременно. – А остальное?

– Успеем, – ответила Клара.

Дворецкий кивнул и направился к покоям короля, проверить, все ли готово там. Когда в замке жила королева, Их Величество Дориан почивал вместе с ней. Но с тех пор, как она уехала, король перебрался в свою старую спальню, тем более что и кабинет его был рядом.

Поднявшись по лестничным пролетам с кряхтением и вздохами, однако, очень шустро, Шольц столкнулся в дверях королевских покоев с Томасом Ферфаксом.

Если дворецкий проверял чистоту и порядок, а также наличие полотенец, подушек, одежды, и всего такого прочего, то Ферфакса заботили вовсе не свежие простыни. Шольц вопросительно приподнял бровь.

– Чисто, – ответил на молчаливый вопрос Томас. – Проверили несколько раз. Под окном гвардейцы, у двери тоже. Перед самым прибытием я проверю еще раз лично.

Несмотря на то, что и Тео, и король всячески старались замять ту историю с убийцей, Шольц еще долго после неудачного покушения рвал на себе волосы, хотя Ферфакс и убеждал его, что половины шевелюры должен лишиться он, Том, за то что недосмотрел. Дворецкий несколько дней ходил за Томасом по пятам, пока не добился от него согласия действовать вместе. Ферфакс, кстати, от этого только выиграл. Теперь не только стражники, но и вся прислуга были озабочены безопасностью короля – не всегда явно, конечно.

Шольц одобрительно кивнул и взялся уже за дверную ручку, чтобы войти внутрь, в покои, но Томас его остановил:

– Скажите, Бартоломью, вам известно, почему король решил нарушить традицию и въехать в город раньше?

– Нет, – коротко ответил дворецкий. – А у вас есть соображения?

– Наверняка Его Величество здесь ждут важные и срочные дела, – Томас посмотрел на Шольца со значением.

Тот вздохнул. Видимо, победой над Лионом все не окончится. Их ждут какие-то перемены... и не обязательно приятные.

– Я оставил для Его Величества письмо на столе, – сказал Томас. – Не выкиньте случайно. И, если понадобится, я буду в казармах, у капитана Некса, всю ночь.

– Вы разве не будете присутствовать на празднике? – удивился Шольц. Но не слишком сильно. И даже как-то по-хитрому улыбнулся.

Томас подумал, что в каком-то смысле присутствовать на торжествах он будет. Тайно, за секретными дверцами, у глазков. Но Шольцу этого не скажет, хотя тот и сам наверняка знает об этом. И вопрос задал из лукавства.

– Что вы, – чуть двинул уголком рта Томас. – Сегодняшний вечер принадлежит славным победителям.

Поклонился Шольцу и быстрым шагом ушел по коридору. Шольц покачал головой, довольно хмыкая.

Его племянник всегда был голова, так голова. Умный мальчик вырос, и преданный... Не дворецкий, к сожалению, но тоже по-своему служит королю.

Люди высыпали на улицы Тэниела, чтобы посмотреть на то, как оваянный славой победоносный король будет въезжать в столицу. Они не были разочарованы – процессия блестела начищенными доспехами, развевались флаги. Зимой цветов было не найти – и горожане размахивали яркими красными и синими платками, бросали их под копыта коней.

Молодой Ульрик Уилсонсон, третий сын барона Уилсонсона, к своему заданию – охранять и сопровождать предателя Боклэра, – отнесся со всей серьезностью. Отец воспитал его в непоколебимой верности короне, и Ульрик был рад, что именно ему выпала такая честь. Когда король обернулся в седле и подозвал его, чуть махнув рукой, юноша так же, молча, не привлекая внимание, кивком головы отдал приказ своим воинам сомкнуть кольцо вокруг Боклэра, что понуро ехал в центре отряда, опустив глаза на связанные руки. Приблизившись к Его Величеству, Ульрик вопросительно посмотрел на короля.

– Поворачиваем на Трехлунную, – тихо произнес Дориан. – И едем к Яблоневоy площади.

Ульрик коротко кивнул и развернул коня. Он не задавал вопросов, не выказал удивления. А вот бароны и графы, ехавшие следом, стали перешептываться, когда процессия свернула с улицы, ведущей к замку Дерренвейт, направо. Они не ожидали смены направления – возникла небольшая заминка, затем давка – люди, стоящие вдоль дороги, устремились за королем. Кто-то, рискуя быть придавленным боками коней к стенкам, следовал одновременно с процессией по Трехлунной. Но большинство направилось туда же смежными и параллельными улицами. Горожане догадались, куда повернул король, раньше, чем дворяне.

– Он едет на Яблоневою! – Задохнувшись от догадки, просипел Верендарт Гордойсу, ехавшему рядом.

Гордойс только поджал губы.

На Яблоневои площади стояла плаха.

Приветственные крики, прославляющие победителей, постепенно смолкли: люди почувствовали приближение чего-то мрачного и серьезного. Снова напоззли тучи, из которых редко стал падать мелкий снег, легкий, едва заметно мерцающий в воздухе. К площади горожане выходили уже притихшие, готовые внимать всему, что скажет их король. Дориан же, доехав до помоста с плахой, развернул коня. Обычно время казни высокопоставленных дворян объявлялось загодя. Король и его свита занимали места на балконе выходящего фасадом на площадь Дома Управления, со стен спускали флаги, солдаты били в барабаны, глашатаи зачитывали список преступлений. Теперь же слышен был только скрип снега под ногами толпы, да позвякивание доспехов воинов.

– Ульрик из Уилсонсонов, зачитайте обвинение и приговор, – тихо сказал Дориан молодому дворянину.

– Он не посмеет, – прошептал Верендарт. Уже не Гордойсу – тот отъехал в сторону, примкнув к группке графов, а себе под нос.

Ульрик по памяти произнес ту часть приговора короля, что Его Величество произнес почти с месяц до этого, обнажил меч, поднимаясь на помост. Когда горожане услышали о предательстве Боклэра, приглушенные шепотки пронесли над толпой. Многие плевали на землю и бормотали проклятия барону, что повернул на Вердленд войска Лиона. Если бы он просто поднял мятеж против своего короля, ненависти на лицах людей было бы куда меньше; но разорвать земли своих же соратников? Да еще руками чужаков?

Боклэра выволокли на помост. Он, похоже, не понимал, что происходит – смотрел кругом безмятежно, помаргивая, когда на ресницы ему налипал мелкий снежок.

– ... и приказал король, что изменник будет обезглавлен на главной площади Тэниела в назначенный Его Величеством срок, после возвращения в столицу! – закончил Ульрик и поклонился королю.

– И этот срок настал, – просто сказал Дориан. Махнул рукой.

Барона поставили на колени возле плахи. Она использовалась редко – обычных преступников вешали, головы рубили только дворянам. А те повода не давали более двадцати лет. Ульрик смахнул снег с плахи рукой в грубой походной перчатке, два воина из его свиты наклонили Боклэра вперед... И тут он, осознав где находится и что произойдет с минуты на минуту, взвыл страшно, отчаянно:

– Дориан! Дориан!

Король кивнул вопросительно смотрящему на него молодому Уилсонсону.

– Дориан! Будь ты про...

Удар был верным и чистым – голова барона, враз отделенная от тела, со стуком упала на помост, и прокатилась чуть вперед. Легла набок – и стоявшие ближе всех к плахе могли увидеть раззявленный в крике рот преступника, так и не закончивший изрыгать свое проклятие.

– Да простит Древо все его злодеяния и примет под свою крону. – Звучно сказал король, так, что голос его разлетелся по площади. Толпа шумно выдохнула. Дориан продолжил: – А мы воздадим хвалу Древу, охранившему нас от предателя, и возрадуемся победе!

Раздались крики: «Да здравствует Дориан!», «Олень! Олень!» и «Вердленд!» и даже «Роза!». Люди, как ни в чем не бывало, заулыбались и развернулись к Пятиконной, чтобы продолжить праздничное шествие. Бароны и даже графы потрясенно молчали. Гордойс огладил рукой бороду и подумал: «В самом деле – не с почестями же казнить сукина сына... Но и обычаи надо было бы соблюсти – камера, суд Совета, последнее желание...».

– Похоронить тихо, на окраине городского кладбища. – Приказал король Ульрику. – Потом вернешься на пиршество в замке.

Процессия развернулась и последовала за королем. Гордойс наклонился в седле к ехавшему рядом барону Падуа и произнес тихо:

– Этот Боклэр нам еще аукнется. Король, похоже, закусил удила.

Падуа только хмыкнул.

Рик ждал наказания, проводя все свободное время в молитвах... и размышлениях. А времени у него было много. Старшие почему-то не спешили исполнять намеченное. Рик сначала волновался, потом перестал. Процедура была ему знакома – его слова проверяют. И если поверят, то после наказания ему останется только подкинуть Воргу или Аммету, второму Старшему, информацию о том, что таинственный маг, то есть Кендрик, с Древом заодно. А маги... чтобы добраться до Кендрика, Рику нужно было, чтобы удар по нему нанес кто-то достаточно сильный. Хватит ли мощи у Старших? И что сказать им? Вариантов было несколько. Либо убедить, что Кендрик замышляет вместе с остальными магами опрокинуть Орден Близнецов, чтобы взять власть в свои руки, либо доказать, что выгоднее будет сдать Кендрика магам, чтобы заслужить их расположение. От этого выбора зависело многое. Рик решил подождать, и посмотреть, как будут разворачиваться события. При самом лучшем раскладе ему поверят и, скорее всего, уже завтра отправят шпионить в Орден Древа, благо он там уже осел. При самом худшем... Барду не хотелось думать о худшем, но он все же себе напомнил, что его ждут страшные пытки и мучительная смерть. Если отворачиваться от того, что пугает, это самое пугающее не исчезнет. Надо понимать и принимать все возможности.

Успокоив себя относительно предстоящих интриг, Рик с чистой совестью принялся молиться вновь – вслух, истово, но не перегибая палку. В молитве своей он воздавал хвалу Близнецам, позволяя себе в стройные, заученные фразы вставлять собственные слова.

«Вот у Садовников все застыло, молитвы как замерзшие, и изменить хоть букву – святотатство», – подумал Рик. – «В этом они нам уступают. Мы гибче... хотя и простор для толкований иногда превращается в полное выворачивание смысла наизнанку».

Рик вспомнил, как год назад Старший Ворг отправил нескольких братьев совершить, как он сказал, «очистку» семьи, крупно Ордену задолжавшей. Манипулируя священными постулатами, и, на первый взгляд, ни на йоту не отходя от текста священных книг, он убедил двух братьев совершить убийство. Рик не был уверен, смог бы он тогда понять, что происходит, и отказаться от страшного долга, если бы его послали разобраться с семьей Доулин. Наверняка кивнул бы также, согласился, как соглашался шпионить, лгать и толкать на преступление других.

Его мораль всегда была гибче, чем у других, и Старшие ценили это.

«Так что гибкость может служить и злу», – подумалось Рику. Но он одернул себя, помотав головой: обычно он избегал вообще использовать такие понятия, как «добро» и «зло».

«Интересно, а что на это сказала бы Тео?»

Снова кольнула вина за то, что не поехал с ней, но бард упрямо сжал челюсть, отменяя тяжелые мысли, и уже сквозь сжатые зубы продолжил молитву.

Вечером ему принесли суп. Он не стал спрашивать, где палач с плеткой: первейшее достоинство Стрелка – смирение перед волей Старших. Поблагодарил брата, охранявшего его, быстро выхлебал жидкий суп прямо из миски, под взглядом послушника. Вернул тому чистую миску, ложку. И, отвернувшись в сторону окна, через которое пробивался закатный, багряный свет, снова принялся молиться.

Ночью, когда небо усыпали звезды, за ним пришли.

«Наконец-то», – подумал он чуть ли не с облегчением.

В комнатку вошел брат-охранник, за ним – еще один, с капюшоном на голове. Палач. Рик не должен был видеть его лица – им мог оказаться кто угодно. Например, тот, что стоял у ворот, когда он пришел. Чтобы у провинившихся братьев не возникало желания отомстить, лица истязателей всегда скрывались. Так что, прогуливаясь по саду, или читая молитвы в Общем Зале, можно было оказаться рядом со своим вчерашним мучителем. А если палачу приходило вдруг в голову, по глупости, из-за гордыни или ради изощренного удовольствия сообщить своей жертве, что именно он... Тогда все было очень просто. Мечь разрешалась и даже никак не наказывалась.

Поэтому палачи молчали.

Мало кто избегал участи взять в руки плетку. Рик, когда был послушником, более десяти раз попадался и получал свои удары, а вот сам наказывал лишь раз; и всем сердцем мечтал забыть этот случай навсегда. Нет, особой жестокости он не проявил, да и наказание было слабым – десять ударов, но каждый раз, когда Рик вспоминал звук кожаной плети, рассекающей кожу... его мутило.

Завидев вошедших, Рик улыбнулся и сдержанно кивнул. А вот от вида третьего вошедшего лицо барда искривилось в гримасе безразличия.

Джон Амберли, мерзкий и трусливый, всегда вставлял Рикю палки в колеса и старался очернить перед Старшими каждый раз, как подворачивалась возможность. Они обучались вместе, и с первого же дня знакомства между ними возникла стойкая неприязнь.

«Ворг специально послал его проводить меня вниз? Это намек на немилость?»

Джон осмотрел комнатку, сморщил нос – мол, слишком жирно для предателя Ордена, и махнул рукой палачу. Тот легонько, почти нежно взял Рика за плечо, показывая, что нужно выходить. Рик послушно вышел наружу, всем своим видом выражая смирение.

«Удивительно, что Джон всего лишь переводит меня, а не хихикает злобно под маской, получив возможность причинить мне боль. Но для меня так даже лучше».

Они прошли пустым коридором – сначала Амберли, потом Рик, за ним палач, которого, впрочем, полагалось звать «Брат-Справедливость». Спустились ниже, брат Джон вынул из крепления один из факелов и пошел вперед, освещая себе путь. А вот перед Риком была темень, и он пару раз споткнулся на неожиданных ступеньках. Они все шли и шли, и в душу барда стал закрадываться... нет, не страх. Но что-то подобное. Слишком уж глубоко они заходят.

Наконец, группа жрецов дошла до самого конца коридора. Амберли, которого прозвали «Крыс» за длинное лицо с маленькими глазками и вечно искривленной верхней губой, будто он нюхал что-то не совсем приятное, снял с пояса связку ключей и открыл последнюю дверь.

Войдя в камеру, брат Джон поджег своим факелом те, что висели на стенах. Запахло гнилью – тут давно не зажигали огня. Метущийся свет факелов выхватил дыбу, несколько стульев, кресло с ремнями, и какие-то совсем уж странные приспособления, разгадывать предназначение которых у Рика не было ни времени, ни желания. Он остановился у входа, не зная, что делать дальше.

«Крыс» махнул рукой в сторону кресла. Брат-Справедливость молча подвел к нему Рика – опять предельно вежливо, словно поддерживал женщину на сносках, причем королевского рода, и застегнул ремни. Они крепко держали щиколотки и предплечья Рика. Бард, собрав в

кулак волю – все же место не располагало к спокойствию, – и изобразив на лице покаяние, произнес строку из Первой книги Вигеля:

– «И пусть понесший наказание до конца жизни помнит о нем, а остальные забудут о нем и проступке тут же, как оно свершится, ибо первому память будет служить опорой в последующих решениях, а вторым лишь помехой».

Амберли хмыкнул. Подошел, проверил надежность ремней. Рик рассчитывал сбить с «Крыса» спесь, вызвать его на разговор, но тот смолчал. Хотя далось ему это тяжело – веку у него задергалось. Еще раз осмотрев помещение, Амберли отошел к двери, закрыл ее на засов изнутри... и остался стоять, подперев косяк спиной, хоть это и было против правил.

– «Наказание и раскаяние только между двумя», – вновь стрельнул в него цитатой Рик, но без особого успеха. «Крыс» даже не шелохнулся.

«Ладно», – подумал Рик. – «Пусть секут уже быстрее».

И тут его прошибло холодным потом. Для наказания плетью его должны были привязать к столбу, какого демона тут кресло? Он задергался, пытаясь развернуться и посмотреть, что делает за его спиной Брат-Справедливость. У двери гаденько захихикал Амберли.

Раздался непонятный звон. Рик втянул в себя воздух резко, чтобы в голове прояснилось. Металл. Но жаровню не разжигали, значит, каленым железом пытаться не будут. Да и не пытка это должна быть, а наказание... Истязатель развернулся, держа в руках какой-то предмет.

Внутри Рика все обмерло.

«Нет!», – мысленно закричал он. – «Нет, нет, только не это...»

– Брат-Справедливость, – торопливо затараторил Рик, нарушая запрет на разговоры с палачом. – То ли орудие вы взяли, что сказано было вам?

– То, то. – Подтвердил «Крыс» из темноты. – По приказу Старшего Ворга. А теперь молчи, пока языка не лишили.

Брат в капюшоне надел на руки Рика колодки. Каждый палец лег между деревянными брусками, которые сдвигались, стоило повернуть винты. Барда забила дрожь, он часто и прерывисто дышал. Смех «Крыса» уже не волновал его, не трогал несколько, он вообще забыл обо всем, кроме своих пальцев, зажатых в тисках.

«Я... никогда... не смогу... играть» – промелькнуло в голове.

– Старший Ворг повелел сказать: «Это наказание за своеволие, и ничего больше. Шпиону нужны не ловкие пальцы, а острый ум и преданность». – Прокаркал Амберли. – От себя могу добавить, что я здесь нахожусь по своей просьбе. Очень хотелось посмотреть, и я выбрал именно эту награду. Хотел было попросить назначить меня Ключником, но это куда приятнее. А вообще-то...

Рик уже не слушал. Он, как замороженный, смотрел на палача, который потянулся к колодкам. Когда заскрипел давно не смазываемый первый винт, Рик закусил губу до крови и выгнулся в кресле.

На третьем винте он сломался и заорал в голос.

### Глава 3

Замок Дерренвейт возвышался на холме вот уже более семи столетий. На старом наречии, еще не претерпевшем влияние лионского языка, его название означало «Оленья башня». В те далекие времена он состоял всего лишь из широкого, приземистого донжона, жилого дома в три этажа из грубого камня, хозяйственных построек и стены, опоясывающий владения барона Эгдберта. Вокруг теснились домишки ремесленников и крестьян, простирались поля и огороды – на самом-то деле не очень далеко, – а дальше начинались густые и тенистые вердлендские леса. «Вердленд» все на том же старом наречии и означало – страна лесов.

Хотя в те времена страной Вердленд не был. Только когда дальний предок нынешнего короля объединил баронов под своей рукой и провозгласил себя королем, страна лесов стала государством – мелким, погрязшим в склоках, разобщенным и разнесенным на многие мили – но государством.

Естественно, маги сыграли свою роль в объединении и создании королевства. Последующие триста лет ознаменовались расцветом Вердленда. Вокруг Дерренвейта вырос город, который назвали Тэнниелом. Столица обзавелась водопроводом и мощными улицами, фонтанами и площадями. Сам замок изменился до неузнаваемости: пять главных башен, множество мелких, мощные стены, ворота и сторожки, кряжистые барбаканы и подъемные мосты. Правители королевства получили приставку «Вердлендский» после имени, хотя династия от начала и до конца, своего последнего потомка, Дориана Второго, была и оставалась Эгдбертами. От старой фамилии остался герб – олень на алом поле, девиз «Сила и честь!»... И надпись, выполненная старым шрифтом на портале главного входа в замок. Когда Дерренвейт перестраивали в первый раз и старый донжон разбирали, то портал сохранили и встроили в новое здание. Надпись гласила: «Под сенью Древа этот род, и в этот вход заказан путь трем невзгодам, и имя им: болезнь, предательство и бесплодие». И ниже, помельче: «Сработано для Эгдберта Альфреда Майром Камнетесом и освящено Йолем Тишайшим в год 992 от Сотворения».

Буквы почти полностью стерлись. Теперь можно было лишь с трудом разобрать: «Древа... род... предательство». Гринер, остановившись на верхней ступеньке, ведущей к центральному входу в замок, задрал голову, рассматривая три слова, оставшиеся на камне. Он не сумел бы их прочесть, не зная старого наречия, даже если б надпись сохранилась целиком, но королей Вердленда, едва им исполнялось девять лет, подводили ко входу и рассказывали историю порталного камня. И то, как выглядели эти слова семьсот двадцать шесть лет назад, Гринеру поведал Дориан.

«Страшновато... и символично», – подумал Гринер, глядя на последнее слово, «предательство».

*«На стене Барельефов в восточном крыле часть украшений сбилась, и слева есть выступ, напоминающий большой член», – раздался голос у него в голове, – «Это ты тоже назовешь символичным?»*

Гринер рассмеялся. Это замечание Дориана было вполне в духе Тео, но, как ни странно, грустно ему не стало. Наоборот, он повеселел.

Свита и аристократы терпеливо ждали во дворе, пока король налюбуется старым камнем. Охрана занималась тем же, но куда более деятельно: воины то и дело грозно посматривали по сторонам.

Его Величество оторвался от созерцания входа, рассмеялся и пошел вперед. Стражники, распахнув тяжелые дубовые двери еще пять минут назад, вытянулись и отсалютовали королю. В первой, Привратной зале, двумя рядами вдоль стен выстроились, как на параде, слуги. Короля встретил лорд Бауфур – по традиции, именно лорд Сенешаль должен был встречать правителя после военного похода, и ради соблюдения всех правил лорда заранее провели в замок черным ходом. Он успел только сполоснуть лицо, но не переодеться, поэтому, когда он встал на одно колено, раздалось бряцание кольчуги.

– Его величество король Дориан Второй! – объявил Сенешаль. – Победитель вернулся! Восславим Древо и Его Величество!

Крики приветствия замечались под высоким потолком залы. Все присутствующие преклонили колени.

– Да благословит нас Древо, – согласно принятому распорядку, ответил король. – Сейчас все могут отправиться отдохнуть после перехода, а через два часа в Пиршественном зале начнется праздник в честь победы.

К баронам и графам устремились слуги – проводить дворян и их свиты в гостевые комнаты. Шольц раздавал указания остальной прислуге, зала постепенно пустела, но несколько воинов из свиты Ульрика остались подле короля.

– Вы тоже можете идти, – махнул рукой Гринер. Ему до смерти захотелось принять ванну.

Трое молодых парней переглянулись, но остались стоять, только головы склонили. Один из них, имевший на плече значок десятника, сказал:

– Ваше Величество, мы не вправе нарушить Ваше повеление, но и приказ своего сюзерена тоже... Сэр Ульрик приказал нам защищать Вас в любых обстоятельствах...

– Теперь это моя забота, – к ним подошел кряжистый мужчина в форме гвардейского капитана. Лицу его, казалось, от рождения была присуща хмурость. Двигался он чуть вперевалку, как все массивные люди, но не производил впечатление неповоротливого, скорее, наоборот. Он поклонился королю: – Ваше Величество.

*«Капитан Джером Некс»*, – подсказал Дориан.

– Рад видеть вас, капитан. – Гринер повернулся к воинам. Теперь в его голосе прозвучали настойчивые нотки, игнорировать которые было опасно. – Видите, все в порядке. Идите, отдыхайте.

Ульриковы солдаты, отдав честь, удалились. Некс, чуть покачавшись с пятки на носок, почтительно напомнил королю:

– Я провожу Вас в Ваши покои, сир.

– А, да, конечно. – Гринер последовал за капитаном, высматривая в толпе своего слугу. – А куда запропастился Пьетро?

– Полагаю, устраивает коня Вашего Величества в конюшне. – Ровным тоном ответил Некс. – Если хотите, я могу разыскать его немедленно.

– Нет нужды, благодарю. – Гринер подумал, что хорошо бы Пьетро побыстрее разобраться с конем. Сам он доспех ни за что не снимет. Или ему дадут другого слугу? А, может, и не одного?

*«Он чем-то расстроен. Можешь спросить прямо, чем».*

– Что-то не так, капитан?

– Наш черноробродый знакомый... – понизил голос Некс. – Рассказал мне о пропаже леди Тео.

Гринер споткнулся о ступеньку, но тут же выровнялся.

– Да, я в курсе, – без эмоций сказал он. – Что-то еще?

– Он передал, что на время покинет столицу, а, возможно, и Вердленд.

*«Все правильно, – подумал Гринер, – он обещал искать ее...».*

– Я знаю. Это все?

– Остальное – в докладе Ферфакса у Вас на столе. Охрану я удвоил...

– И что все так озабочены моей безопасностью? – Взорвался король. – Войну ведь мы выиграли, или у меня неверные сведения?

У капитана, идущего чуть впереди и сбоку, напряглись плечи.

– Да, Ваше Величество. Но существуют некоторые факты, узнав которые, Вы оцените обстановку в столице несколько по-другому. Прошу, доверьтесь мне.

*«Ему можно доверять?»* – спросил Гринер у Дориана.

*«Тео доверяет. И я тоже».*

Гринер был благодарен Дориану за то, что он не сказал «доверяла». Не в прошедшем времени.

– Хорошо. – Они шли по коридору, ведущему к королевским покоям и Гринер воочию убедился, что капитан не преувеличивал. Замковые стражники и впрямь стояли чуть ли не каждые десять шагов. – Я переоденусь, приму ванну, перекушу – это займет не более часа, – и жду вас с Томасом у себя в кабинете для доклада.

Тут Гринер понял, что неудовлетворенное любопытство способно испортить ему удовольствие даже от горячей воды и свежей одежды, потому добавил:

– Вы вкратце можете сказать, в чем дело? Самое главное.

Некс остановился и сделал шаг к королю. Прошептал:

– Есть достоверные сведения, что... возвращаются маги.

– И? – не понял Гринер.

Дориан не успел объяснить ему особенности мышления капитана и его помощника – Некс успел раньше.

– Нам неизвестно, как они настроены... по отношению к Вашему Величеству.

– О-о-о... – протянул Гринер и пошел дальше. Он и забыл, что обычные люди и понятия не имели, что на уме у таинственных магов, которые исчезли двести лет назад. Впрочем, он и сам не смог бы ответить, что те замышляют; из магов он близко знал только Тео и Дерека. А остальные... и, хотя ему трудно было представить, что Уэйн, или, например, Ольсен будут желать ему смерти, он понимающе закивал. – Хорошо, капитан. Через час я вас жду.

Они как раз дошли до нужной двери, у которой стояли стражники при полном параде. Охранники старательно вытянулись, увидев короля с капитаном. Гринер махнул капитану рукой, отпуская его, и прошел в королевские покои.

Первая комната была умеренно роскошной – Гринер ни за что бы не догадался, что здесь живет король. Или, судя по мебели, принимает подданных в частном порядке. В стене слева от входа жарко полыхал камин, ковер от выпавших угольков защищал экран перед огнем. В центре стоял небольшой стол, уставленный закусками, вокруг него – три кресла. Стены закрывали гобелены, на самом большом была выткана карта Вердленда. Освещалась комната каминном и несколькими канделябрами со свечами. Пара сундуков у стен, застекленное узкое окно в стене напротив – и все. Ставни были открыты, и серый зимний свет заливал всю дальнюю часть комнаты.

В правой стене Гринер увидел две двери. Он покосился на еду, потом на двери...

*«Дальняя ведет в спальню и комнату для омовений, ближняя – в кабинет».*

Гринер решительно двинулся к дальней двери, но остановился.

– Доспе-е-ех... – разочарованно протянул он. – Значит, придется сначала поесть.

*«Справа от тебя висит вдоль стены витой шнур. Дерни за него три раза».*

Гринер выполнил указания Дориана в точности. Похоже, ему многому придется научиться... Одно дело – изображать короля в походе, почти наравне с обычными воинами, и совсем другое – в замке.

Дориан подтвердил его предположения и объяснил назначение шнура. Гринер искренне восхитился задумкой – в замке, где он прислуживал, таких шнуров не было. Хозяйева просто орали, как резаные. Но чаще слугам просто приходилось спать под дверью у хозяина (в случае Гринера – хозяйки), и уметь просыпаться в любое время суток, быстро и сразу.

*«Ты не говорил, что прислуживал в замке»*

В мысленном голосе Дориана не было презрения, только любопытство. Гринер, успевший уже забыть ту, прошлую жизнь, словно сон, приснившийся и улетучившийся утром, сказал: «Да, было такое...» и чуть поморщился.

*«А у кого?»*

«Шевалье Дорн», – ответил Гринер и, воспользовавшись случаем, продемонстрировал Дориану, что хорошо помнит его объяснения насчет аристократов и их статуса: – «Мелкое дворянство, титул наследный по мужской линии по выбору; имеет земли, но не имеет права держать отряд более чем необходимо для защиты замка или поместья... И он был той еще задницей, и супруга ему под стать».

В дверь постучали, Гринер нетерпеливо велел войти – кожа чесалась неимоверно. В доспехе было жарковато, тем более что под кирасой была еще стеганая куртка, а под той – рубаха.

В комнату вошел незнакомый Гринеру слуга, но, поскольку Дориан не выказал удивления, юноша решил вести себя, как обычно. Он только с интересом глянул на лицо паренька – уж слишком оно напомнило ему его собственное... то есть то, которое он видел в отражении в то беспечное время, когда сам был слугой.

– Помоги снять доспех... – приказал король.

«Как его зовут?» – спросил Гринер у Дориана. Он уже достаточно долго общался с ним, и знал – у того потрясающая воображение память на имена и лица.

*«Жиль. Ему лет пятнадцать, кажется.»*

Паренек ловко справился с застежками наголенников, кирасы и наплечников, помог стащить кольчугу. Гринер, привыкший к доспехам, с облегчением потянулся.

– Отнеси в оружейную и передай, чтобы подготовили парадную, легкую кольчугу, – сказал король.

С подсказками Дориана Гринеру все легче удавалось справляться. Когда слуга ушел, нагруженный доспехами, Гринер буквально кинулся к двери в спальню, не по-королевски хватаясь за косяк на резком повороте.

На обстановку в спальне он не особо обратил внимание – торопился, но, ворвавшись в комнату для омовений...

*«Дверь налево... налево, говорю...»*

... он застыл.

Пол, стены и потолок были выложены охряной плиткой с голубыми узорами, посреди комнаты стояла квадратная ванна полированного мрамора, наполненная горячей водой – от нее поднимался пар. За ванной в стене располагался умывальник в виде чаши, над которой склонилась львиная голова. С потолка свисали четыре светильника на цепях. В изголовье ванны стоял столик с маслами, полотенцами, кувшинчиками и мылом, красиво уложенным в вазе.

Даже у Тео Гринер не видел такого... великолепия. Маги обходились каменным бассейном, большим, правда, но не таким роскошным.

*«Это Шезара постаралась... У них в Араханде устроено именно так, она сказала.»*

Гринер уловил грусть Дориана и понял, что, хоть тот и старается мыслить исключительно как король, но страдает в разлуке с женой. Дориан, словно догадавшись – или почувствовав, что Гринер ощущает его эмоции как свои, преувеличенно смешливо сказал:

*«Я обычно моюсь сам, так что не жди юных дев, поливающих тебя водой с шалфеем и розой.»*

«Я не сомневаюсь...», – подумал в ответ Гринер и принялся скидывать одежду. Забравшись в ароматную, обжигающую кожу воду, он застонал и, опустившись в ванну полностью, прикрыл глаза и позволил себе просто расслабиться несколько минут, не думая ни о чем.

*«Капитан Некс и Томас»,* – голос Дориана вырвал Гринера из мягкой дремы.

– Что? Уже? – встрепенулся он, расплескивая воду за края ванны.

*«Нет. Но я напоминаю... мочалка позади тебя на столике.»*

В назначенный час Гринер, чистый и сытый, дожидался капитана с помощником у себя в кабинете, рассеянно пролистывая справочник по ловчим птицам. Эта комната выглядела куда богаче «приемной», как обозначил ее Гринер. В основном потому, что была полна книг – они занимали почти все стены, от пола до потолка, а книги, как знал Гринер, стоили недешево. Только у Тео он видел больше.

Заслышав стук в дверь, Гринер крикнул «Входите!» и захлопнул праздную книгу. Некс и Ферфакс, не обнаружив короля в первой комнате, вошли в кабинет, поклонились.

– Садитесь, – махнул рукой Гринер.

Они сели в кресла, поставленные напротив. Король внимательно посмотрел на них поверх стола, заваленного бумагами.

– Рассказывайте.

– Ваше Величество ознакомились с докладом Ферфакса? – спросил Некс.

Гринер чуть было не признался в забывчивости, но Дориан его одернул.

– Лучше я услышу новости из ваших уст. С комментариями.

*«Не совершай ошибок, а если совершил, не заостряй на них внимание. Сейчас это несущественно».*

– Ваше Величество слышали о пророчестве Ядины? – Король кивнул, но повел рукой, веля продолжать. Некс решил на всякий случай освежить информацию для короля. – Сначала это были какие-то неясные слухи, что, мол, пророчество нашлось. В библиотеке главного храма Древа здесь, в столице, примерно за месяц до вашего отъезда на войну. Его нашел некий брат Винес...

– Быстро после этого ставший Старшим братом, – добавил Томас.

По тому, что Некс не выказал ни тени раздражения, Гринер понял, что капитан привык к дополнениям Томаса. И, возможно, даже речь свою специально строит с паузами.

– Жрецы пытались разгадать пророчество, но смысл его был неясным до той поры, когда брату Винесу было видение. Оно все объяснило. Очень скоро – в этом году, или в следующем, – в небе появится комета. И почти сразу после этого к людям вернуться маги. Потому что королевству, или даже миру, будет грозить опасность.

Гринер наблюдал за Нексом и Томасом. Он многое замечал, а что упускал – подсказывал Дориан. Эти двое, что выполняли тяжелую работу Королевской Тайной службы, прекрасно дополняли друг друга. Капитан и его помощник, который не имел ни военного чина, ни титула, лишь безликую должность «младший королевский секретарь», на пару были глазами, ушами, а иногда и ногами короля. Они работали вместе всего несколько месяцев, но уже сплотились в блестящую команду.

Некс привычно хмурился и время от времени втягивал шею в плечи, а вот Томас сидел в своем кресле прямо, почти без движения.

*«Он обеспокоен».*

*«Вижу»*

– Судя по всему, это правда. Маги вернуться. – После паузы заключил Некс.

– Кто это подтвердил? – Гринер и сам знал о Возвращении, но для порядка спросил.

– Брат Клопстофер. А ему сказала Тео. Кстати, о ней...

Гринер почувствовал укол вины, но Дориан легким мысленным пинком вернул его к разговору.

– Ее ищет Дерек, и хватит об этом. Что еще?

– Тот убийца... – подал голос Томас. – Мы перетряхнули весь город. Тео свела меня с... низами, они ничего не знают ни об убийце, ни о заказчике. – Он виновато склонил голову.

– Ну, мы должны признать, что невозможно знать все. На свете есть многое, что недоступно нашему уму. Пока тоже отставьте в сторону. Как люди отнеслись к пророчеству?

– Многие верят, об этом объявил сам Улленпиг, Старейший жрец. Но верить им не хочется, – ответил Томас, – потому что если Возвращение магов – правда, значит правда и то, что страну ожидают бедствия. В целом настроение в городе приподнятое, и теперь, когда вы вернулись с победой, так и праздничное. В остальном все было тихо, без происшествий... настолько серьезных, чтобы беспокоить Ваше Величество.

«Тогда зачем вы двое явились сюда с похоронными физиономиями?», – подумал Гринер, а Дориан внутри него согласно хмыкнул. Видимо, вопрос этот отразился на лице у короля, потому что Томас и Некс обменялись смущенными взглядами.

- Говорите уж...
- Люди считают... – медленно, осторожно начал Томас, – ... что причина грядущих бедствий – королева Шезара.
- Король высоко поднял брови.
- ...Ваша жена.
- Я знаю, что она моя жена, Томас. Почему они так думают?
- Неизвестно. То есть, какого-то определенного источника слухов я не нашел, и распространились они быстро. Мы делаем все возможное, чтобы пресекать их, но... Слухи растекаются по городу и стране. Говорят, что... – Томас прикрыл глаза и процитировал: – «Она колдунья и очаровала нашего короля», «Ей подчиняются демоны нижнего мира», «Она повелевает драконами», и, наконец, «Она воплощение зла и магии придут, чтобы победить ее».
- Очаровательно, – пробурчал король и, поставив локоть на стол, подпер щеку ладонью. – То есть, вы хотите сказать, что ей опасно возвращаться в Тэнниел?
- Д... Да, сир. – Это сказал уже Некс.
- И что вы предлагаете?
- Мы пошлем вестовых к графу Хотстоуну, и когда Ее Величество сойдет с корабля в Даккере, ее поселят у графа. Пока мы здесь, в столице, не разберемся со всеми этими слухами, пророчествами и магами. – Томас, высказывая решение, заметно оживился. – И при малейшем признаке опасности ее можно будет отправить обратно в Араханд, к отцу.
- «Ох, не знают они Шезару... «ее поселят»... «можно будет ее отправить»... Никто не сможет ей приказать, а, значит, она отправится в Тэнниел в любом случае».*
- «Дориан...», – подумал Гринер, светлея лицом. – «А ведь это шанс. Шанс уберечь ее от Кендрика! Если мы сможем удержать ее там, или послать в Араханд, он там ее не достанет!»
- «Уверен?»*
- «Если бы мог, уже достал бы. И к тому же – в Араханде магия не действует»
- «Что же ты раньше молчал?!»*
- «А разве ты...»
- «Гринер, я НЕ знаю всего, что знаешь ты, как и ты не знаешь того, что знаю я. Иначе мне не пришлось бы объяснять тебе каждый шаг! Тебе нужно мысленно СКАЗАТЬ что-то, чтобы я это узнал!»*
- «Прости, Дориан, я правда...»
- «Ничего, время еще есть».*
- Некс с Томасом переглянулись снова. Король, похоже, одобрял их замысел – по крайней мере, морщины на его лбу разгладились.
- Хорошо. Действуйте. – Сказал король. – И лучше будет, если письмо ей напишу я – иначе она никого не послушает. Напишу сегодня же вечером, после Совета. Томас, зайдите за ним.
- Совета, Ваше Величество? – удивился капитан.
- Да. Сначала пиршество, потом Совет.
- Судя по выражению лица капитана, он думал что-то вроде «Да уж, король с этих баронов, похоже, по три шкуры стал драть». И видно было, что он это одобряет. Томас заметно пошевелился – сплел пальцы рук на колене. И спросил:
- Я правильно предполагаю, что Ваше Величество на этом Совете будет решать вопросы наследования и распределения земель погибшего в сражении графа Майоля и предателя барона Боклэра соответственно?
- Правильно, Томас.
- «А еще мне надо будет посеять распри между дворянами и оскорбить всех моих графов, по распоряжению мага Кендрика, который убил вашего короля и, скорее всего, держит в плену Тео», – подумал Гринер, но вслух, естественно, ничего не сказал.

- Мне присутствовать на Совете... тайно? – спросил Ферфакс.
- Конечно. Мне пригодится твое мнение, Томас. Итак... у вас пока все?
- Капитан и Томас встали.
- Да, Ваше Величество.
- Тогда свободны.

Гринер дождался, пока капитан с помощником уйдут и расслабился – то есть положил ноги на стол, а руки сплел на затылке.

«Если Шезара будет вне опасности, мы сможем показать Кендрику большой кукиш», – радостно обратился он к Дориану.

*«Не спеши. Мы не знаем всех возможностей Кендрика. Лучше придержать новости о королеве – как туз в рукаве. И я бы хотел понять, зачем он приказал... то, что приказал. Какой у него план».*

«Думаешь его перехитрить?»

*«Гринер, первое правило полководца – действовать только тогда, когда ясен план противника. Лучше потянуть время, притворяясь, что мы являемся послушной марионеткой в его руках, а потом нанести удар».*

Что-то в этой логике не давало Гринеру покоя, но он все никак не мог понять – что? Но с королем спорить не стал, все-таки тот был старше и опытнее. И еще – он был мертв в каком-то смысле, а это давало ему некоторые преимущества. Перед Гринером точно. Ведь король погиб из-за него...

*«Чувства я тоже ощущаю. Мы это уже проходили, Гринер, я тебя не виню».*

«Обещай, что когда мы выведем Кендрика на чистую воду, я смогу рассказать Дереку правду», – попросил Гринер.

*«Обещаю».*

Пиршественный зал украсили, развесив по стенам венки и флаги. В огромном камине трещали поленья, сияли сотни свечей в канделябрах и люстрах – снаружи уже стемнело, была зима, – на балконе рассаживались музыканты, слуги расставляли на столах вазы с цветами из оранжереи. Столов поставили больше, чем обычно – помимо короля, его приближенных, баронов и графов, на пиршестве должны были присутствовать и особо отличившиеся воины. Конечно, их посадят за самый дальний от короля стол, и дадут самую простую пищу – но и это было большой честью. Они смогут рассказывать внукам, что пировали вместе с королем после славной победы.

Наконец, все было готово. Шольц подал знак лорду Бауфуру, а тот кивнул двум слугам в праздничных ливреях, чтобы они открыли двери.

Первыми в зал проследовали маркизы – дальние родственники королевской семьи. Они не имели голосов в Совете, не владели замками и военными отрядами, но зато у них имелись деньги – корона выплачивала им пожизненную ежегодную ренту и обеспечила громкие титулы. Поэтому они все как один были надутыми павлинами, как считал Шольц. Особенно маркиз Одоле. «Хотя этот больше похож не на павлина, а на жирного индюка», – язвительно подумал Шольц.

Ему, потомственному дворецкому, было больно видеть, во что выродились носители королевской крови, пусть и одной восьмой, или шестой. Раньше маркизы являлись подспорьем для короля, поддерживали его во всем, вместе с ним ходили на войну... А эти, только раздался лягг оружия, попрятались в своих городских особняках – кто отговорившись подагрой, кто насморком.

«Маркиз Берк сто лет назад прикрыл короля, своего двоюродного брата, от стрелы собственным телом... жаль, что ныне маркизы уже не те, за Одоле можно спрятать не только короля, но и с десяток рыцарей».

Второй маркиз, Жюль, был наоборот, худ, как щепка. «А этим можно было бы протыкать врагов», – продолжил свою аналогию Шольц. Однако на лице его ничего, кроме верноподданнейшего почтения, не виднелось. Дворецкие никогда не позволяют себе непочтительности, даже если внутри презирают кого-то.

Третий маркиз, Этье, был невысок, бледен, как моль и некрасив – однако, он единственный их трех вызывал у Шольца некое подобие уважения. Он руководил Казначейством, и не только не крал из казны, как его собратья по титулу, но и хорошо делал свое дело.

«Возможно, дело в лионской крови», – подумалось дворецкому. – «Все маркизы теперь куда больше лионцы, чем вердлендцы. А все потому, что сто лет назад их отправили в Турен с посольской миссией, трех сразу. Они женились там, изменили родовые фамилии на лионский лад...»

Следом в зал вошли бароны. Семь вместо двенадцати, подумать только! Теперь они числом почти сравнялись с графами – семь на пять. Барон Толли загадочно умер этим летом, барона Боклэра обезглавили сегодня на Яблонево́й, а Келмворт и Верендарт... Пусть благодарят Древо, что их не настигла та же участь, что и Боклэра.

Шольц всецело одобрял решение короля казнить предателя. Будь его воля, он всех трех бы казнил. Единственное – не так быстро. Тут Его Величество поспешил, презрев все традиции. Но – чем раньше отрубишь гадюке голову... Шольц прищелкнул пальцами, и слуги, подхватив чаши для омовения рук и полотенца, двинулись к степенно вышагивающим маркизам, которые как раз дошли до королевского стола, стоящего на возвышении у дальней от входа стены. Одоле и остальные маркизы пополоסקали пальцы в воде, по поверхности которой плавали розовые лепестки, вытерли руки и расселись.

Тем временем появились графы. Шольц с прискорбием отметил, что и их стало меньше. Граф Майоль ему нравился. Он разбирался в садоводстве и был предан королю – а эти два пункта значили для Шольца очень много. Графы выглядели не такими подавленными, как бароны, но и их походная жизнь потрепала – дворецкий не заметил ни одной радостной улыбки, лишь глубоко скрытую усталость и ожидание.

Осталось войти младшим графам – и внимание можно будет перенести на другую часть зала, ведь там с минуты на минуту должен был появиться король. Шольц вообще не понимал, зачем нужны были младшие графы. Разве что титулы эти давались бы за заслуги, так нет – они были, скорее, подачками. А все дед нынешнего короля, Его Величество Данут Первый. Раскидывался золотом и землями направо и налево. Хорошо, его сын, Беорель, исправил положение, ограничил младших графов только титулами, и ничем больше. Что-то вроде красивого ордена «Просто Так С Бантиками». Ни пользы, ни вреда.

Как можно было догадаться, дворецкий Шольц был весьма кровожаден и прижимист. Но оба эти качества, объединяясь с преданностью королевской семье, тактом, отличной памятью, знанием людской сути и управленческими способностями давали в итоге идеального дворецкого.

А Дориан Второй, пожалуй, для Шольца был идеальным королем. Он не жаловал титулы всяким бездарям. По чести, он вообще пока никого не награждал титулом, но так даже лучше. Следил за всеми делами королевства, вникал во все вопросы, а не просто празднично сидел на троне. Выделил Шольцу акр земли в Королевской оранжерее для выращивания роз. И очень правильно женился.

Старый дворецкий считал, что правильно жениться – самая первая и, пожалуй, главная задача короля.

Наконец самый последний младший граф Леккон зашел в зал, и Шольц позволил себе испустить еле слышный вздох облегчения. Ничего неположенного не произошло, потолок не упал, пиршество готово было начаться. Он прошествовал вдоль огромного ковра, следя зорким не по годам глазом за слугами, к королевскому столу. Почти все дворяне уже расселись. В зал все прибывали люди – купцы, управляющие, судьи и банкиры, жрецы Древа и Близнецов, бросающие друг на друга неприязненные взгляды.

Шольц пересчитал приборы, придирчиво проверил, отражается ли его длинное, сухое лицо в кубке короля и кивнул Сенешалю второй раз.

В зал стали входить воины – без оружия, естественно, если не считать кинжалов у пояса – надо же чем-то резать мясо. Шольц не ждал от них знания этикета, но все равно велел положить на их стол вилки. Хотя они все равно будут ими в зубах ковырять...

– Его Величество Дориан Второй! – объявил лорд Бауфур.

Все встали. Небольшая дверца за тронном открылась, и появился король – в парадном одеянии, в «полном венце», насчитывающем тринадцать бриллиантов. На груди у него висела Роза, чуть покачиваясь на цепи. Она больше не сверкала нестерпимо-белым светом, как тогда, в Храме, и даже не светилась мягкой, молочной белизной. Но она – была, и всякий мог убедиться, что их король – избранник Древа.

Гринер ощутил, как на него устремились сотни взглядов. Опустил руку, которая уже собралась было, словно по собственной воле, сдвинуть корону чуть набекрень, чтобы было удобнее. Весь последний час перед пиром он провел в бессмысленных спорах с Пьетро, который убеждал его, что король не может выйти к праздничному столу в повседневной одежде. Гринер чуть было не зарычал, что король, как ему кажется, может все, что захочет, но Дориан его остановил – и теперь Гринер жалел, что поддался на уговоры. В мантии, короне и с цепью на шее он чувствовал себя не только неудобно, но и не в своей тарелке.

*«Привыкнешь».*

Он величаво кивнул присутствующим, поднял руку – и выслушал троекратное «Ура Королю!», после чего сел в тронное кресло. Только после этого сели остальные. Сенешаль махнул платком, и из-под потолка полилась музыка.

*«Хорошо, что ты перекусил, особо не налегай ни на яства, ни на вино»*

*«Тогда зачем их сюда выставили, если мы не есть пришли? А кстати, пришли что?»*

*«Смотреть, слушать. И чтобы показать подданным, что их король в полном расцвете сил, всех помнит, знает и любит. И чтобы наградить воинов, отличившихся в битве. И чтобы...»*

*«Понял, сидеть для виду».*

*«Примерно так».*

Похоже, понял Гринер, только король на этом празднике оставался без еды и питья – остальные налегали на разнообразные блюда так, словно не ели неделю. Но, понаблюдав за пирующими, Гринер обнаружил, что не только он сидит, ковыряясь вилкой в тарелке, на которой лежал малюсенький кусочек мяса в подливе.

Бароны либо откушали втихую у себя в комнатах, либо им кусок в горло не лез. Особенно апатично выглядел Гордойс. Гринер пригляделся к нему незаметно – и понял, что тот все время посматривает на барона Падуа.

*«Он выглядит так, будто все время боится», – подумал Гринер, и Дориан тут же ответил:*

*«А он и боится».*

*«Почему? Он ведь не предатель?»*

*«А ты посчитай баронов и графов»*

Гринер только сейчас заметил то, что старому Шольцу пришло в голову сразу же. Баронов было существенно меньше.

*«Толли умер, не оставив наследника, и вопрос о его землях так пока и висит в воздухе. Хотя по традиции они должны отойти короне, каждый из баронов втайне надеялся склонить меня к тому, чтобы отдать такой лакомый кусок ему. Но это было еще до войны, сейчас у них совсем другие страхи. Смотри – нету Толли, Боклэра. Верендарт и Келмворт сидят тихо по своим комнатам и трясутся. Мервильф восстанавливает Рудего. Баронесса Дурстхен... хм. В итоге их тут всего шестеро из двенадцати. Гордойс, Смерриль, Падуа, Морринт, старый и недалекий Ольдверг, который в стороне от дел Совета, потому что несколько лет просидел послом в Лионе и Уилсонсон, который, хоть и стар, но всецело предан короне. А теперь подумай. Падуа был дружен с Боклэром. Смерриль – с Келмвортом. Из них только Гордойс и Морринт не вызывают особенных подозрений».*

Гринер сначала запутался в объяснениях Дориана, но затем мысленно повторил их, внимательно глядя на лица баронов, чтобы запомнить лучше. Бароны при этом ерзали и нервно роняли вилки, стоило ему на них уставиться.

*«Не пялься так, они в обморок хлопнутся. Теперь графы... Эх, как жалко, что Майоль погиб... он был очень умен. Но Тьерри тоже не дурак. И у них сейчас перед баронами есть преимущество».*

*«Они не запятнали себя?»*

*«Именно. И бароны вполне оправданно опасаются, что я раздам земли... то есть, что мы раздадим земли графам».*

«Нужны им эти земли...», – буркнул мысленно Гринер, с тоской провожая взглядом уплывающий на тарелке кусок мяса. Он, хоть был маленьким, но, как считал Гринер, в его желудке – совсем не лишним. Он успел только перекусить.

*«Конечно, нужны! Это поля и виноградники, крестьяне, налоги... торговля. Ты что, в экономике совсем ничего не понимаешь?»*

Гринер вздохнул.

*«Ладно, ладно. Я объясню».*

Все пиршество, как отмечали присутствующие, король просидел с чрезвычайно озабоченным видом. Особо прозорливые отметили, что Его Величество временами поглядывал на баронов, и сделали далеко идущие выводы. Особо далеко выводы ушли у младших графов – кто был поглупее. Они вообразили, что ничейные земли достанутся им: не станет же король раздувать и без того огромные территории графов? Или поощрять баронов к новым предательствам подарками? Они переглядывались со значением ровно до того момента, как подали сладости. Его Величество встал, обвел зал глазами и тихо, но звучно произнес:

– Мы благодарим благородных господ и славных воинов, что разделили с Нами эту трапезу. И возносим хвалу Древу, что победа осенила нас своим крылом. Сейчас вы можете продолжать праздновать, я же удаляюсь.

Пирующие уже набрали воздуху в грудь, чтобы воскликнуть «Долгая лета!», но король добавил:

– Я собираю Совет. Бароны и графы, состоящие в нем, пройдите в залу Совета. Остальным я желаю веселиться и славить Древо.

И Его Величество покинул зал через ту же дверь, что и вошел. В полном молчании через главный вход вышли бароны и графы. И лишь когда за ними закрылись двери, дворяне и простые воины, в едином порыве взволнованно стали обсуждать решение короля.

«Совет...» – шептались графы. «Покатятся ли еще головы?» – качали головами купцы. Представители Ордена Древа и Ордена Близнецов, пожалуй, держали себя скромнее других – они не обсуждали новость, только переглядывались.

Маркиз Этье потер в задумчивости подбородок и, перегнувшись через стол, отвел в сторону пышный фазаний хвост, маячащий перед глазами. Кивнул банкиру Хельгорду, и встав из-за стола, отошел к камину.

– Пожалуй, нам лучше уйти сейчас, друг мой, – сказал он банкиру. Тот согласно кивнул и они покинули зал.

Они с Хельгордом направились в Казначейство. Если предстоит передел земель, работать придется много. Следовало подготовиться, вызвать служащих и наточить много перьев. Вскоре за ними замок покинули и жрецы – их замучили расспросами.

Шольц же, услышав слова короля, удовлетворенно улыбнулся.

Гринер все-таки скинул с себя мантию, но корону оставил, и Розу тоже. Он появился в зале Совета первым, сел в высокое кресло с изображением оленя на верхушке спинки, скрестил руки на груди и стал ждать. Зал освещали десятки канделябров.

«Готов?»

«Нет. Но ведь все равно это надо сделать».

Гринер посмотрел на руки. Они не дрожали. И сердце не колотилось, как бешеное. Он даже не вспотел.

«Наверное, ты повзрослел».

Гринер знал, что это не так. Вернее... может, он и повзрослел, просто... После того, что случилось тогда, на холме, занесенном снегом, вряд ли что-нибудь сможет его испугать.

Но эту мысль он произносить не стал, даже внутри.

Бароны заходили по одному, держась друг от друга как можно дальше. Кланялись, садились на свои места – на спинках сидений были вышиты их гербы, – и, все утыкались взглядом в стол, кроме барона Уилсонсона и его сыновей. Графы зашли по двое, расселись быстро и устремили глаза на короля.

– Война закончилась. Нашей победой. – Веско сказал король. – Это хорошо.

Спорить было не с чем, и члены Совета согласно закивали.

– Но дома, в королевстве, творятся демоны знают что. И причины этому лежат глубоко. – Его Величество сделал паузу, обводя присутствующих тяжелым взглядом. – Я могу только догадываться, что за темные мысли и желания толкнули барона Боклэра на предательство короны и своей страны. И подозреваю, что основной причиной была жадность.

На лицах баронов отразилось сомнение. Не то чтобы они считали Боклэра бессребреником, просто думали, что вряд ли дело было только в жадности. Графы слушали короля внимательно, Тьерри чуть улыбнулся и покосился на Огги.

– Алчность толкнула Келмворта и Верендарта на пособничество. Могу ли я доверять своему Совету, когда вы только и думаете, как бы захватить побольше? – Король повысил голос. – Это надо прекратить.

Почти все снова согласно закивали. И только старый Уилсонсон подумал: «Если они думают, что достаточно потрясти скорбно головой, и на этом все закончится, то они дураки». А Тьерри обеспокоенно посмотрел на Недвига.

Дориан встал, оперся о стол и навис над ним. Вид его не сулил ничего хорошего.

– Я определяю земли предателей короне.

И без того звенящая тишина стала почти непереносимой. У Гордойса капля пота повисла на кончике носа, но он не удосужился вытереть ее.

– А также земли баронов Смерриля, Гордойса, Морринта, Толли, Дурстхен, Мервульфа, Уилсонсона, Падуа и Ольдверга.

Присутствующим послышался тихий вздох, доносящийся от стенки, но они не придали ему значения. Старый Уилсонсон поднял глаза на короля:

– Ваше Величество...

– Я не закончил! – рявкнул Дориан. – Также короне отходят земли графов. Всех. Я назначаю управляющих, которые будут отчитываться только передо мной. Вы все... все, я под-

черкиваю, должны будете доказать мне свою верность и истинное смирение, прежде чем заслужите свои земли!

– Ваше Ве... – попытался вмешаться Тьерри, но запнулся, когда король бросил на него разъяренный взгляд.

– Вы получите их обратно только в том случае, если я буду точно уверен в вашем беспрекословном подчинении!

Отсветы огня метались по фигуре короля, придавая ему вид зловещий и грозный, алые отблески падали на его камзол от Розы.

– Но война...

– Ведь Хотстоун и Мейрхолд вообще не участвовали...

– И баронесса Дурстхен, – слабо начал Тьерри.

– По какому праву? – подал голос Гордойс, судорожно вытирая платком лицо.

– В древнем законе написано, – медленно, почти по слогам, произнес Дориан, и дворяне замолкли, – что король имеет право отчинить короне все земли, которые сочтет нужным, перед лицом великой опасности.

– Но это... этот закон был написан, когда и земель-то почти не было! – возопил Смерриль.

– Какой опасности?! Это дурацкое пророчество...

– Это несправедливо! Мы не предавали Ваше Величество! Почему мы должны...

– Молчать!

Бароны и графы пожалуй, впервые как сели за стол в зале Совета, впервые за всю свою историю, почувствовали единение. У них появилось нечто общее. Страх.

Роза на груди короля разгоралась – но уже не белым светом, а ярко-красным.

– Высшая справедливость, как и высший суд – в руках короля. Впереди нашу страну ждут беды и напасти, и королевство должно быть сильным. Вы останетесь здесь, в столице, под моим присмотром. В ваши земли будут направлены мои управляющие. И если хоть один из вас, хоть словом, хоть делом, попробует пойти мне наперекор...

Дориан отклонился назад. Оглядел Совет, будто поле боя – но уже после битвы, словно подсчитывал поверженных врагов.

– Если кто-нибудь из вас выступит против меня... Он об этом пожалеет. – Король положил руку на Розу, но та все равно просвечивала сквозь пальцы, бросая зловещий свет на его лицо. Подсвеченное снизу, оно внушало ужас. – Я его уничтожу.

#### Глава 4

Хрустальный шар Гринер вез от самой равнины, на которой произошло сражение, в своих седельных сумках. Никому не давал их в руки. Только в столице пришлось довериться Пьетро – но выглядело бы странно, если бы король тащил свою поклажу сам. В походе – да. Здесь – нет. Он немного волновался, но когда после Совета зашел к себе в покои и обнаружил, что кожаный небольшой мешок аккуратно уложен на столе вместе с другими личными вещами, расслабился. Подошел, достал из мешка сверток, и, размотав большой и толстый кусок материи, извлек шар.

«Они испугались...» – подумал Гринер. – «И наверняка подумали, что я безумен».

*«Зато мы знаем часть плана Кендрика. Бароны теперь ненавидят графов, потому что те всегда поддерживали меня, наверняка думают, что я из-за этого решил, что мне все дозволено, и вот к чему это привело, по их мнению. Графы ненавидят баронов, потому что предатель был из них, и считают, что я зол из-за баронов. Все они ненавидят меня... то есть тебя. Нас... понятно, за что. Орден Древа – потому что от них я получил Розу, которой пригрозил им в случае неподчинения. И магов, потому что под предлогом их возвращения я отнял у них земли. Просто блестяще задумано».*

«Ты действительно им восхищаешься?» – изумился Гринер, уловив в мысленном голосе Дориана нечто похожее на уважение.

*«Это не мешает мне желать ему смерти – но да, он достоин восхищения. Он сильный противник, опасно его недооценивать».*

Гринер посмотрел на шар. Сейчас он должен связаться с Кендрикком, как и было уговорено. «Сразу после Совета», – сказал он. Но Гринер не мог себя заставить... не потому что боялся, что Кендрик прочтет его мысли. Каким-то образом Дориан защищал его от этого. Обычно, когда маги связывались через шар, они могли уловить отголоски мыслей, даже чувств, понять, если кто-то подслушивает... Но Кендрику приходилось слышать ровно то, что Гринер желал ему сказать – это Дориан обещал твердо. «Я – словно стена, и отгораживаю его попытки пробиться к тебе», – пояснил он Гринеру после первого разговора с Кендрикком через шар. Маг пытался проникнуть сквозь «стену», но ему не удалось. Так что Гринер не боялся, что Кендрик узнает о его – и Дориана, – жгучем желании уничтожить того, кто заставляет их исполнять приказы, кто управляет ими, словно марионетками... Нет, дело было в другом. Гринер не хотел снова слышать этот голос, зная, что совсем недавно он подчинялся ему сам. Сам, не под давлением обстоятельств, не из опасения за жизнь любимых людей... С обожанием, ловя каждое слово. И зная, что Кендрик держит Тео в плену, а, возможно и убил.

Но выхода не было.

Гринер положил ладонь на шар. Кендрик откликнулся почти сразу.

– Мальчик мой! Превосходно, все прошло так, как я планировал.

– Ты уже знаешь? – удивился Гринер.

– Конечно, знаю. Ты заставил их дрожать, король, молодец. Убедись, чтобы они не сбежали. Продержи их в замке с неделю под замком, – хм, да тут каламбур, – и обещаю, они поползут к тебе, как побитые псы, моля вернуть хоть часть той власти, что у них была. Теперь слушай внимательно...

Кендрик сыпал указаниями, Гринер запоминал. Эти налоги поднять, те уменьшить. Поддержать Орден Древа в этих их «баловствах с пророчеством», но и Ордену Близнецов выказать свою поддержку. По возможности – сравнить их друг с другом.

– Скажем, пообещай Садовникам построить новый храм в столице. О! Пусть это будет Храм Розы! Как тебе? – не дожидаясь ответа, Кендрик продолжил: – А Ордену Близнецов дай понять, что делаешь это, потому что Садовники надавили на тебя, мол, Розу получил – давай отработывай. Самим Стрелкам обещай... чтобы такое пообещать... как сам думаешь?

Гринер был уверен, что Кендрик уже все решил, просто ему нравится издеваться. Но покорно предложил:

– Земли?

– Нет, мальчик мой, бери выше!

– Я не знаю...

– Обещай, что перейдешь в их веру. Славно придумано, а? И королевство тоже постепенно под них подведешь. От такого крупного куска у них слюнки потекут рекой!

Кендрик перечислил еще несколько мелких законов и проектов. По мысленному голосу его было понятно, что он чрезвычайно доволен. Наконец, он закончил:

– Пожалуй, пока все. Свяжись со мной через неделю, расскажешь, как идут дела. А дней через десять, возможно, мы увидимся лично. Сейчас я... несколько занят.

Гринер проглотил вопрос о Тео – знал, что Кендрик все равно не расскажет, только посмеется.

– Я все исполню, – пообещал он.

– Вот и хорошо. Удачи, король... И, кстати. На трюк с королевой не рассчитывай. Я достану ее где угодно. Так что пусть едет в столицу, как и собиралась, ты понял?

У Гринера холодок пробежал по спине. Как он узнал? Кто-то подслушивал? Некс либо Ферфакс втайне работают на Кендрика? Паника чуть не накрыла его с головой – но помог Дориан, мысленно его встряхнувший.

– Понял, – сглотнув, ответил Гринер.

– Пай-мальчик. Продолжай в том же духе.

Шар потускнел. Разговор с Кендриком занял не более минуты. Гринер, двигаясь словно во сне, замотал шар в тряпку, опустил в мешок, затянул завязки. Положил на стол и замер, не решаясь двинуться – на коже выступил холодный пот, колени чуть подгибались.

*«Возьми себя в руки»*

*«Но он... как он узнал? Неужели я теперь вообще никому не смогу доверять?»*

*«Значит, никому. Мы можем доверять только друг другу. Пока не поймем его план... и тогда все это закончится, обещаю».*

Гринер с минуту стоял, тяжело дыша, пока не успокоился. Все-таки, есть кое-что, способное его испугать. Вернее, кое-кто. Кендрик.

Гринер снова напрягся, но уже потому, что из спальни донеслись посторонние звуки.

Король взялся за рукоять меча и, подойдя к двери, толкнул ее носком сапога. Та без скрипа отворилась, и юноша увидел склоненную над кроватью спину старого слуги.

– Подзаткнут спустя рукава, но не расправят, – слышалось ворчание.

– Пьетро... – окликнул слугу король, отпуская оружие. – Оставь.

– Ваше Величество... – тот согнулся в поклоне, а, распрямившись, внимательно оглядел короля. – Выглядите очень уставшим. Как Ваш бок? Я позвал лекаря на завтра, а с собой он мне дал успокаивающий отвар, он снимет боль. Снимайте-ка верхнюю одежду, целый день ходили небось, и не сказали никому...

Пьетро продолжал болтать, охая и ахая при виде большого синяка на ребрах короля. Рассказал, что устроил любимого коня Его Величества как полагается, и хотел прислуживать королю на пиру, но Шольц отправил его к лекарю, как только узнал о ране Дориана. Беда была в том, что замковый врачеватель уехал к войску, помогать раненым в лазарете, разбитом на другом берегу, хороший лекарь, только суетливый, пришлось отправиться туда за ним, а он, наглец, отказался оставлять воинов...

– Правильно сделал, – Гринер поморщился: Пьетро бинтовал ему бок, наложив примочку. – Там раны куда серьезнее. А я не помру от синяка.

– Что Вы такое говорите, – со сдержанным ужасом ответил Пьетро. – Вы же король.

– Потому и говорю.

Слуга закончил перевязку, подхватил оставшиеся бинты и тазик.

– Ваше Величество, Вас что-то гнетет, уж простите мой длинный язык. Я могу помочь? Вы сам не свой.

Гринер вздрогнул.

– Все нормально. Позови-ка ко мне Шольца. И приготовь писчий прибор в кабинете, я напишу письмо. Сначала прибор... И найди Некса с Ферфаксом, пусть зайдут.

– За полночь уже, Ваше Величество, отдыхать-то когда будете... – покачал головой Пьетро, но покинул комнату.

Гринер надел длинную рубаху поверх штанов, и теплую накидку – несмотря на нагретый камин, в покоях было холодновато. Отправился в кабинет. Сел в кресло и уставился на белоснежный лист бумаги.

– Демоны дери, – выругался он, вскочил с кресла и пошел в приемную. Вернулся с мешком в руках, запихал его в ящик стола и снова принялся разглядывать бумагу.

Он так и не написал ни слова, когда пришел Шольц. Коротко кивнул дворецкому, похвалил за прекрасно устроенное пиршество. Старик сдержанно улыбнулся.

– Шольц, у меня к вам просьба. Но сначала вопрос. Скажите, корона ведь обеспечивает слуг, уходящих на покой?

Дворецкий если и удивился, то виду не подал.

– Конечно, Ваше Величество. Полная рента до конца дней.

– А у Пьетро, кажется, есть домик под... – король прищелкнул пальцами и Шольц подсказал:

– Верхним Тесом, сир. Там сейчас проживает его семья – дети и внуки.

– Пьетро долго и верно служил короне. Позаботься о том, чтобы, когда он завтра отправится на заслуженный отдых, ему было выплачено жалованье до конца месяца, плюс надбавка лично от меня, в размере... двухсот золотых. Пусть уедет прямо с утра, не задерживаясь.

Губы Шольца чуть дрогнули, словно он собирался что-то сказать, но он лишь склонил голову.

– На завтра есть какие-то... события, на которых я должен присутствовать? – спросил король, устало потерев глаза.

– Торжественная церемония в Храме Древа, – стал перечислять дворецкий. – Раздача хлеба бедным, объезд лагеря, совещание городского совета, праздничный обед. И маркиз Этье просил передать, что завтра состоится заседание Казначейства.

– Что из этого я никак не могу пропустить?

– Церемонию в храме... – начал Шольц и замаялся. – И, пожалуй, Казначейство... в связи с недавними событиями.

«Уже знают», – подумал Гринер. – «Слухи разносятся быстро. Бароны с графами, наверное, были так напуганы, что не сумели сохранить в секрете то, что произошло на Совете».

– Хорошо. Передайте маркизу, что я буду. Во сколько церемония?

– В десять утра, Ваше Величество.

– Хорошо. Пусть меня разбудят в семь, если сам раньше не проснусь. Все, идите.

Гринер просидел над письмом еще минут десять, но дальше строчки «Возлюбленная моя королева!» не продвинулся. Сам он не знал, как короли пишут письма своим женам, а Дориан явно хотел бы сказать больше, чем было необходимо, и потому подсказывал с неохотой. Да и смысла отправлять послание уже не было. Зачем он попросил Пьетро приготовить бумагу, перо и чернила, Гринер не знал.

*«Возможно, это Пьетро донес Кендрику... а, может, и не он. Но совершенно точно – он один из немногих, кого очень сложно будет одурачить, слишком долго он меня знает, почувствует перемены, станет подозревать... мы правильно сделали, что его отослали».*

«Угу», – только и ответил Гринер.

В дверь постучали, и король с облегчением откликнулся:

– Входите.

Проблема была еще и в том, что у него из головы не шли перепуганные лица Совета. И он честно признался себе, что страшится оставаться наедине с собой. А уж что будет, когда он отправится спать...

Вошли Некс и Ферфакс, один бледнее другого. Уселись в кресла, напряженно молчали, пока Томас не сказал осторожно:

– Ваше Величество... это было неожиданно.

– Я знаю. Что ты заметил, пока наблюдал из потайной комнаты?

Томас глубоко вздохнул. И, судя по выражению лица, решился говорить прямо, несмотря на опасность попасть в немилость:

– Страх. Вы нагнали на них страху, Ваше Величество. И если это было вашей конечной целью, то все замечательно, но смысла ваших действий я не понял.

– А тебе и не надо. – Жестко ответил король. – Пока не надо. Потом... посмотрим. Что еще?

Томас понял, что профессиональный и четкий ответ сейчас будет кстати и ровно стал перечислять:

– Бароны, все кроме Уилсонсона, были ошеломлены. Он тоже удивился, но меньше, наверное, потому что не ждал никаких наград за служение.

«Если это шпилька, Томас, то она прошла мимо», – раздался голос Дориана у Гринера в голове. Он ничего не ответил королю, кивнул Ферфаксу: «Продолжай».

– Гордойс выглядел обозленным, но хорошо это скрывал. Морринт часто смотрел на Гордойса, словно в поисках поддержки. Ольдверг вообще мало что понял, а Смерриль и Падуа глубоко задумались. Лиц графов я не видел, они сидели спиной ко мне, но позы были насто-роженные.

– У дверей их комнат уже стоит стража?

– Конечно. Как только я услышал о вашем... решении, то сразу передал капитану соответствующие распоряжения.

По выражению лица капитана легко было догадаться, что его это решение изумило до глубины души и выбило из колеи. Он кашлянул.

– Кхм. Ваше Величество, что делать, если они попытаются покинуть замок и столицу?

– Объяснить, что король запретил уезжать. Если попробуют прорваться силой, схватить, заковать и поместить в темницу. В хорошие условия... насколько это возможно. Гонцов от них, если таковые будут, перехватывать, все письма приносить мне. Войскам графов и баронов, что стоят сейчас на том берегу, объявить, что их сюзерены остаются погостить у короля. Ведите себя с баронами и графами вежливо, но твердо.

– А если начнутся волнения? – спросил Некс.

– Вот если начнутся... а, впрочем... Томас, это по твоей части – подпусти в лагерь людей, чтобы они успокаивали людей, расхваливали мое гостеприимство, и все такое. Ты знаешь.

– И сколько... – капитан тщательно подбирал слова. – Сколько бароны и графы будут... гостить у Вас?

– Сколько понадобится. Не меньше недели, потом посмотрим, что они запоют. Завтра, на заседании Казначейства, я назначу управляющих их землями. Воинов баронов и графов отправим их сопровождать. Таким образом войско, стоящее у столицы, исчезнет само собой. Графам Хотстоуну и Мейрхольду надо послать гонцов с приглашением явиться в столицу – и позаботьтесь, чтобы гонцы к ним прибыли раньше слухов.

– А что с... королевой?

Лицо короля словно одеревенело. Он посмотрел на лист бумаги, лежащий перед ним, ноздри его гневно расширились... но он быстро взял себя в руки.

– Королева прибудет в столицу, как и собиралась.

– Чем вызвано такое решение, Ваше Величество?

«Троеклятым Кендриком», – подумал Гринер.

– Требованиями разума. Неужели вы думаете, что я оставлю королеву на попечительство Хотстоуна, после того как вызову его сюда, чтобы отобрать его земли? Вдруг он все же узнает о том, что произошло на Совете? Ее Величеству будет куда безопаснее здесь.

Капитан с помощником переглянулись. Гринер против воли принялся размышлять, кто из них может быть предателем. Некс – старый вояка, и вполне доволен службой в гвардии короля. В деньгах вроде недостатка не имеет. Томас в течение многих лет помогал Тео, она ему доверяла, вряд ли он мог бы ее обмануть... Но, возможно, их шантажируют, угрожают близким. Гринер едва удержался, чтобы не задать пару наводящих вопросов, поинтересоваться, все ли в порядке в их семьях... Незачем выдавать себя – вдруг страх перед Кендриком (или преданность ему) окажутся сильнее желания открыться королю? Проще не доверять им, скрывать часть информации, а разобраться в том, за кого они, можно будет потом. Когда все закончится.

«Эта фраза скоро будет светиться у меня перед глазами», – горько подумал Гринер. – «Когда все закончится... а когда?»

– Вы свободны.

Гринер, как и предполагал, долго ворочался, прежде чем заснул. Мысленно он спорил с Дорианом, убеждая того рассказать все Дереку.

«Он единственный, кому я точно могу доверять!», – с горячностью подумал он. – «И он куда лучше меня разбирается в... Кендрикe».

*«Я чувствую, ты преувеличиваешь. К тому же, и я уже не раз тебе это говорил – обращаться к Дереку опасно. Он согласится исполнять все приказы Кендрика до того времени, пока мы не разгадаем его намерения?»*

«Возможно, согласится».

«Ты сомневаешься. А он сможет защитить Шезару?»

«Да!»

*«Опять сомнение. И еще я чувствую, что ты и сам... на самом деле ты не хочешь разговора с Дереком».*

«Хочу... но боюсь».

«Почему?»

Гринер с силой взбил подушку и ответил:

«Спокойной ночи».

Дориан замолк. А Гринер натянул до подбородка меховое одеяло и устался широко открытыми глазами в окно, где светила на черном небе яркая звезда, Глаз Дракона.

Он боялся. Сначала, после всего, что произошло, он чуть не рассказал Дереку правду. Но тогда он был в панике. Не знал, что делать, ужас от содеянного накрыл его с головой, и поэтому он, как утопающий за соломинку, ухватился за спокойный, уравновешенный голос Дориана, который советовал не спешить. Он чувствовал себя, как ребенок, потерявшийся в бурю, и Дориан был для него маяком. Потом... Гринер раз за разом порывался сказать Дереку, но не находил слов. «Дерек, слушай, я на самом деле Гринер, и Тео погибла из-за меня»? Дальше открыть истину становилось все труднее. Потому что, если б Дерек спросил: «Почему же ты сразу мне не сказал?», Гринер не знал бы, что ответить. Значило бы это, что он больше не доверяет наставнику? Но самым большим страхом Гринера было то, что Дерек не смог бы его простить. Юноша даже почти убедил себя в том, что так и случится – то, что он совершил, не прощается. Он втихую от наставников общался с предателем и убийцей, учился у него, позволил ему убить короля и заманить Тео в ловушку... По глупости своей, самонадеянности. Гринер боялся, что Дерек плюнет ему в лицо и уйдет, не оборачиваясь, навсегда. И будет прав. И тогда останется только утопиться, а после смерти вечность висеть на Древе вниз головой, как и все предатели.

Звезду закрыло легкое облачко. Гринер сглотнул, почувствовал, что во рту пересохло. Сел в кровати, чтобы дотянуться до кубка с водой, что стоял рядом на столике, и вдруг ощутил, что по щеке стекает капля. Он машинально слизнул ее. Соленая.

Капитан Некс и Томас, выйдя из покоев короля, не сговариваясь, избегали обсуждения состоявшегося разговора до тех пор, пока Некс не закрыл за ними дверь в своем кабинете. Он перебрался в общие казармы, поближе к своим гвардейцам, сразу после того, как получил «нагоняй» от Тео. И ни разу об этом не пожалел. Во-первых, сразу стало куда легче следить за подчиненными и быть в курсе всех дел. Гвардейцы, относившиеся к нему с опаской, а некоторые так и вовсе без уважения, уже через месяц души в нем не чаяли и перестали постоянно сравнивать с предыдущим префектом, капитаном Догайном. Частично заслуга такого «вливания» в службу принадлежала Томасу. Он охотно помог Нексу разобраться, какие у того обя-

занности как у капитана, и как у префекта, разъяснил, почему одно следует отделять от другого и рассказал, как завоевать доверие гвардейцев. Они быстро подружились, хотя различались почти во всем, разве что оба были женаты на работе, и все свое свободное время отдавали ей. Джером научился у Томаса многому, и в первую очередь тому, что, как бы ни были преданны гвардейцы королю, некоторые вещи лучше обсуждать наедине.

Теперь, усевшись в старое, «догайновское» кресло, Некс тихо произнес, побарабанив пальцами по столу:

– И как тебе... все это?

Томас остался стоять, рассеянно рассматривая коллекцию оружия, висевшую на стене, также оставшуюся от прошлого префекта.

– В целом я одобряю позицию короля. Давно следовало прижать баронов. Но не так резко. А теперь даже графы имеют полное право восстать, требуя возврата земель.

– А как же закон? По которому Дориан...

– Он существует, я даже могу его тебе процитировать. И под данный случай он попадает – правда, с натяжкой. Согласно этому закону, угроза должна быть явной и глобальной. А в данном случае мы имеем лишь пророчество. Согласись, это меньше, чем ничего.

Томас наконец сел, подвигал бумаги на столе капитана. И неожиданно спросил:

– У тебя еды не найдется?

Некс с прищуром поглядел на своего помощника, поднялся и отошел к столу, на котором под крышкой на подносе лежал нетронутый ужин. Поставил его перед Томасом. Сам он аппетит потерял с той самой минуты, как к нему с час назад быстрым шагом вошел Ферфакс и сообщил, что Совет следует сопроводить по комнатам и поставить стражу. С приказом не выпускать дворян до распоряжения лично от короля.

Томас принялся безо всякого удовольствия поглощать бутерброды с мясом, запивая их разбавленным вином. Ел он, как всегда, по необходимости. Некс с минуту наблюдал за ним молча, потом сказал:

– Ладно, мы имеем то, что имеем. Как они там, тихо сидят?

Он не сомневался, что Томас в курсе происходящего. Каким-то непостижимым образом он узнавал о самых разнообразных вещах, совершенно незаметно и очень быстро. И Ферфакс не подвел:

– Как мыши. Переваривают услышанное. Силой прорываться, думаю, не будут. Они понимают, что это чревато обвинением в измене, а голова Боклэра покинула его шею совсем недавно, такое сразу не забудешь.

– А их войска? – Некс снова опустился в скрипнувшее кресло. В голове не укладывалось, что король пошел на такие крутые меры. Какой бешеный пес его укусил? – С ними проблем не будет?

Том вытер губы салфеткой, благодарно кивнул Нексу и ответил:

– Не должно. Они наверняка уже сами собрались домой, ведь соглашение с сюзереном обязывает их предоставлять воинов для сражения, но после такового они торчат тут не обязаны. У них полно дел в своих землях. А вот личные отряды баронов... Я подумаю, как их убедить, что хозяева остались погостить, и в них нужды нет.

– Правда ведь все равно просочится, стоит ли так прямо лгать...

– А кто говорит о лжи? Они все знают о предателе Боклэре, и если намекнуть, что король просто зол и хочет пострадать своих дворян... или, еще лучше, выявить оставшихся изменников... да, отличная идея. Пустим слух, что у Боклэра были сообщники и помимо Келмворта и Верендарта. Но, чтобы выявить их, Его Величеству нужно какое-то время подержать у себя Совет... Да, это сработает. К тому же, как очень правильно предложил Дориан, отрядам надо дать задание сопроводить управляющих до земель их хозяев. Это их отвлечет. Другое дело, что они будут недовольны отсутствием добычи...

– Ты о чем?

– Эта война, конечно, была в защиту королевства. Благое дело, славное, под покровительством Древа, но... воинам надо платить. Города на разграбление им не досталось, а всю добычу с поля боя – личные средства убитых лионских дворян, их оружие, доспехи и прочее, – забрали себе бароны и графы, кто сколько успел. Законное право, они потом бы рассчитались с вассалами, но, поскольку сейчас дворяне сидят взаперти, кто знает, достанется ли их отрядам хоть что-нибудь? Завтра с утра я спрошу у Его Величества дозволения самому распределить деньги и ценности между войсками. Возможно, воинам и от королевской казны достанется что-нибудь. При таком раскладе отряды баронов и графов уйдут почти беспрекословно.

– А ты умный, – довольно улыбнулся Некс. – Мне и в голову не пришло.

– Не прибедайся. – Томас вернул улыбку другу. – Я думаю быстро, ты – медленно, но оба мы всегда приходим к правильным выводам. Кстати, о выводах... Король нам так и не сообщил всю подоплеку истории с тремя мятежными баронами, и это меня тревожит. И что он намерен делать с теми двумя, что в темнице? Где они, кстати? В королевской тюрьме или городской?

– Королевской, – ответил Некс. – Со всеми полагающимися почестями. Они говорили что-то о том, что король обещал им всего лишь изгнание, но Дориан лично приказал, когда я встретил его на въезде в город, отправить их в тюрьму.

– Он не показался тебе... – Томас сделал паузу, подбирая слова. – Станным?

– Как снег летом, – признался капитан. – Только не пойму, в чем именно странность. Характер у него будь здоров, стальной, так что эта жесткость не сюрприз. Но... мне кажется, он ведет какую-то свою игру. А нам не говорит.

– Возможно, не доверяет. – Томас помрачнел. – Это плохо. Мы не сможем помочь, если Дориан будет скрывать свои планы. Хотя, возможно, он пока не уверен в подозрениях, и не хочет раньше времени мутить воду.

– Да он своим выступлением на Совете не то что намутил, он взбаламутил весь «водоем»! – Некс был встревожен настолько, что позволил себе высказаться о короле крайне непочтительно. – Он ввязался во что-то опасное, Томас. Я хочу попросить тебя...

– Понаблюдать за Его Величеством? – понимающе кивнул Ферфакс. – Конечно. Я и так бы это сделал.

Некс поерзал. Ему не нравилось, что он вынужден шпионить за Дорианом, но другого выхода не было. В который раз уже он подумал о том, что маги исчезли очень не вовремя. Та же Тео наверняка бы придумала, как вызнать у короля правду, а, может, будь она в столице, до конфликта между Советом и королем вообще не дошло бы. Но маги отстранились, и ему приходится идти вразрез с собственным чувством долга, договариваясь с Томасом о слежке за Его Величеством.

– «Патриотичные заговорщики», – буркнул он. – Как бы наши головы не покатались вслед за боклэровской.

– Будем надеяться, наши головы додумаются до ответов раньше, чем попадут под острие меча, – ответил на это Томас, печально улыбаясь. – Хотя я бы на обезглавливание не рассчитывал. Если что-то пойдет не так, нас повесят.

Рик проснулся от ощущения чего-то теплого на лице. Приоткрыл глаза... Через минуту чувства сообщили ему, что из окна на щеку падает солнечный луч. А он лежит в мягкой, удобной постели. Рик посмотрел вверх и узнал паутину трещин на потолке – он находился в своей комнате, в Храме. Он не был здесь с... да, той ночи, когда они с Тео рыскали по библиотеке Храма.

«Мне все это приснилось?»

Он перевел взгляд вниз. Одеяло укрывало его до груди. Рик осторожно приподнял его... и устался на свои руки, плотно забинтованные. Как ни странно, боли не было. Он вообще не чувствовал ничего ниже запястий. Он выпростал руки из-под одеяла и поднес к лицу. Витки бинта аккуратные, явно работал профессионал.

– Мазь, снимающая боль, – раздался голос от изголовья кровати, и Рик быстро вывернулся, чтобы посмотреть на говорившего. На стуле у его ложа сидел Старший Аммет, толстенький, благообразный старичок с гладко выбритыми щеками и колючими, словно пурга, глазами цвета неба. Старший добавил: – Мы не хотим тебя заставлять страдать более, чем ты заслужил. Твое наказание окончено.

На Рика нахлынули воспоминания прошлой ночи – его крики, мольбы, он просил пощады, не выдержал боли. Его никто не учил терпеть боль. Он вспомнил темноту, хихикание Крыса, соленый вкус крови на губах.

– Я служу Близнецам смиренно, – хрипло произнес он.

Аммет поднес к его губам простую глиняную кружку с водой. Рик попробовал взять ее сам, но неуклюжие руки, обмотанные бинтом в десятки слоев, отказывались слушаться. Он смирился и отпил воды, пока Аммет держал кружку. С искренней благодарностью в голосе Рик сказал:

– Спасибо.

«Спасибо, спасибо, за то, что я никогда больше не смогу играть, шпиону не нужны пальцы, мерзкая ты тварь, чтоб ты сдох».

– Расскажи мне о возвращении магов.

Вода была ледяной, зубы от нее заныли. Рик облизал губы.

– Маги возвращаются, по мнению Садовников, для того, чтобы предотвратить беды и горести, о которых говорится в пророчестве. Но...

Мысли Рика путались. Наверняка его еще и отваром каким-то напоили – сонным или обезболивающим. Он никак не мог вспомнить, что собирался сказать Старшим, чтобы те заподозрили Кендрика...

– Но они сами устроили это.

– Что устроили? – мягко спросил Аммет.

Рик ощутил, что память скачет туда-сюда, подсовывая совсем не то, что нужно. Он попытался сконцентрироваться, но чувство было такое, будто он потерялся в тумане.

«Соберись, недобард безрукий!», – заорал он себе.

– Пророчество. Кендрик хочет с их помощью править страной.

Аммет заметно вздрогнул при упоминании этого имени. «Интересно, я дурак и сейчас закапываю себя глубже, или я молодец?» – подумал Рик.

– Ты встречался с ним?

– Нет. Но чародейка, моя подопечная... это ее ученик.

Барду показалось, что он нащупал верный путь. Жрецам вовсе не обязательно знать, что Тео пыталась убить Кендрика. А он, в конце концов, заполучил ее... Воодушевленный успехом, Рик продолжил:

– Кендрик внедрился в Орден, помогал нам, где магией, где информацией. И потихоньку разваливал Орден изнутри. Многие из жрецов уже готовы последовать за ним. Он усыпил нашу бдительность подачками... Когда маги вернутся, он столкнет лбами Стрелков и Садовников, в расчете, что мы уничтожим друг друга, или основательно пошатнем... А маги довершат начатое. Единственные, кто способен им противостоять, это мы... и Кендрик это знает. У Садовников смелости не хватит, у короля ума. Маги не будут делить власть ни с кем.

– Ты сказал, что многие жрецы готовы последовать за этим... Кендриком. Имена?

– Не знаю. Имен не называли.

– Откуда эта информация?

– От... подопечной. Еще она сказала, что Кендрик силен... очень силен. И он может видеть ложь.

Тут Аммет не просто вздрогнул. Он напрягся, сцепил руки на коленях. Но голос его оставался таким же ласковым и полным участия:

– Видеть ложь?

«Да, бойся, старый дурак. Вы же все пропитаны ложью насквозь, и то, что я сказал, заставит тебя попотеть... а также отдалить Кендрика как можно дальше, чтобы он вдруг не вызнал ваши секреты...»

– Он видит, если человек врет. Что именно скрывает, не видит, но ложь чувствует.

– Он один обладает такой способностью?

– Да. Те... подопечная очень гордилась им.

Если бы Рик признал, что все маги могут чувствовать вранье, встал бы вопрос о том, как он сам так долго сопровождал магичку и не был раскрыт.

– Что еще ты можешь сказать о нем?

Рик рассмеялся мысленно. Аммета теперь интересовал только Кендрик – ни маги, ни их возвращение, ни Тео с Дерекком не волновали его. Только маг, просочившийся слишком глубоко в Орден. Рик чуть ли не видел, как Аммет обдумывает, какие именно секреты он мог, не зная того, открыть Кендрику.

– Он стоял за Лионелем. И он нашел для него Копье Молний.

– Зачем ему это было надо?

– Чтобы Дориан получил Розу, что же еще. Это не дар Древа, это подарок магов. Они хотят возвысить Орден Древа, чтобы те решились на открытое столкновение с нами. А после добить «выживших»... Ну и война, конечно же, часть пророчества. Одно из бедствий. Я не уверен, но думаю, что Кендрик и в Лионе пустил корни, если можно так выразиться...

– Обойдитесь без бардовских аллегорий, брат Кано. Говорите по существу.

Рик чуть не захохотал в голос. «Аллегии, Старший Аммет? О, вы и не представляете себе, как много могут сделать аллегии... Вы уже у меня в кулаке, пусть и раздробленном, но сила моя в речах, язык надо было вырывать, язык!».

Рик чуть приподнялся в постели, посмотрел на кружку... Аммет, не отдавая себе отчет, сразу же схватился за нее, поднес барду...

«В кулаке».

– Я слышал, что он будто бы обещал Шаррону что-то, в награду за то, что тот даст войско Лионелю. Обставили все, конечно, так, будто у Шаррона выбора не было. Но тут я мало что могу сказать.

Рик и правда решил не влезать на незнакомую территорию. Из того, что знал, о чем догадывался, он итак уже наплел достаточно бреда. И Аммет, кажется, в него поверил.

– Еще что-то?

– Мои подопечные какое-то время будут заняты пророчеством. Оба они на время покинули Вердленд, куда отправились – не знаю. – Это Рик сказал, чтобы Аммету вдруг не пришло в голову послать его гоняться за магами. – Меня Тео... подопечная... отправила помогать Ордену Древа, с самыми лучшими рекомендациями. Сейчас я – ближайший помощник Винеса, жреца, который нашел пророчество и открыл его смысл. Он всецело мне доверяет. Я отпросился на пару дней, так что без вреда для легенды могу вернуться туда завтра.

Аммет погладил в задумчивости щеку. Рик отвел от него взгляд, чтобы не создалось впечатление, что он ничуть не обеспокоен своей дальнейшей судьбой – куда пошлют, туда и пойдет... И принялся рассматривать комнату, отмечая про себя, что изменилось. У стены напротив поставили вторую кровать. А он жил здесь один... И полки с книгами убрали, на столе только «Откровения», святая книга Близнецов. Исчез ковер на стене, скромный, потертый, но Рик его любил. На нем были вытканы цветы и плоды. Стены недавно белили, а вот пото-

лок оставили, как есть. Еще бы, ведь стены были им, Риком, исписаны. Вот тут, над изголовьем, он записал начало стихотворения, которое начиналось словами «От жажды умираю над ручьем...». Дальше ему не придумывалось, хоть головой о камни бейся, он даже подумывал, не привлечь ли Талли, или даже устроить состязание, с условием, чтобы стихотворение началось именно с этой фразы... Выше располагалось довольно фривольное четверостишие. У стола он нарисовал голую красотку... А теперь, судя по всему, в его комнату поселили новых братьев. Его писанина наверняка бы смущала и растревляла их нежные души. Рик ухмыльнулся бы широко, но рядом сидел Аммет, поэтому он сохранял на лице расслабленно-послушное выражение. Хотя внутри...

– Хорошо. Пока отдыхай. Вечером мы со Старшим Воргом еще зайдем, постарайся вспомнить больше подробностей об этом Кендрике. Важна может быть любая мелочь. Завтра вернешься к Садовникам. Связь будем держать не так, как раньше, через других лиц – твое новое назначение будет тайной для всех, о нем знаем только мы с Воргом.

Аммет поднялся тяжело, накинул капюшон на голову, надвинул низко, скрывая лицо. Рик только сейчас заметил, что балахон на Старшем простой, как у младшего жреца. Значит, и правда, его держали тут втихую, никому ничего не объясняя...

– А брат Амберли? – не сдержался Рик. Он был уверен – о его вражде с Крысом Старшие прекрасно знали.

Аммет нахмурился – брат Кано позволял себе слишком многое, задавая вопросы... Но он оказался крайне полезен, а уж то, что он внедрился к Садовникам... Старший решил ответить:

– Брат Амберли и будет тем, через кого ты будешь с нами связываться. Подробнее мы расскажем вечером. Сейчас отдыхай – впереди много работы во славу Близнецов.

– Смирненно служу Близнецам, – повторил Рик заученную фразу. И ведь не соврал. Он действительно был на службе у Близнецов. Оставалось надеяться, что они не спросят с него за такую самостоятельность, когда все закончится.

«Когда все закончится», – подумал Рик. – «Пугающая фраза на самом деле. Туманная, неясная, но создающая иллюзию того, что все будет хорошо... Надо перестать так думать. Ничего никогда не закончится. Никогда».

Дерек, проведя в столичном доме беспокойную ночь, прошелся по комнатам. Собирать особо нечего было: личные вещи маги тут не хранили, все они были в доме Тео, и погибли вместе с ним. Черному осталось лишь проверить замки на двери, да магическую защиту, отпугивающую воров. Ничего особенного, просто любой, кто собирался залезть в дом, так соблазнительно стоящий в богатом районе без высоких стен вокруг, охраны и решеток на окнах... вдруг испытывал сильное желание уйти. Маг подумал, что хорошо бы навестить перед отлучкой Дориана, но решил, что у короля сейчас своих забот хватает. А он, Дерек – лишнее напоминание о страшных и неприятных событиях. «Если что – у него есть шар, а у Некса должны были остаться стрелы...» – подумал он, но вспомнил, что эти стрелы устроены так, чтобы прилетать к дому Тео, а там сейчас... Он прошелся до казарм гвардейцев. Несмотря на то, что было раннее утро, во «внутреннем городе» наблюдалась кипучая деятельность. Дерек, не желая тратить время на объяснения, кто он такой и зачем ему к капитану, прикрылся невидимостью и влез в окно его покоев. Некса не было. Маг решил, что так даже лучше – почему-то ему показалось, что уйти тихо – самый лучший вариант. Если он разыщет Некса, тот не обойдется без расспросов, а там надо будет решать одну проблему, потом другую, и маг уже не сможет выбраться из круга обязательств, которые он, в общем-то, исполнять вовсе не должен был. «Эти серые штучки», – подумал он с неприязнью и одновременно теплотой. Открыл шкатулку, запертую на хитроумный замок, что для него, естественно, преградой не было; изменил конечную цель стрел, заколдовав их так, чтобы они прилетали к дому на Широкой. И прямо из кабинета Некса

открыл портал к дому Уэйна, предварительно из вежливости послав тому мысль о своем скором прибытии.

Седые отроги, восточная их часть. Мороз тут же стал покусывать щеки и руки, и Дерек заспешил по едва заметной тропинке наверх, по склону горы, оставляя за собой цепочку следов, ведущую из ниоткуда. Пробравшись через груды валежника, он вышел на небольшую площадку. Впереди виднелись скалы, светло-серые, поросшие согнутыми сосенками. Тут уже мало что выросло выше колена, основной массив леса виднелся внизу, за спиной.

Хозяина дома не было, но Черного уже ждал Мальти. Он сидел на крыльце, вытянув ноги, и смотрел на облака. Он был одет не по погоде – всего лишь тонкая холщовая куртка поверх рубахи, зеленые штаны тоже были тонковаты для такого мороза, а обут маг был в простые туфли. Заметив прибывшего, старик скосил на него глаза и сдержанно улыбнулся.

Дерек ощутил необъяснимое довольство при виде старого мага. Копаться в себе, выясняя, откуда взялось это чувство, времени не было, и он оставил анализ на потом. Подошел к Мальти.

– Не холодно?

Дом Уэйна почти целиком находился в скале. Снаружи заметен был лишь вход – хлипкая хижина, то ли охотника, то ли дровосека. Со стороны она смотрелась как бесполезная груда досок и хвороста. Дерек заглянул внутрь хижины через проем двери, которая висела на одной петле. Грубый лежак, запорошенный снегом. Полка с битыми кувшинами. Маг знал, что в скале, служившей дальней стеной домика, был скрытый проход в настоящее жилище Белого.

Мальти вместо ответа взял свою трость, прислоненную к ступеньке, и поднялся.

– Уэйн хотел дожидаться тебя сам, но попросил меня. Ему срочно пришлось отлучиться. Отправимся ко мне, там я расскажу тебе, что мы успели сделать, пока ты... отсутствовал.

Старик кивнул повелительно, и Дерек открыл второй за сегодня портал – и он перенес их на тысячу миль южнее, почти к самому нижнему окончанию Мокрых гор, на границе владений графа Огги. Тут было гораздо теплее – и Дерек с облегчением расправил плечи. Почему-то обогреть себя с помощью магии в присутствии Мальти показалось ему мелочным, хотя тот, похоже, не смущаясь это делал, когда дожидался его.

Они словно переместились в осень – лес стоял бурый, мокрый. Снега не было. Дерек раньше не бывал у Мальти, хотя местоположение его дома знал – как и всех остальных магов. Впрочем, он не был уверен, что они и впрямь жили там, где указали в свое время Дереку, когда он заканчивал обучение. Чавкая по грязи, маги прошли вдоль ручья, у берегов которого скопилось немало павшей листвы, вяло трепыхавшейся от неторопливого течения воды. Повернули влево – и вышли к мосту, что был перекинут через ручей, разлившийся из-за запруды чуть дальше по течению.

Небольшой городок Геддарт платил дань графу Огги железом и камнем. Поначалу здесь находился поселок рудокопов и небольшой карьер, затем появились кузнецы, литейщики, камнетесы... Поселение превратилось в деревню, обросло укреплениями, а лет семь назад стало городом и получило свой герб. Он красовался на воротах городской стены, которая возвышалась сразу за мостом: кирка и молот.

Геддарт был небольшим городом, но богатым: здания все каменные, улицы вымощены, охрана на воротах при начищенном оружии и не дремлет. Но магов они пропустили, едва взглянув. Дереку показалось, что Мальти слегка отвел стражникам глаза. Белые умели воздействовать на разум лучше остальных.

Мальти и Дерек пошли по улице, ведущей в гору; молодой маг попытался вспомнить, чем занимается Мальти в своей «обычной жизни». Что-то, связанное с одеждой? Или обувью... Пройдя пару десятков шагов, Дерек получил подсказку: дом, в дверь которого Мальти посту-

чал крепкой тростью, был украшен вывеской. Художник очень талантливо изобразил руно и веретено. «Шерсть», – вспомнил Дерек.

Тем временем дверь в дом открыла женщина средних лет, поприветствовала Мальти и с любопытством глянула из-за его плеча на второго мага. Старик отдал трость женщине:

– Это Дерек, мой поставщик из Тэнниела, – представил старик своего спутника. Дерек торопливо, испытывая досаду оттого, что Мальти не предупредил его о «легенде», прикрыл ладонью вышитый на куртке дубовый лист и сержантский значок. Вряд ли женщина разбирается в военных нашивках, но мало ли... Однако она ничуть не удивилась ни внешнему виду гостя, ни оружию у него на поясе. Безмятежно улыбнувшись, она кивнула и ушла вглубь прихожей.

– Не беспокойся, – сказал старый маг. – Она под контролем.

Дерек смолчал, и руку опустил. Прошел вслед за Мальти по коридору, приведшему их к внутренним помещениям – ближе к улице, судя по всему, находились комнаты, относящиеся к лавке «торговца шерстью». А вот в задней части большого дома, крепость и высота потолков которого говорили о достатке, судя по всему, располагались личные комнаты мага и его семьи.

– Я живу здесь с двумя сыновьями, их женами и тремя внуками, – пояснил Мальти, показывая на лестницу, уходящую на второй этаж. – Они нам не мешают – сыновья в деловых поездках, а невестки с детьми у матерей.

– А жена?

– Умерла десять лет назад. – Мальти толкнул тяжелую дверь. Она вела в большую комнату, стены которой были обшиты дубовыми панелями, отчего внутри было тепло, уютно и сухо. «Столовая», определил Дерек, глядя на огромный стол, шкаф с посудой и камин с барельефом. И это еще больше уверило его в том, что «человеческая» семья Мальти не бедствует – обычно отдельные комнаты для принятия пищи были только у богатых купцов или аристократов. Простые люди ели прямо на кухне. Огонь в камине не горел, из него были выметены уголь и зола, а это значило, что в доме действительно некоторое время никто не живет... Или живет кто-то, кому без надобности огромная столовая.

Воздух был теплым, но одновременно свежим, несмотря на то, что ставни трех высоких окон были закрыты, а в комнате горело множество свечей. Дерек сделал вывод, что тут тоже постаралась магия.

«А они не смущаются использовать магию даже вместо таких бытовых вещей, как окна и камины», – подумал маг.

За большим семейным столом сидели трое белых – Гвен, Вирена и Дирен, и Черный Жером. Они кивнули Дереку, на первый взгляд, никак не показав, что приветствуют отбившуюся от стада овцу – сдержанно, но дружелюбно. И, однако, маг заметил, что выражение их глаз изменилось. Мальти скинул куртку; ее тут же подхватил кто-то из магов и по воздуху отправил на спинку самого высокого стула. Его Мальти и занял, а затем приглашающе взмахнул рукой:

– Садись.

Дерек сел рядом с Жеромом.

– Вирена, расскажи ему, что уже сделано. А потом я отдам указания, объясню, чем ты будешь заниматься.

И тут Дерек вдруг понял, почему, увидев Мальти, почувствовал радость. Ему очень хотелось, чтобы появился кто-то, говорящий ему, что надо делать. Чтобы он мог снять с себя груз ответственности, обрел цель и снова стал просто выполнять приказы. Чувство, не посещающее его с той поры, когда он был учеником, а потом и подмастерьем. Исчезнувшее, когда он стал полноправным магом и партнером Тео.

И Дереку то, что он понял, сильно не понравилось.

– Мы уже подготовили почву для исполнения пророчества, – при этих словах Вирены все почему-то усмехнулись, – осталось только сотворить комету. Поскольку мы работали быстро, то сможем вернуться к людям раньше намеченного.

– И это хорошо, – весело добавил Мальти. Все кивнули.

– У нас есть две группы. Одна взяла на себя Проколы и тварей, что появляются из них. Работать им придется чаще, конечно, потому что другая группа занята подготовкой Возвращения, и дальше всецело будет отдавать свое время только этому. В какой из групп ты бы хотел состоять?

Дерек задумался. Но не над тем вопросом, который задала ему Вирена. Не напрямую. Он стал размышлять над тем, что открылось в нем самом.

«Неужели я настолько желаю подчиняться? Нет, иначе я либо не заметил бы за собой это качество, или не обеспокоился бы так из-за него... Тео... она ведь не просто вела меня, как положено Серому в паре. И чего я хочу сейчас? Плюнуть на все и заняться Проколами?»

И именно в этот момент его магическое чутье, его суть мага, наконец-то дали о себе знать. Еще вчера он понятия не имел, чего хочет и куда теперь идти. После того, как Тео пропала в портале, ведущем неизвестно куда, он места себе не находил. Но здесь и сейчас, сидя в окружении магов гораздо старше себя, он вдруг ощутил, что их слова на самом деле для него ничего не значат. Белые, Серые, Черные... Он слушал магию внутри себя.

– Я неплохо справляюсь с Проколами, – медленно проговорил он. Намеренно глухо и тихо, чтобы у окружающих создалось впечатление, что он испытывает неловкость от того, что присоединился к ним только сейчас. – После того, что случилось... с моим учеником, я, к сожалению, ни к одному не отправлялся...

«Потому что никто из Белых мне о Проколах не сообщал».

– Даже не знаю. Пусть решит Мальти.

И Дерек повернулся к старому магу. Тот сложил ладони домиком, и слишком театрально выдержал паузу, прежде чем сказать:

– Будешь с вернувшимися магами. Ты ведь неплохо изучил обстановку в Тэнниеле, и сможешь подсказать, с кем и как говорить.

Дерек был уверен – Белые и сами прекрасно разобрались бы в политической обстановке столицы и королевства. Но его упоминание потерянного ученика... Он глубоко, искренне скорбел о Гринере, но сейчас именно это могло повлиять на Мальти и остальных, и он без сомнений использовал этот факт. Ведь, вернувшись, маги рассчитывают заняться подготовкой множества учеников, а учительство благотворно повлияет на Дерека, перенесшего такой удар.

Черный знал, что, заикнись он о потере своей напарницы, маги бы только фыркнули. Похоже, никто из них не был обеспокоен судьбой Тео.

«Мне, оказывается, нравятся серые штучки», – удовлетворенно подумал Дерек. – «И спасибо тебе, Ольсен. Ты старый хитрец... Вот то, чего я хочу. Быть в центре событий. Своими глазами убедиться, если это так, что Тео была права – и воспитание магов без указания Силы чревато страшными последствиями. И, если... когда я это обнаружу, мне нужно будет находиться среди обучающихся магов. Чтобы вовремя остановить катастрофу».

Дерек благодарно улыбнулся Мальти:

– Спасибо. Я правда ценю это.

Тот величаво кивнул.

– Вирена... расскажи ему подробности. Остальные – со мной, отойдем на время. Есть несколько вопросов, которые надо обсудить... Возвращение случится совсем скоро.

На церемонии в храме Древа король выглядел отсутствующим, погруженным в себя. Как и на объезде лагеря. Утром к нему подошел Томас с идеей распределить добычу графов и баронов между их людьми, и Его Величество идею одобрил; поэтому воины встречали его особенно восторженно. Естественно, слухи о том, кто распорядился выдать золота, тут же достигли лагеря, как, впрочем, и о том, что Совет остается погостить у короля. Возражений не было. Войско, последний раз выстроилось перед победоносным королем, воины прокричали трехкратное «Ура!» и стали расходиться. Все спешили домой, в родные земли. На левом берегу Тегерры остались только отряды баронов и графов, дожидаться, когда к ним придут назначенные королем «временные управляющие», чтобы сопроводить их до владений своих сюзеренов.

Сами же дворяне из Совета, судя по докладу Ферфакса, сидели по своим покоям подозрительно тихо.

Его Величество поучаствовал в раздаче хлеба беднякам, но на заседание городского совета не явился, хотя магистрат подготовил пышную речь и подарок – щит с оленем, чьи рога оплетала роза. Городские аристократы с сомнением мяли в руках приглашения на праздничный королевский обед, подозревая, что и тут король не облагодетельствует их своим присутствием. Однако явились, и немало были удивлены тем, что Его Величество обед все же посетил. Принял дар от магистрата, притащившего подарок с собой, и почти весь праздник скучал, уставившись в окно.

Заметно оживился король, лишь когда вышли выступать барды.

Все они, как один, воспевали в наспех сочиненных балладах доблесть короля, его мудрость и полководческий талант. Под конец пришло время выступить главному королевскому барду, Таллирену. Нарядно одетый, он вышел в середину зала, погладил пальцами струны, как вдруг король поднял руку, призывая к вниманию. Затем поманил к себе Таллирена.

– Прославлять собрался? – тихо спросил король у барда, как-то очень по-дружески на него глянув.

Талли вздрогнул, не ожидая такой фамильярности, но ответил:

– Да, Ваше Величество. – И чуть пожал плечами.

– Понятно... – король внимательно посмотрел на барда, потом снова поднял руку. В трапезной и без того было тихо, теперь все затаили дыхание.

– Я хочу наградить этого талантливого служителя искусства, – провозгласил король, – и объявить, что с сегодняшнего дня он больше не является моим главным королевским бардом.

Присутствующие стали недоуменно переглядываться: что за награда такая? Отстранение?

Бард же, на удивление всем, выглядел не просто довольным, а чуть ли не счастливым. И, поскольку все были увлечены обсуждением королевского решения, никто не заметил, как Его Величество подмигнул барду украдкой.

Таллирен подмигнул в ответ, правда, больше от радости. Причин королевского решения он не доискивался и уж конечно, не вспомнил о своем разговоре с Гринером.

После обеда король отправился в Казначейство, чтобы переговорить с маркизом Этье и его подчиненными об изменениях в политике и экономике страны. Маркиз, надо отдать ему должное, держался невозмутимо и только попросил у Его Величества разрешения нанять больше людей. Ведь, во-первых, часть своих лучших работников он отправляет в должности управляющих на земли баронов и графов. Во-вторых, дел теперь точно прибавится, ведь нужно будет следить и учитывать доходы не только с королевских земель, но со всей страны. Король согласился.

Постепенно жизнь вошла в привычную колею. Воспоминания о войне быстро отступили, тем более что она не дошла до столицы, а проходила где-то далеко на востоке. Были построены две таверны – «Роза» и «Равнины Эльды», на том память горожан и успокоилась. Из Рудего

пришли новости: крепость почти восстановили, сильно помогло то, что король Лиона Эльвар Второй прислал своих рабочих и строителей, не иначе как в благодарность за голову Лионеля. Томас Ферфакс специально уточнял у короля, только ли Хотстоуну с Мейрхолдом надо послать гонцов с приказом скорее прибыть в столицу – а Мервульф как же? На что Дориан ему ответил: «Пусть сначала крепость восстановит и порядок там наладит, потом приглашу... в гости». Томас засомневался, естественно, со всем почтением – а не случится ли так, что до барона Мервульфа дойдут слухи о заточении, «простите, Ваше Величество, пребывании», в столице членов Совета и он откажется приехать? Дориан нехорошо усмехнулся и сказал: «Хотстоун и Мейрхолд не видели Розу в действии. А Мервульф видел. Приедет как миленький».

Бароны и графы смиренно попросили у короля аудиенции, в ходе которой выказали готовность пойти на уступки... любые, лишь бы Его Величество сменил гнев на милость. Результатом стало только то, что им разрешили прогуливаться по замковому саду в сопровождении охраны. Келмворта и Верендарта продолжали держать в темнице, впрочем, на куда лучших условиях, чем обычных пленников – им выделили камеры сухие, с мебелью и кормили прилично.

Прошла неделя, затем другая. Орден Древа, вдохновленный расположением короля и откровениями Старшего брата Винеса, пользовался положением и укреплял свое влияние в столице. От брата Клопстофера прибыл гонец, сообщивший, что тот удачно добрался до замка Органт и теперь занимается его восстановлением.

Послушник Вальдо вернулся в храм Древа вовремя, правда, с ним случилось несчастье. Руки его попали под колеса телеги. Тяжело груженой. Целители храма заверили его, что заживут переломы быстро, и он даже сможет писать и заниматься растениями, как раньше. Винес оставил Вальдо на прежней должности, хотя первое время за Старшим записывал другой послушник.

Рик зачарованно смотрел, как храмовый лекарь снимает бинт, слой за слоем. Сначала правую руку... Бард закусил губу при одном только воспоминании. Вот... пальцы красные, опухшие и... кривые. Безымянный отклонился к мизинцу, большой торчит под странным углом. Умываться было сложно, одеваться – еще туда-сюда, помогало то, что послушники носили рясы, а те, к счастью, были без пуговиц. Хуже всего обстояло с работой в саду, письмом и приготовлением настоек – то есть, с работой. Косо на него не смотрели, но Рик начинал чувствовать себя бесполезным.

Он пошевелил пальцами и ощутил, как скрипят суставы.

– Ты упражнялся в письме, послушник Вальдо? – строго глядя из-под косматых бровей, спросил лекарь.

Две недели назад он перебинтовал отдельно каждый палец, а три дня назад велел брать в руку стило и писать, писать, писать... Пером еще рано было пользоваться, а стило – узкий кусок дерева, которым чертили на воске, вполне годилось.

– Да, брат Пин. Упражнялся.

«Воя и скуля», – добавил про себя Рик.

– Попробуй что-нибудь написать. Вот. – Лекарь подвинул послушнику дощечку и стило.

«Во сла-ву Дре-в-а» – коряво вывел Рик. Буквы плясали, словно пьяные, но разобрать слова можно было. Если постараться.

– Ежедневные повторения, старание, и вера. И уже через неделю у тебя будут получаться ровные строчки, Вальдо. Давай-ка снимем повязки с другой руки.

«Ровные строчки! – Зажав в кулаке стило, мысленно закричал Рик. – Ровные! Строчки!».

Но вслух сказал:

– Благодарю, брат Пин. Вы спасли мне руки.

И, когда лекарь отложил в сторону последний бинт, не выдержав, вскочил и, отбросив в сторону стило, выбежал из Целительной. Ноги сами принесли его к алтарю храма, в молельный зал. Рик опомнился только через несколько минут, обнаружив себя коленопреклоненным перед изображением Древа... и молящимся Близнецам.

Запнувшись на полуслове, бард огляделся по сторонам – никого. Да, молился он про себя, а не вслух, но все же... Рик с подозрением посмотрел на вырезанный из камня дуб, возвышающийся над алтарем. Не поразит ли его сейчас молния за богохульство? Но кары все не было и не было, и Рик осторожно встал с колен, поправил рясу. Снова посмотрел на свои руки.

– Упражнения... старание... – прошептал он. Вскинул голову, и на его новом бульдожем лице появилась решимость.

Сначала письмо. А потом лютня. Если он будет заниматься каждый день, постепенно, сначала понемногу, а потом все больше... Пускай это займет десять лет. Или двадцать. Он снова будет играть.

Еще неделю спустя, как раз на Хлад, Праздник середины зимы, Рик уже вполне сносно владел пером. Он как раз переписывал набело письмо Винаса храму в Дагорее, как его наставник и покровитель зашел в келью без стука и сразу же перешел к делу:

– Вальдо, оставь пока письмо, ты мне понадобишься. Прямо сейчас – нас посетит король. То есть посетит сейчас, и нужен ты мне сейчас. Возьми писать! – Винас явно был взволнован, поскольку говорил путано.

Рик, не мешкая, повесил на шею деревянную дощечку с приклеенными листками бумаги, засунул за ухо перо, подвесил на пояс чернильницу и посеменил вслед за Старшим, который на ходу сочинял приветственные слова королю. На вкус Рика, в речи его было слишком много превосходной степени и междометий.

Для встречи короля жрецы определили молельный зал. И чисто всегда, и внушительно. Внутри уже расположились гвардейцы: осматривали темные углы и проверяли, куда ведут двери. Жрецы выстроились в проходе между скамьями, у алтаря встал Улленпиг, хлопающий глазами, как сова, которую разбудили днем. Наконец, в зал с улицы вошел герольд и объявил:

– Его Величество Дориан Второй!

Рик, в бытность свою бардом, частенько видел короля, когда бывал при дворе. Последний раз, кажется, сразу после свадьбы. «Видимо, война очень его изменила», – подумал он, скромно потупляя взор, – «Он стал куда суровее – горькие складки у крыльев носа, глаза жестче...». Дориан быстрым шагом прошел к алтарю, сотворил знак Древа и поклонился Улленпигу.

– Старейший. Старшие...

Жрецы, бубня приветствие, поклонились в ответ.

– У меня для вас хорошие новости, – сразу, без предисловий, начал король, не заметив, что Винас открыл рот, чтобы излить свое красноречие, – а именно: я хочу построить Храм Розы.

– О... – раздалось со всех сторон, – Э... О-о-о...

– Благодаря покровительству Древа и его дару мы победили в войне с узурпатором Лионелем, и я считаю своим долгом в честь этого события, а также во славу Древа, возвести еще один храм в столице. Храм Розы, дара Древа.

Рик чуть приподнял бровь. А говорили, будто король злой, как демон, сажает сподвижников в темницу направо и налево, и Совет держит в замке чуть ли закованным в кандалы. А оказывается, он сама доброта и милосердие. Ну, или, что вероятнее, ему храм Розы зачем-то нужен. Осмотревшись, Рик понял, что больше никто из жрецов его скепсиса не разделяет: они радостно галдели, как дети, которым обещали кулек пряников. Особенно напыщенно раздувал щеки Винас. Он выступил вперед:

– Ваше Величество, это огромная честь... и замечательный поступок настоящего верующего!

Рик усомнился. Уж слишком явно – для него, шпиона, явно – на лице короля читалось отвращение и желание поскорее покинуть это место. Но чем так Дориану не нравится храм? Рик присмотрелся к королю... да, презрение, гадливость... но плечи широко расправлены, дыхание ровное, стоит прямо. Значит, не сам храм вызывает в короле такие эмоции, а те, кто в нем или то, о чем ведется речь.

Жрецы повели с королем беседу о планах постройки, месте, которое он желал бы отвести под храм и прочих общих вопросах. Рик записывал – Винес требовал, чтобы все важные встречи были занесены на бумагу слово в слово. Бард подозревал, что жрец просто не сразу вникал в большинство вопросов, и позже, запершись в келье, просматривал записи. По крайней мере, на следующее утро после такого разговора он куда осведомленнее высказывался о предмете встречи.

Рик мог и записывать, и наблюдать за королем. Раньше, когда процесс корябания пером по бумаге не отнимал столько усилий, он мог бы еще и слушать, и анализировать, запоминать слово в слово речь и голоса, интонации... Вот Винес бы обрадовался, знай он, что его помощник может на самом деле. Но теперь, когда Рик отвлекался, выписывая закорючки букв, он успевал только выхватывать выражение лица короля, поднимая голову от письма время от времени, и слушать его голос.

«Король: не стоит и пытаться вместить храм где-то посередине города, ведь придется тогда что-либо снести, а я не хотел бы, чтобы храм Розы запомнился наравне с разрушением. Я думаю, лучше поместить его у реки, за городом, но провести к нему широкую мощеную дорогу. Не слишком далеко от городской стены», – записал Рик и отметил, что король не так заинтересован в результате, как это кажется жрецам. И еще... в тоне Дориана ему почудилось равнодушие. Слово он...

«Дает обещание, не собираясь его выполнить», – догадался Рик.

Оставалось решить, просвещать ли Винеса. Пожалуй, не надо, решил Рик. Во-первых, он не поверит без доказательств. А во-вторых... Барду было интересно, что за игру ведет король. А вот со Стрелками поделиться новостью о предложении короля придется: они все равно узнают, но зададутся вопросом, почему же их лучший шпион, присутствуя на этой встрече, умолчал о ней? Но и им не собирался Рик пояснять, что король, скорее всего, просто пудрил мозги жрецам, руководствуясь какими-то таинственными причинами.

Его Величество, обсудив основные вопросы, быстро закончил разговор, назвал имена тех из городского совета, кто будет заниматься постройкой храма и, пожелав жрецам долголетия и процветания, вышел. За ним последовали гвардейцы, печатая шаг. Эхо стука подкованных сапог заметалось под сводом молельного зала.

Винес состроил «важное» лицо и махнул рукой помощнику – мол, пошли. Рик, не стал пачкать пол зала, стряхивая чернила, – он вытер кончик пера о специальную тряпку, заткнутую за пояс, аккуратно заткнул пробкой чернильницу и пошел вслед за жрецом.

Дориан же, выйдя из храма, прищурился, глядя на зимнее солнце, вскочил в седло коня, которого подвел слуга и приказал двигаться в сторону Храма Ордена Близнецов.

«Лучше разделаться со всем этим в один день», – неприязненно подумал Гринер.

*«А если кто-нибудь заметит, что после Садовников ты посетил Стрелков?»*

«И демоны с ними. Насчет того, когда разговаривать с жрецами, Кендрик ни слова не говорил, – раздраженно ответил Гринер королю. Он чувствовал, что надо сделать именно так, но постарался придумать на ходу логическое объяснение. – К тому же, о цели моего приезда знать будут только высокопоставленные жрецы. А если кто из обычных людей и заметит мои

передвижения, что особенного – король посетил Храмы двух самых сильных религий в стране. И единственных».

*«Начинаешь мыслить, как настоящий король, – ответил Дориан, и Гринеру почудилось, что одобрения в его тоне не было. Внезапно юноша спросил у своего бестелесного спутника – А ты во что веришь? В Древо или Близнецов?»*

*«Сложный вопрос...»*

Дориан замолчал. Гринер направил коня по Кленовой. Его охрана ехала рядом; гвардейцы, подобранные лично Нексом, старательно высматривали опасности.

*«В Древо...», – наконец нарушил молчание король. – Но после того, как узнал, что Розу привезли для меня маги и увидел то представление, что они устроили...»*

«Но, знаешь ли, Роза настоящая. И, вполне возможно, Древо послало ее нам, чтобы мы передали Розу тебе», – ответил Гринер.

*«Нам? Ты тоже там был?»*

Гринер бы прикусил язык, но в мысленном диалоге это не помогло бы. Он живо представил себе, как неловко ему будет описывать Дориану, что он чувствовал, когда подходил к Розе в той пещере... Этот подъем, возвышенное чувство избранности и уверенность в том, что именно ему суждено избавить страну от опасности... Нет. Рассказывать он не будет.

*«Был, – ответил Гринер. – Но говорить об этом не хочу».*

*«Как знаешь».*

Они доехали до Храма Близнецов, давящего своей высотой и основательностью здания. Четверо гвардейцев спешили и пошли внутрь, сообщить о прибытии короля. Поскольку заранее Стрелков о высочайшем визите не предупреждали, Гринеру пришлось несколько минут провести в ожидании, дав жрецам время подготовиться. Широкие двери храма распахнулись, и король с охраной, оставив коней на попечение слуг, направились внутрь.

*«Никогда здесь не был», – подумал Гринер.*

*«А я был. И тогда мне не особо понравилось, как и сейчас. Это место... оно давит. Слишком массивное, слишком надменное. И не очень доброе».*

«Ну вот, можешь не сомневаться, ты – человек Древа», – ободряюще подумал Гринер. Но тут подоспели жрецы и ему пришлось прервать разговор с Дорианом.

– Ваше Величество, какая честь...

Это произнес высокий худой старик в балахоне, и, благодаря мгновенной подсказке короля, Гринер понял, кто перед ним. Старший Ворг. А рядом с ним, улыбаясь, стоял толстый жрец с добродушным лицом – Аммет. Он то и добавил:

– Неужели вы посетили нашу скромную обитель...

В голосе его только самый придиричивый человек мог бы заметить нотки сарказма.

– Да, досточтимые братья. Наслышан об удивительном саде, что есть у вас, и захел полюбоваться им. Возможно, я попрошу в дар от Храма некоторые растения, которых нет в королевской оранжерее.

Старшие переглянулись и Ворг простер руку с холеными ногтями в сторону арки, видневшейся сбоку, в стене алтарного зала.

«Все храмы устроены одинаково, судя по всему. Вошедших встречает божество», – подумал Гринер, рассматривая стену напротив, где были высечены фигуры Близнецов, Вигеля и Теля. Подав знак охране, чтобы оставались на месте, король проследовал за жрецами. Они молчали, судя по всему, удивленные его появлением. Пройдя по анфиладе, жрецы и король вышли к внутреннему саду, в центре которого бил фонтан. Несмотря на то, что сад находился под открытым небом, растения здесь цвели, и снег не покрывал их.

– Как такое возможно? – король показал рукой на пышные кусты и деревца. – Здесь под полом трубы с горячей водой, да?

– Ваше Величество совершенно правы, – подтвердил Аммет. Он со всем возможным почтением указал Дориану на скамью у фонтана. Король занял предложенное место, жрецы опустили на соседнее сиденье. В отличие от прямого разговора с последователями Древа, Гринер собрался со Стрелками вести беседу уклончиво, хотя покинуть этот Храм ему хотелось куда больше, нежели Храм Садовников.

– Удивительное мастерство и трудолюбие, – произнес он, осматриваясь. – Уверен, что такой пышный и процветающий сад может вырасти, только если прилагать все усилия и тщательно следить за ростом.

– Да, Ваше Величество, – снова согласился с ним Аммет. На лице его читалось легкое беспокойство – он не понимал, зачем пожаловал король.

– Как и страна... – добавил Гринер, после чего сделал многозначительную паузу. – Страна тоже нуждается как в удобрениях, так и в прополке.

Старшие переглянулись. «О, прополка, – говорили их взгляды. – Ну конечно, члены Совета...»

– Но мне не очень нравятся эти садоводческие аллегории, – мягко продолжил король. – Куда больше по душе мне концепция двойственности.

Ворг сверкнул глазами.

– И как же вы понимаете эту концепцию? – спросил он.

– «Во тьме свет, в свете тьма», – процитировал Гринер, сам того не зная, Первую книгу Вигеля. Он эту фразу слышал от барда, и по вытянувшимся лицам жрецов понял, что попал в точку. – Я куда ближе к Близнецам, чем некоторые думают. И хотел бы, чтоб поданные мои также узрели свет истинной религии.

«И тьму, соответственно», – добавил про себя Гринер.

Аммет облизал губы.

– Правильно ли я понял Ваше Величество...

– Вы считаете меня неблагодарным? – с нажимом спросил король.

Аммет совсем потерялся и вынужден был снова переглянуться с Воргом.

– Совсем нет, Ваше...

– Вы, наверное, думаете, что странно королю, получившему дар от Древа, желать перейти к Близнецам?

– А вы... желаете? – непонимающе переспросил Аммет.

– О, да.

*«Теперь очень тонкий момент. Вдохни и повторяй за мной»*

– Стране угрожают бедствия. – Гринер вздохнул глубоко и печально. – А может ли защитить страну правитель, который исповедует веру, живущую лишь в его словах, но не в сердце? И еще Пророчество... И эти маги. Их возвращение – даже не знаю, похоже на бред.

– Конечно... – Аммет, похоже, решил поддакивать королю, другой жрец молчал.

– Но... – покачал головой Дориан.

Ворг подался вперед.

– Вдруг это правда? Если это так, я не уверен, что они придут лишь помочь нам в борьбе с неведомыми и непонятными угрозами.

Между собеседниками повисла тишина, такая ощутимая, что ее, казалось, можно резать ножом. Король терпеливо ждал хода жрецов. Гринер подумал, что теперь настала очередь высказаться высокому жрецу, и не ошибся.

– Ваше Величество так же хорошо читает в сердцах, как и в умах. И, несомненно, ваша искренность и рвение к истинным богам сопоставимы только с вашей заботой о государстве. Когда вы намерены... принять Близнецов?

– Скоро, – ответил король. – Как только позволят... внешние обстоятельства.

Жрецы понимающе кивнули. Аммет нервно поглаживал листву растущего рядом деревца; Гринеру показалось, что он вот-вот не сдержится и оторвет длинные, маслянистые листья от ветки.

– Само собой, – сказал король веско, – что о нашем разговоре пока никто не должен знать. Но я всем сердцем уповаю на вас и надеюсь, что, когда придет время, вы окажете мне всемерную поддержку.

Рик провел в комнате Винеса около часа, разъясняя ему смысл записанного. Ему пришлось униженно просить прощения, что почерк его пока далек от идеального, и потому жрец сам не может прочитать запись разговора с королем. Специально для Винеса бард выписал на отдельный листок сроки, обозначенные королем и имена архитектора и чиновников, ответственных за проект. Затем жрец отпустил его, несомненно, чтобы без помех поразмыслить над листками с пометками.

Рик воспользовался краткой передышкой, чтобы выйти за пределы храмовых построек и кинуть торговке пряжей медную монету, сказав при этом условленную фразу о погоде. Затем вернулся в храм и, пересилив страх того, что грубая работа помешает нормально разработать пальцы, занялся своими обычными делами – сбором трав, растиранием уже высушенных. Он неловко толк корешки и соцветия в каменной ступке, затем ссыпал порошки в специальные стеклянные бутылочки и приклеивал этикетки. Потом вместе с другими послушниками мыл полы в молельном зале, а после скромного ужина, состоящего из каши и травяного чая, отправился спать.

Вернее, для всех остальных он отправился спать; на самом же деле он улизнул через черный ход на улицу и пробрался к небольшой таверне неподалеку. Но заходить внутрь не стал, отошел к стене здания и, прислонившись к ней спиной, стал поджидать своего связного.

Амберли.

Рику пару раз приходила мысль о том, как славно будет сунуть в бок Крысу кинжал, а после уверить Старших, что нашел его уже мертвым – видно, грабители. Но он понимал, что, во-первых, Крыс не лыком шит, он преуспел в умении борьбы почти так же, как брат Кано. Одна промашка – и у Амберли будет доказательство того, что Рику нельзя доверять. А во-вторых... барду претила мысль об убийстве, пускай даже такой гнили, как Амберли. С некоторых пор Рик стал замечать, что куда-то исчезла его жестокость и безразличие к чужим страданиям. Он бы поразмышлял, что стало причиной такого преобразования, если б не подозревал, что обдумывание этого приведет его к мысли о Тео, а чувство вины итак грызло его каждую ночь.

Он ждал, чутко вслушиваясь в ночные звуки. Из-за закрытого окна таверны доносились нестройные возгласы, иногда пение, но чаще – стук игральные костей и хихиканье служанок. Рику пришлось прождать довольно долго, ноги стали коченеть на морозе, но наконец от стены противоположного дома отделилась темная фигура.

– Соловей, – ровным тоном произнес Рик.

– Зяблик. – Послышался ответ.

Бард, не затягивая «удовольствие» общения с Крысом, четко и быстро передал тому информацию о приезде короля и его предложении. Изображать в лицах и изменять голос не стал – без толку, Амберли все равно не сумел бы передать все нюансы и интонации. Эта способность была присуща только Рику, потому что он был бардом.

«Или я стал бардом из-за этого умения? – запутался Рик. – Кто я вообще?»

Но копать в себе не было времени. Закончив доклад, Рик собрался было уйти, но Амберли остановил его, схватив за предплечье.

– Как твои раны? Зажили? – участливым тоном спросил Крыс.

– Благодарю за заботу, зажили. – Рик у удавалось не только копировать чужие голоса, но и изменять свой до неузнаваемости. Сейчас он приложил немало стараний, чтобы сквозь вежливые слова не прорвалось клокотание в горле и шипящая ненависть.

– Думаю, тебе понравилась наша прошлая встреча, – зашептал Крыс, придвинувшись ближе, в самое ухо Рик. – Хочешь, повторим?

– Как вы наверняка знаете, брат Амберли, мужеложество – величайший грех, осуждаемый Близнецами. – Рик смотрел прямо перед собой, не шелохнувшись. – А ваш проникновенный шепот и дрожь в членах заставляют меня подозревать, что вы испытываете ко мне отнюдь не братскую любовь. К сожалению, она не взаимна.

Крыс отпустил локоть барда и часто задышал. Рик не смог удержаться и добавил:

– Я слышал, в Гнилом квартале можно найти себе спутника на ночь – всего за пять монет. Но там опасно, так что – берегите себя.

Развернулся и ушел, ожидая удара в спину холодным лезвием... но Крыс, судя по всему, сдержался. Наверняка положил эту пикировку в копилку обид, к другим разговорам, когда острый на язык брат Кано одерживал верх.

Рик вернулся в Храм незамеченным. Прокрался в свою келью, снял верхнюю рясу и в одном исподнем залез в лебяную постель.

«Рикардо, Кано, Вальдо... я хочу просто быть собой. Близнецы, если вы слышите – я ведь никчемный слуга, я нарушил ваш приказ, зачем же вы оставляете меня в живых? Прирезал бы меня Крыс, а вы нашли бы другого исполнителя...»

Рик с малых лет отучился жалеть себя. Но сейчас, лежа в темноте в убогой, холодной келье, он был близок к этому, как никогда.

Ночью ему приснился сон. Это не было видением, ярким и реалистичным, как тогда – в лесу, после смертельного удара Охотника. Это было именно сновидение – расплывчатое, неоднозначное и постоянно ускользающее... но сад был тем же самым. Рик брел по нему, босыми ногами взбивая лепестки яблонь. Всю ночь ему снилось только это – звездное небо, бесконечный сад и пение невидимых птиц. Оно было столь совершенно, столь прекрасно, что он плакал от счастья. Утром Рик проснулся спокойным, собранным и... полным радостного осознания того, что все делает правильно.

Гринер угрюмо стоял перед зеркалом. Он уже привык, что с полированной поверхности на него смотрел вовсе не вихрастый парень с узким лицом, а взрослый мужчина: широкоплечий, темноволосый, с волевым подбородком. Сейчас он осматривал себя в последний раз перед тем, как выйти к городскому совету.

Совет этот был создан, чтобы освободить короля от забот и лишних хлопот, касающихся собственно города, Тэнниела. Но частенько правителю приходилось проверять, как работают выборные магистры, выслушивать их жалобы и предложения – словом, проверять, как работает система. Что ему сегодня расскажут магистры, Гринер примерно представлял. И хотел было спихнуть неприятную обязанность на маркиза Этье, но вмешался Шольц. Не желая ввязываться в долгие споры, король уступил уговорам дворецкого почти сразу.

В зале для приемов яблоку негде было упасть, как говорят в народе. Пришли даже те имеющие вес горожане, которые ранее избегали больших соборщ. Наверняка – в надежде узнать что-нибудь о Совете, пленных баронах или грандиозном строительстве, которое, по слухам, затевал король.

Гринер вошел в зал – присутствующие поклонились, а разогнулись, только когда король сел на трон. Согласно этикету, первым должен был выступить магистрат – глава городского совета, состоящего из пятнадцати магистров: купцов и лекарей, строителей, жрецов и ремесленников. Но он мялся, не решаясь обратиться к королю, и Гринер, улыбнувшись, терпеливо подсказал:

– Сегодня на повестке дня...

– Да, Ваше Величество, – очнулся магистрат, – сегодня на повестке... первым делом стоит строительство Храма Розы. Э-э-э... в каком месте он будет расположен?

Гринер прекрасно помнил, что они со жрецами Древа решили расположить храм за пределами города. Но что-то будто подтолкнуло его, и он ответил:

– Городской амбар давно следует снести. Он обветшал и, того и гляди, рухнет кому-нибудь на голову. Новый надо построить на улице Горшечников, около городской стены, и перевезти туда зерно. А на освободившемся месте построить Храм Розы.

Гринер, пока говорил, упустил какую-то важную мысль – она мелькнула в голове, так быстро, что он не запомнил. У него появилось ощущение, что он упускает нечто важное. Но сразу понять, что именно, он не смог: и мысль ускользнула.

Магистрат кивнул. Начав говорить, он обрел уверенность и уже твердо продолжил перечислять вопросы, которые надо было решить.

«В принципе, ничего сложного. – Подумал Гринер. – Это всего лишь распределение ресурсов и денег. И зачем я им был так нужен?»

Дориан, которому адресовалось это замечание, ответить не успел, поскольку наконец осмелевший магистрат озвучил самую важную проблему, и Гринер сам понял, почему его присутствие так необходимо.

– Сильные морозы, Ваше Величество, существенно повлияли на систему водоснабжения. Ее никто не ремонтировал, с тех самых пор как ма... то есть те, кто ее построил, ушли. Мы, конечно, насколько было возможно, поддерживали ее в порядке, но как заменять вышедшие из строя части, никто не знает. Боюсь, часть Внутреннего города и Монетный район останется без горячей воды.

Король чуть улыбнулся – понимающе, милостиво. И отчеканил:

– Большая часть небогатых кварталов живет без горячей воды. А некоторые – вообще без водопровода. Думаю, и с вами ничего не случится, если вы начнете нагревать воду в котлах.

«Хороший же я правитель... Сам-то моюсь в огромной ванной...»

– Но, Ваше Величество...

– У вас есть какие-то предложения? Насколько я понимаю, у нас нет мастеров, разбирающихся в устройстве водопровода, построенного магами... – Гринер произнес это слово без запинки, и члены совета переглянулись. Магов привыкли считать детскими сказками, несмотря на то, что результаты их деятельности можно было увидеть в столице повсеместно. – ... или вы думали, что я использую силу Розы, чтобы починить вам краны?

По побледневшему лицу магистрата стало понятно, что именно так он и думал.

«Вот идиот», – Гринер засмеялся про себя.

«Когда я говорил, что с ними надо построжее, я не имел в виду...»

«Дориан, а что мне надо было сказать? Соврать, будто я что-нибудь придумал? Это глупо. Я не чудотворец, и Роза уж всяко не предназначена для решения таких проблем».

– Соберите самых умных инженеров и строителей, в конце концов. Если не можете исправить поломки, то хотя бы придумайте замену. – Король недовольно поморщился. – Есть еще вопросы?

С заседания король ушел в скверном расположении духа. Он велел не беспокоить его, накинул шубу и ушел прогуляться по парку.

Деревья стояли облепленные снегом, похожие на ледяных великанов. Редкие цепочки следов, оставленные слугами на снегу, пересекали парк по диагонали. Гринер шел, куда глаза глядят, носками сапог взметая белую крошку. Он прошел мимо фонтана, пересек аллею и, дойдя до группы статуй, которых периодически обметали, остановился. Неподалеку доносилось ржание и покрякивания конюшего – судя по всему, лошадей вывели на прогулку, чтобы не застаивались.

«Я не на своем месте... Это неправильно. И я сделал большую глупость, что не рассказал все Дереку...»

Гринер смел выпавший утром снег с небольшой статуи пажа, играющего на свирели.

*«Мы с тобой обсуждали уже, и не раз...»*

– Знаю! – вслух произнес Гринер. Услышать его все равно никто не мог. – Знаю, и все равно...

Он продолжал отряхивать снег, движения его становились все отрывистее.

– Он ведь приказал... приказал, по сути, устроить религиозную войну! – дойдя до поста-мента, король опустился на колени и стал разгребать снег у его основания. – Это серьезно... не говоря уж о конфликте с баронами и графами.

*«Конечно, серьезно. Он добивается раскола. А нам важно понять, что именно он соби-рается сделать, когда он, этот раскол, наступит».*

Гринер представил, как выглядит со стороны – копающий яму у статуи. Но продолжил царапать мерзлую землю, будто что-то удерживало его здесь, именно в этом месте.

«А мы успеем? Сможем опередить его? Повернуть вспять то, что сделаем сами по его указке?», – уже про себя подумал Гринер. Пальцы его зацепились за что-то...

*«Должны успеть. Я уже почти понял, к чему все идет...»*

Король поднялся с колен, держа в руке золотую цепочку с кулоном. Небольшое сердечко, с одной стороны покрытое красной эмалью, с другой нацарапано: «А.М. от П.С. Люблю». Не отдавая себе отчета, положил находку в карман, сделал несколько шагов в сторону замка... И встал, как вкопанный.

– Нет, – прошептал Гринер.

*«Что нет?»*

– Нет, не понял... И не поймешь.

*«Почему?»*

Гринер засмеялся, вынул цепочку с подвеской из кармана и потряс перед лицом, как будто сидящий где-то глубоко внутри Дориан мог увидеть все его глазами.

– Потому что Кендрик – Серый!

*«Что?»*

Гринер зажмурился. Резко вздохнул леденящий воздух. Какой же он идиот... Кретин безмозглый.

– Серый... мы никогда не сможем понять его планы, потому что он плетет реальность по одному ему ведомым законам, потому что те указания, что он дает нам – всего лишь маленький кусочек картины! Знаешь, что я сейчас сделал? Я выкопал чей-то подарок, залог любви или как его там – а зачем я это сделал? Я понятия не имею! Но кто-то, не найдя его здесь, возможно, сделает что-то, и этот его поступок повлечет за собой другой, и следующий... Это плетение, вращение мира, Дориан! Кендрика нельзя вычислить!

*«Гринер...»*

– Я иду искать Дереку!

Его Величество отбросил далеко в сторону кулон и быстрым шагом направился к казармам. Несколько раз он помотал головой, будто отказываясь слушать невидимого собеседника, упрямо сжал губы и продолжил идти. Когда он ворвался в офицерский корпус, толкнув дверь с такой силой, что она стукнулась о стену, двое дежурных, что как раз ужинали, испуганно вскочили, опрокидывая миски – такое у короля было лицо.

– Позовите Некса! – приказал король. – Срочно!

Один из солдат умчался наверх, а Гринер стал в нетерпении ходить взад вперед. Оставшийся гвардеец провожал его глазами, вытянувшись в струнку у входа. В воздухе повис насыщенный запах куриного бульона с травами, разлившегося по земляному полу. Некс появился быстро, накидывая на ходу куртку и с салфеткой, направленной за воротник.

– Ваше Величество...

– Выйдем.

Оказавшись снаружи, король пристально посмотрел на Некса.

– Дерек говорил, как его найти? Он в городе? Или будет в городе?

– Он сказал только, что уезжает ненадолго...

– Стрелы есть?

Капитан сморгнул, но более ничем не выдал удивления осведомленностью короля.

– Вы имеете в виду те стрелы, что... передают послания?

– Да, их. Так есть или нет?

– В шкатулке у меня в кабинете... но, Ваше Величество, возможно, я смогу чем-то...

– Ничем, Джером. Напишите письмо Дереку – срочно, чтобы он как можно быстрее явился ко мне. Дело... напишите, касается его ученика.

Сперва, как только решение рассказать Дереку, как обстоят дела на самом деле окрепло, Гринер подумал позвать учителя мысленно. Но тут же передумал – такой поворот событий было бы сложно объяснить на расстоянии, к тому же, будучи честным с самим собой, Гринер понимал, что ему потребуется какое-то время, чтобы собраться с духом, подобрать слова...

– Срочно. – Повторил он ошарашенному и обеспокоенному Нексу. Развернулся и, уходя, бросил через плечо: – Я буду у себя в кабинете. Ждать.

Дерек сидел в таверне «Торопыга». Не самая лучшая еда, посредственное пиво и сомнительной чистоты столы – но зато она располагалась ближе всех к дороге, ведущей от шахт Геддарта к городу. И здесь оседали после трудового дня рудокопы, прельщаясь дешевой пивом и терпимостью хозяина к дракам и поломанной мебели. Сейчас они обсуждали пророчество о приходе магов – и это было заслугой Дерек, потому что до этого они говорили о больших грядущих посудомойки Верны и о том, что владелец шахты задерживает оплату.

«Я второй час сижу тут, пытаюсь сделать то, на что у Серого ушло бы пара минут и две пары слов, – думал Дерек, преувеличенно широко улыбаясь кружке, на которой пенная шапка достигала угрожающих размеров. Это была уже третья кружка, и больше в него не лезло. – И за эти несколько дней, что я «помогаю» Мальти, было два Прокола, почти одновременно, но меня не позвали. А это значит, что мне не доверяют...».

– Так слышь, теперь опять что ли будут маги? – допытывался у Дерек чумазый шахтер, безуспешно стараясь свести глаза в одну точку.

– О, да... – преувеличенно пылко отозвался Черный, – И это потому, что грядет что-то страшное.

Он отвечал на этот вопрос, или подобный, уже раз десятый. Крепкие мужики, почти всю жизнь проведенные в забоях, никак не могли уразуметь, что же такого страшного обещает им пророчество.

– Это что же – пиво подорожает? – спросил чумазый.

– Платить станут меньше, – предположил другой чумазый.

Дерек терпеливо описал всеразличные беды, которые обрушатся на головы простых людей, впрочем, утверждать, что цены на пиво останутся прежними, он не стал. Это, в конце концов, занимает рудокопов сильнее всего. С одной стороны, маг чувствовал себя глупо и досадовал, что «мечет бисер перед свиньями», но, с другой стороны, он прекрасно понимал этих мужчин. Для них все эти пророчества, маги, далекие войны, дождь из лягушек – были бесконечно незначительны. Они жили тяжелым трудом, у всех были семьи, которые надо было кормить. Редко кто из них доживал до пятидесяти – работа в шахте высасывала все силы, не говоря уж о том, что каждый третий из них погибал при обвалах, задохнулся или выхаркивал легкие, полные пыли.

Незаметно вылив пиво под стол, Дерек взмахнул пустой кружкой и уже собрался было заказать «четвертую», да и всех заодно угостить, как вдруг почувствовал «натяжение». Сработала магическая тревога – Некс прислал стрелу. Дерек ощутил прилив радости от того, что он наконец-то уберется из «Торопыги», хотя сам факт того, что Некс предпочел вызвать его, а не разбираться самому, мог означать только то, что дело серьезное. Маг пожелал шахтерам удачной пьянки и пошел, пошатываясь, к выходу. Выйдя на улицу, он выпрямился и уже твердым шагом дошел до перекрестка, скрылся в подворотне... Спустя несколько секунд на этом месте только воздух слегка замерцал.

Письмо от Некса было привязано к стреле куском материи, грубо отодранном от чего-то – во все стороны торчали нитки. Капитан торопился. «Господин Дерек, срочно явитесь к королю, он у себя. Дело касательно вашего ученика. Очень срочно!» – говорилось в письме. Дерек отложил стрелу, бумагу засунул в карман и открыл Дверь в покои короля.

В первой комнате было темно – лишь едва теплится камин. Света от углей хватало ровно настолько, чтобы разглядеть – в кресле кто-то есть. Дерек молниеносно проверил сидящего магически... и расслабился.

– Дориан...

– Присаживайся.

Король подбросил в огонь пару поленьев. Стало светлее – теперь Дерек смог увидеть лицо Дориана. Король был необычайно хмур, чем-то явно озабочен и под глазами у него опять появились мешки, как после того дня...

«Что-то он бледен... Если он опять начнет говорить о своей вине, о том, что не уберет моего ученика, я выскажусь безо всякого почтения к королевской особе...» – раздраженно подумал Дерек, но тут же устыдился. Напомнил себе, что нельзя срывать зло на ни в чем не виноватом короле, тем более что злость то в основном была направлена на Мальти.

– Ты хотел поговорить... О Гринере. – После паузы сказал Дерек, стараясь, чтобы голос звучал мягко. Сел напротив короля.

– Да... дело в том... дело... то есть... – король вскинул голову. – Гринер – это я.

Дерек чуть склонил голову набок и спокойно спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Это я. Гринер. *Посмотри* на меня.

– Я уже смотрел, и видел, что ты – Дориан. Это какая-то хитрая игра слов?

Король с отчаянием сжал кулаки, наклонился вперед в кресле и умоляюще повторил:

– Посмотри еще раз!

Дерек почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Слишком уж тон короля был обеспокоенный, нервный... Он снова посмотрел на него магическим зрением. Он видел перед собой Дориана. Не раз и не два до этого он смотрел так на короля, и... На секунду ему показалось, будто что-то мелькнуло на самом краю восприятия. Дерек, не долго думая, удвоил усилия, проникая за внешнее, за энергетический отпечаток личности, который нельзя подделать или повторить... И прошептал:

– Гринер...

В магическом зрении за первой, уникальной оболочкой, скрывалась еще одна. Глубже нее ничего не было. Снаружи – Дориан, а внутри... Никогда раньше Дерек не видел ничего подобного. «Но Гринер необычный маг, – мелькнула мысль, – он уже сделал сюрприз своим трехцветьем, почему бы ему не быть... Нет, это бред...»

Разум отказывался верить в это. Разум потребовал объяснений.

– Рассказывай, – коротко и немного хрипло проговорил Дерек.

Гринер начал говорить. Он описывал тот день, когда Кендрик появился на холме, но теперь события пошли иным путем. Дерек слушал внимательно, и замечал характерные обороты своего ученика, его интонации, манеру речи и мимику. Почему он не видел этого раньше?

Когда Гринер дошел в рассказе о задумке Кендрика – кристалле и о заключенном в нем духе короля, маг понял, что юноше все это время подсказывал Дориан.

– Я... хотел рассказать, правда. Но не смог сначала, а потом было труднее и труднее...

Маг поднял руку. Гринер замолчал. Он не смотрел на учителя, взгляд его то упирался в пол, то блуждал по комнате, но ни разу не встретился с глазами Дерек.

Черный спокойно спросил:

– Кендрик говорил о наставничестве – что он имел в виду?

– Я... встречался с ним. – Гринер, облизав губы, торопливо рассказал о том, как виделся во сне с Кендриком, как тот обучал его, рассказывал истории и теорию... Юноша говорил, сглатывая слова, и думал о том, что Дерек не сердится, а, значит, все не так плохо.

Маг же слушал Гринера, задумчиво прищурился. Он задал несколько вопросов, ученик отвечал честно. В этом Дерек был уверен – он вычерпал все имеющиеся запасы белой энергии, чтобы проверить рассказ Гринера сразу.

Он не врал. Сейчас не врал.

Наконец юноша выдохнул и закончил объяснение:

– И сегодня я понял, что Кендрик ведь Серый, его нельзя просчитать. А, значит, не было нужно скрывать от тебя правду, ожидая, пока Дориан найдет способ противодействовать Кендрику, нарушив его планы. И вот... я приказал Нексу тебя разыскать. Что... что теперь делать?

Дерек какое-то время молчал. Потом тихо, спокойно сказал:

– Сам думай.

– Но я... я надеялся, ты поможешь...

– Нет, Гринер. Не помогу. Ты принимал решения, ты совершал поступки, как человек, умеющий нести ответственность за свои действия. Но, когда подошло время эту ответственность принять, ты отошел в сторону. Разбейся сам.

– Это нечестно... – только и смог выдавить король. На лице его застыло непонимание, растерянность.

– Не в честности дело. Сделал что-то – отвечай. И, раз уж ты действовал как человек, который сам решает, как поступать... С этого момента я снимаю с себя всякую ответственность за тебя, отказываюсь от звания твоего учителя и предоставляю тебя самому себе.

Гринер вскочил с кресла, руки его дернулись вверх, будто он собирался схватиться за голову, но сдержался.

– Что это значит?

– Ты больше не мой ученик. – Дерек тоже встал, но не потому, что ему было неудобно смотреть снизу вверх на нависшего короля, а потому что собирался открыть портал. – В следующий раз на твой зов я не приду. У тебя есть ресурсы – пользуйся ими; у тебя есть Некс с Ферфаксом, они светлые головы. – Маг наконец-то поймал взгляд Гринера и увидел в нем боль и страх. – Только ты можешь исправить все... если захочешь, конечно. И если хватит силы духа. На меня не рассчитывай.

Дерек открыл Дверь, и шагнул в нее, не оборачиваясь.

Гринер застыл, как изваяние. Он смотрел, как колеблется воздух в том месте, где только что пропал маг, и чувствовал, что отчаяние охватывает его целиком, захлестывает разум, как снежная лавина...

«Дориан!» – позвал он.

Но никто не ответил.

## Глава 6

*За месяц с лишним до описываемых событий.*

Тео падала в пустоту – черную, холодную. Она несколько раз перевернулась в воздухе, прежде чем сумела поймать себя магией, и закрылась щитом – вдруг Кендрик только и ждет, чтобы напасть.

Кендрик... Никаких сомнений, рука ее не дрогнет. Каким бы способом он не заполучил себе вторую жизнь, сегодня она оборвется.

Тео коснулась сапогами пола и отпустила магию, щит, однако, оставив. Обратившись к волшебному зрению, она поняла, что находится в большой пещере.

«Гринер, Гринер... как же так...».

Ярость полыхала внутри магички, выжигая все – сомнения, осторожность, сожаления, милосердие... оставив только жажду мести.

Тео порывисто сделала пару шагов вперед, но заставила себя остановиться. Слишком сильные эмоции – можно наделать ошибок. Голова должна быть ясной. Магичка вдохнула несколько раз, глубоко – потом медленно выдохнула. И в таком же ритме – два коротких, глубоких вдоха, один выдох, – продолжала дышать, продвигаясь вперед по естественному каменному коридору.

«И это – логово Кендрика? Не верится, что он сбежал в пещеру. Или это ловушка? Вряд ли он знал, что я появлюсь так скоро, чтобы успеть ухватить след Двери, которую он тщательно прикрыл за собой...».

Магическое зрение позволяло разглядеть, что потолок у пещеры высокий, стены чуть влажные, будто неподалеку где-то текла подземная река. Вокруг царил непроницаемая тьма, и Тео не решалась зажечь огонек в руке – он бы ее выдал. Она обострила все чувства – но до слуха доносилась только размеренная капель где-то впереди, да звук ее собственных шагов.

Место было неприятным. Никаких видимых причин – обычная большая полость в скале, постепенно превращающаяся в узкую щель, и однако чувство тревоги наваливалось и давило, не позволяя ни на секунду расслабиться. Каменные стены придвинулись, и Тео пришлось двигаться боком, чтобы продолжить идти. Наконец, щель снова стала расширяться, и магичка оказалась во второй пещере. Пол тут был куда ровнее: будто кто-то озаботился убрать из-под ног камни и щебень. Воздух был насыщен влагой. Тео пару раз за шиворот упали капли ледяной воды – она вздрогнула и зябко повела плечами, однако концентрацию это не нарушило.

«Он будет говорить, – подумала Тео. – Попытается меня уболтать. Надо не дать ему и рта раскрыть. Увижу – и ударю. Убью. Просто убью. За Гринни...».

Внезапно эхо донесло до магички тихий шорох, раздавшийся где-то впереди. Она метнула в ту сторону энергетический «щуп» – там находилось что-то живое, и гораздо больше крысы – хотя, откуда тут крысы? Тео вытянула руку и послала по направлению к шороху ступок огня.

Алый шар пламени, шипя, врезался в стену пещеры и рассыпался на множество мелких язычков. Какое-то время пространство вокруг было освещено, и Тео заметила неясную фигуру слева – и тут же, без паузы, кинула туда «ледяную стрелу».

Краем глаза она заметила, что то место, куда ударил огненный шар, тускло светится – но на удивление не было времени. Вслед за льдом к невидимому врагу снова полетел огонь. Тео могла бы поклясться, что попала – и в первый, и во второй раз, и что фигура перед ней принадлежит человеку, но... она не шелохнулась даже.

– Мимо, – послышался голос.

«Кендрик!»

Ярость снова вскипела в душе, и Тео стоило больших усилий затолкать ее поглубже. Магичка поняла, что ее бывший ученик, скорее всего, прикрылся сильным щитом. Разбить его не получилось, и потому она стала плести заклинание – тонкое, коварное... предназначенное для того, чтобы уничтожить исподволь.

По полу побежали светящиеся линии, горящие голубым светом. Они, словно вода, лились по какому-то загадочному узору; сталкиваясь, меняли направление, заворачиваясь вокруг в причудливом рисунке, похожем на лабиринт.

«Я этого не делала...», – подумала Тео.

– Опять мимо, дорогая моя наставница.

Тео сжала кулаки, прекратила палить в стороны. Разжала сведенные судорогой пальцы, чего стоило ей некоторых усилий, глубоко вздохнула и крикнула в темноту:

– Я все равно убью тебя!

– Маловероятно.

Кендрик вышел вперед. Свет, идущий от пола, выхватывал его фигуру и частично лицо. Маг был одет просто, будто собирался на охоту – плащ темно-зеленого цвета, кожаные потертые штаны, куртка.

– Хотя можешь попытаться. Вот он я, стою – даже защищаться не буду. Ударь. – Сказал Кендрик, чуть разводя руки в сторону, словно предлагая себя на заклинание.

У Тео дрогнули пальцы... Но она медлила. Кендрик не самоубийца, у него наверняка запрятан туз в рукаве. Магичка еще раз проверила пространство вокруг. И замерла.

На полу и в воздухе серебрилось сложное заклинание.

«Но его не было, когда я вошла... сотворить его за несколько секунд невозможно, активацию я бы не проморгала... как?»

Кендрик словно бы прочел ее мысли.

– Ты сейчас думаешь: как? Сомневаюсь, что ты поймешь. Не твоего уровня задача, наставница... А я – гений. Без ложной скромности. Или...

Кендрик прошелся вдоль границы заклинания, которое вспыхивало слабыми синими искрами, заворачиваясь против часовой стрелки вокруг Тео. Узоры уже накладывались сами на себя, сплетались, завязывались узелками. Магичка попыталась собрать энергию в один мощный рывок, но внезапно поняла, что магические силы куда-то утекают.

– Или рассказать? Если совсем просто, то я создал уникальное заклинание. Которое не видно, которое не почувствуешь, пока не используешь магию. Она подпитает это заклинание, а потом... оно будет вытягивать все силы. Так что, можно сказать, ты сама создала себе ловушку. Я гений?

– Гений. – Ровно ответила Тео. – Я даже приблизительно о таком не слышала. Это новая ступень в магии. Достоинно высочайшей похвалы, Кен. Но я все равно тебя убью. Если, конечно, ты меня прямо сейчас не уничтожишь, а предпочтешь держать в клетке для забавы.

Паниковать было рано – но Тео ощутила внутри липкий комочек страха... Она пыталась разорвать, разбить заклинание – все было впустую.

Она была осторожна. Спокойна. Собрана. Но не увидела ловушку, которая сейчас оплетала ее сотнями светящихся нитей. Все попытки воздействовать на них заканчивались одним и тем же – она еще больше их питала. Ни сильный удар, ни тонкая работа серой магии не в состоянии были повлиять на заклинание. Тео почувствовала, как энергия утекает из тела, а само оно становится все легче и легче... Будто она плыла в воде.

– Уничтожить? Зачем? – удивился Кен, внимательно наблюдая за тем, как заклинание, достигнув идеального состояния, вырисовывается на полу красивым узором. Оно перестало вспыхивать и теперь горело тусклым светом. – А кому же я буду хвастаться? Ты мой трофей.

– Послушай, Кен...

Тео замолчала, собираясь с силами. Ей показалось, что она нащупала брешь в магии Кендрика, не хватало всего минуты, чтобы исподволь влить немного силы в слабые места заклинания... Надо отвлечь его, разговорить...

«Это моя гордыня, демоны ее дери. Я-то рассчитывала, что это он, как слабейший, будет убалтывать меня... – мелькнуло в голове. – А теперь сама пытаюсь выиграть время».

– Послушай меня внимательно, – продолжила она. – Я могу точно тебе обещать, что, когда разберусь с твоей ловушкой, то места от тебя мокрого не оставлю. Ты совершил самое страшное, что только мог придумать – убил моего ученика.

«Угрозы – тоже способ отвлечь».

– Я тоже был твоим учеником, – возразил маг. – Убить меня не было таким уж страшным поступком, а, наставница?

Тео усмехнулась и ударила в заклинание Кена – силой и умением, проникая в самую его сердцевину, словно вливая часть себя в переплетение нитей, в их синеватый, безразличный свет. И тут же ощутила, как тело ее становится невесомым, возносясь на ярд вверх, а заклинание, дрожа, словно потревоженная паутина, по которой паук двинулся к своей жертве, задевая тонкие нити жирным брюхом, вытягивает из нее все силы, без остатка.

– Глупо. Ты же признала, что я гений, зачем пыталась? – Кендрик покачал головой. – Хочешь расскажу, как оно действует?

Не дождавшись ответа, он прищелкнул пальцами, создал из воздуха – или перенес откуда-то – кресло с красной бархатной обивкой, сел в него и с удовольствием пояснил:

– Это просто и очень красиво, на самом деле. Ты сейчас чувствуешь, как тело немеет, так? И говорить стало труднее. Все правильно. Скоро вовсе не сможешь издать ни звука, а жаль, мне понравилось, когда ты меня хвалила. Ты сможешь только дышать, смотреть и слышать. В остальном твое тело перешло в некое состояние бездействия, если можно так выразиться... Ему не надо ни есть, ни пить. Ни спать, хотя, полагаю, ты сможешь впадать в забытие, что для тебя очень полезно – ведь я не смогу развлекать тебя все время, а так есть опасность сойти с ума от скуки. Что неудивительно. Ведь ты будешь висеть тут в воздухе долго.

Тео ощутила бы всю бездну отчаяния, бессилия и злости, если бы не заклинание, которое отняло у ее тела возможность испытывать эмоции. Та боль, которую магичка испытывала, сознавая, что попала в руки к злейшему врагу, не сумела отомстить за ученика, подвела друзей... она была мысленной, умозрительной. Но легче от этого Тео вовсе не было.

– Как ты знаешь, – продолжил Кендрик, – магия в нас постепенно накапливается. Что очень выгодно в твоём... то есть в моем положении. Ты сама будешь питать свою тюрьму. Энергия, только появившись, будет без промедления литься в узы, спеленавшие тебя. И еще раз повторю, что я гений – мне это не надоедает. А тебе?

Тео молчала. Она могла бы ответить Кендрику мысленно... наверное. Но сейчас ей и пробовать не хотелось.

«Дерек, прости. И Гринер... Ты уже не услышишь моих извинений, парень. Твоя наставница оказалась куда большей дурой, чем подозревала».

– Сейчас я вынужден тебя покинуть, – галантно сообщил Кендрик, вставая. Он заставил кресло исчезнуть едва заметным движением пальца. – Мне надо проверить, что там и как с Лионелем. Только проверить, не помогать. Я довел его до нужной точки, он сделал все, что мне от него надо было, и теперь пусть выкручивается, как знает. Думаю, твой король его поймает и казнит.

«Дориан не станет...» – подумала Тео.

Кендрик, нисколько не опасаясь заклинания, подошел к Тео. Приблизил к ее лицу свое, для чего ему пришлось задрать голову, и тихо, с чувством произнес:

– И знаешь, что самое чудесное? Я ведь переиграл тебя не в войне. Не в интригах. А в умении плести. Множество мелких событий, которые ты упустила, занимаясь всякой ерундой, мотаясь по всему континенту в поисках роз, копий, войск, заговоров... все они привели тебя – сюда.

Тео внимательно посмотрела в глаза своему бывшему ученику. В темно синих радужках мерцали странные светлые точки. И еще в них плескалось безумие.

– Мы же оба с тобой прекрасно знаем – это не борьба героя и злодея, я вовсе не собирался захватывать Вердленд и дело не в троне, амбициях или... наше противостояние... Значение имело лишь то, кто лучший в сплетении событий, кто из нас лучший Серый маг, чья паутина сильнее... И я победил. Все произошло именно так, как я хотел.

Тео не могла отвести взгляд от лица Кендрика. Если бы она могла, пожертвовав жизнью, уничтожить его прямо сейчас, она бы сделала это, не раздумывая. Он был не просто опасен – разрушителен. Неостановим. И, цепляясь за тот шанс, что он сам давал ей тем, что оставил ее в живых, она все же пересилила ярость внутри себя, слабую искру надежды и боль, и спросила мысленно, понимая, что ей отчаянно нужно хоть что-то, какой-то кусочек головоломки:

«Зачем?»

Кендрик засмеялся.

– Потому что мне мало убить тебя. Я хочу разрушить все, что ты создала. И сделать это так, чтобы ты видела весь процесс. Чувствовала каждую свою ошибку, знала о каждой моей победе.

Он отошел от парящей в воздухе магички. Темнота постепенно стала поглощать его, по мере того, как он отходил куда-то к стене пещеры. Но вдруг он остановился и, не поворачиваясь, тихо добавил:

– Жаль парня. Из него бы получился хороший маг.

По синему мерцанию во тьме Тео поняла, что Кендрик открыл портал и ушел.

«Нет, тебе его не жаль... Еще один удар мне в сердце, притворное сожаление. – Подумала Тео. – Уничтожил его, не глядя, как пешку...».

Пещера утонула во мраке, лишь посередине слабо светилось заклинание. Тео прикрыла глаза и потянулась мыслями к Дереку... ничего. Пустота. И тишина.

Ольсен, Уэйн... Мальти, Дирен, Эфоль, Род.

Никто не отозвался. Ни намек на связь.

«Сейчас... – сказала себе магичка. – Сейчас я, не тратя время на жалость к себе или ненависть к Кендрику, начну думать, как выбраться. Не магией, так словом. Ты сделал большую ошибку, что сохранил мне жизнь, Кен. Я освобожусь, рано или поздно. И убью тебя».

Время странно растянулось. Ни дня, ни ночи – только темнота пещеры.

Тео оставалось только думать, осмысливать, анализировать... или уходить в забытие, что-то вроде сна.

Она думала об учениках. Гринер был пятым по счету... И все опять закончилось плохо. Хуже некуда.

Первым был Дагоберт, сын барона. Он не захотел становиться магом, и, по счастью, Тео узнала об этом его решении раньше, чем рассказала слишком много. Маги не заставляли становиться учениками, тем, на кого указала Судьба, предоставлялся выбор... Дагоберт предпочел жизнь наследника барона, рассчитывая получить титул отца, его земли... Через три года после того, как он отверг предложение Тео, посчитав его шуткой свихнувшейся сказительницы, его задрал кабан на охоте.

Тео не знала, было ли это наказанием за то, что юноша сошел с пути, уготованного ему судьбой, или просто совпадением. Следующий кандидат – Джон, сын лесоруба, наоборот, был готов стать кем угодно, лишь бы удрать от родни и топора, ожидающего его вскорости, от профессии, передававшегося от отца к сыну. Он не пережил трансформации, меняющей тело мага. Изменением руководил Гвен. Он не назвал Тео причин, только сообщил, что Джон погиб быстро, без мучений.

Третьей ученицей была Хильда. Ее пришлось украсть из родного горного селения – жители Сех-Кеага, как и все горцы, не любили магов. Она была хороша. Очень хороша... Но, после обретения Цвета ушла к Черным. Ее наставницей стала Урсула, и, поскольку с той у

Тео отношения были хуже, чем неприязненные, Тео больше со своей бывшей ученицей не общалась. Магички жили в Лионе, тихо, почти ни во что не вмешиваясь, закрывали Проколы; и когда Хильда стала полноправным магом, то пошла в пару к Урсуле. Тео видела обеих на Совете магов, тогда, в лесу. Они показательно проигнорировали Серую.

Четвертый... Кендрик.

Был ли он всего лишь очередной неудачей? Или чем-то особенным?

Скорее, второе...

Тео встретила с Кендриком двадцать два года назад, на празднике Горящего Древа в столице. Он был простым подмастерьем пекаря, с длинными руками и ногами, с глазами, горящими огнем амбиций, которые реализовать в его тогдашнем положении было невозможно.

За предложение Тео он ухватился, как утопающий – за проплывающую мимо корягу. Он учился со страстью, поглощая все, что давалось, и даже больше. Иногда Тео пугала его сосредоточенность на цели, иногда – восхищала. Тогда она была в паре с Родни, но особо близких отношений между магами не было – только деловые. Сообщение от Белых, перемещение к месту Прокола, зачистка, закрытие дыры в реальности. Кендрик, к радости Тео, стал Серым – она устроила впечатляющую гулянку в честь ученика. Думала, что наконец-то, черная полоса кончилась, у нее появился настоящий ученик, верный, умный.

Но затем с Кендриком начало твориться что-то странное.

Он то зарывался в книги по горло, то пропадал неделями. Тео считала ниже своего достоинства следить за ним, и только случайность позволила ей узнать, что Кендрик использует серую магию плетения в собственных целях.

Пятнадцать лет назад в Лионе наметился раскол. Старому королю, Ноэлю, оставалось недолго – на этом сходились все врачи и знахари. Болезнь должна была забрать его в течение нескольких месяцев. На трон претендовали два его сына – Тристэн и Шаррон. Тристэн был старше, но имелись основания полагать, что он родился до официальной женитьбы короля, и, следовательно, был незаконным сыном.

Знать разделилась на два лагеря, примерно поровну. Столица бурлила, тут и там возникали стычки между сторонниками принцев; Тео направилась в Турен по просьбе Ольсена, поскольку, как он выразился, «Урсуле с Хильдой все равно, да и вмешательство, по общему решению, – теперь твоя задача». Тео прибыла в столицу, оценила обстановку... И схватилась за голову. Вот-вот должна была разразиться кровавая борьба за трон. Либо страна утонет в насилии, либо магичка найдет достойного преемника и поможет ему стать королем, причем таким способом, который не вызовет ни вопросов, ни возмущения противоположного лагеря.

Прямое воздействие исключалось. Нельзя ведь было просто выйти на площадь и объявить свой выбор. Который, кстати, Тео остановила на Тристэне, как более разумном, опытным, и к тому же – он пользовался поддержкой отца. Но последнее – не вечно, Ноэль был слаб и уже начинал терять влияние на своих вассалов.

Тео обратилась к серой магии. Незначительные поступки, последствия... Главным узлом в плетении был некий Седрик Лавель, сын графа, его единственный наследник. Он собирался жениться на Мэрвин Лаговаль, дочери очень богатого купца. Сначала это было браком по расчету – деньги и титул готовились слиться в обоюдовыгодном экстазе. Но молодые люди полюбили друг друга... или думали, что полюбили. А жениться им было ни в коем случае нельзя.

Нити судеб сплетались таким образом, что Седрик, заполучив богатства семьи Лаговаль, использовал бы их для поддержки Шаррона, которому был предан со всем пылом юности. Уж чем там младший принц задурил Седрику голову, Тео не знала, да ее это и не интересовало. Главное было – расстроить свадьбу. Затем достаточно было бы всего нескольких воздействий, пары разговоров – и подготовленная ею сеть легла бы на события, как влитая – Шаррон бы

остался ни с чем, законность рождения Тристэна была бы доказана, и Ноэль самолично бы возложил корону на голову старшего сына, дав ему свое благословение.

И множество людей остались бы живы.

Поэтому свадьбе нельзя было состояться.

Тео не спешила. Она проверила чувства Седрика – они, хоть и были поверхностны, но вместе с тем очень горячи. А вот Мэрвин...

Тео устроилась в дом к девушке экономкой, быстро стала компаньонкой молодой госпожи, подобрав к ней ключики – девушка была глупа, капризна и самолюбива. Достаточно было расхваливать ее внешность, обсуждать наряды со знанием дела и быть некрасивой, чтобы на ее фоне сама Мэрвин блистала в компании молодых людей, охочих до приданного.

Убедившись, что Мэрвин уж всяко не любит Седрика, а только лишь строит воздушные замки, начитавшись глупых книжек, да подчиняется воле отца, Тео сделала первый ход. Он же должен был стать и последним в этом плетении.

Тео направилась в портовый район Турена, нашла там широко известную в среде наемников таверну под названием «Плошка», и устроилась в уголке, прикрывая лицо веером. Она искала лучшего наемного убийцу в столице – Жерома Два Мига. Прозвище свое он получил, естественно, за то, что убивал своих жертв быстро – они успевали моргнуть лишь два раза.

Хозяин таверны, благодетельствованный тремя золотыми, показал Тео кивком головы на коренастого мужчину, вошедшего в дверь. Наемник щеголял золотой серьгой в ухе и белой рубахой с распахнутым воротом. Магичка кивнула. Хозяин подошел к наемнику, что-то тихо сказал, и Жером направился к столу, где сидела дама в темном платье.

Тео знала, что впечатление о ней наемник составил почти тут же. Одежда ее была дорогой, но не новой. На лицо миловидна, но в том возрасте, когда на румяна и помаду возлагают больше надежд, чем на собственные прелести... И, судя по кольцам на руках, дама не бедна.

– Я к вам по делу, сударь Жером, – сказала Тео, стараясь, чтобы голос звучал взволнованно.

– Все приходят по делу. – Кратко отозвался наемник и сел напротив магички. Он заказал пиво и рис с рыбой.

Тео шаловливо стукнула его веером по руке и прошептала:

– Я угощаю.

Жером тут же сменил заказ, не моргнув глазом – взял жареного мяса и вина, хлеба, сыра и зелени. Тео оценила его невозмутимость. Замялась показательно, подбирая слова, пытаясь вынудить его начать разговор первым. Но наемник просто ужинал, молча, нисколько не смущаясь.

– Мне надо кое-кого... ранить. Я скажу, где он будет... проходить, как выглядит. Это несложно...

– Я хочу знать, кто он. – Сказал Жером, как отрезал.

– Но я думала, это вовсе не обязательно... – Тео снова прикрыла лицо веером.

– Не хочу получить кота в мешке. Я должен знать, иначе сделки не будет.

– Ох, ну что вы за человек... – Тео недовольно вздохнула. Вообще-то, ей не составило бы труда сразу выложить карты на стол, но тогда образ, созданный ею для Жерома, был бы подпорчен.

Наемник пожал плечами, продолжая жевать. Отпил вина.

Тео расправила складки юбки, нервно поправила браслет... Пусть видит, что она сомневается. Что ей вся эта ситуация непривычна.

– Ну, я не знаю... – протянула она и, достав мешочек с деньгами, звякнула им о стол. Удастся ли ей воздействовать на его жадность? Сумма в кошельке была приличная.

– Я когда-то был солдатом, миледи. А у солдат есть свой кодекс чести. – Жером уставился на нее тяжелым взглядом, от которого у обычного человека мурашки бы пробежались

по позвоночнику. – И, хоть я стал наемником, есть вещи, за которые не возьмусь, сколько бы мне не платили.

– Ах, ну неужто вы его боитесь? – Тео очаровательно улыбнулась, игриво блеснув глазами. – Он и вполтину не такой хороший фехтовальщик, как вы.

К ее тайному удовольствию, наемник и на грубую лесть не поддался. Только плечом передрнул. Он нравился ей, но дело есть дело.

– Можете думать, как вам угодно, миледи. Мне важно знать, кто он такой, и точка.

– Хорошо же. – Она изобразила раздражение, хлопнув веером по колену. – Это младший сын графа Лавеля. Надеюсь, его отец не спасал вам жизнь и вы не влюблены в его сестру.

– Нет, – коротко ответил наемник и протянул руку за мешочком с деньгами. Но Тео ловко его отдернула.

– Еще одна просьба. Постарайтесь поранить ему лицо. Не до увечья, но так, чтобы красавцем его уже никто не мог счесть.

Пускай он думает, что она делает это из ревности. Седрика ранят, ровно настолько, чтобы он не смог поехать на встречу с Шарроном послезавтра. Лицо – тоже часть плана. Мэрвин вряд ли согласится на свадьбу, увидев, каким стал ее жених. Не такая у нее натура, она не способна на глубокое чувство, не видит и уж тем более не ценит его душу; а смазливых аристократов вокруг пруд пруди, подцепит себе еще одного. Может, прольет несколько слезинок, но больше, для создания романтической атмосферы вокруг себя. Несчастливая любовь, и все такое.

Тео буквально видела линии событий, чувствовала их кожей. Вот Мэрвин, окрыленная осознанием собственного надуманного милосердия, мчится к жениху. Приникает к его постели, видит израненное лицо... Где же длинные ресницы? Где мужественный, и одновременно нежный профиль? Ах! – падает она в обморок, несется к папеньке, а тот, не в силах выносить истерические слезы, расторгает помолвку...

«Как в плохом романе, – подумала Тео. – Слюнявом и одновременно жестоком к бедному парню... но и ему лучше будет, встретит хорошую девушку, способную полюбить его такого, как есть... Обязательно встретит, потому что иначе – его зарубят охранники Тристана, когда Шаррон устроит переворот и займется в королевский замок, чтобы совершить брастоубийство...».

Дальше она не видела, но ей хватило того, что явилось ей в переплетении нитей судеб. Явилось – и схлынуло, как волна, унеся с собой конкретные картины будущего, оставив лишь уверенность в том, что она поступает правильно.

Жером скривился, но кивнул. Эдакий род компромисса: приходится потакать обозлившейся бабе свести счеты с ее бывшим любовником, но зато и убивать никого не надо. А платит она, как за три смерти. С Седриком наемник знаком и впрямь не был, никаких препятствий к исполнению заказа он не видел.

Тео отдала Жерому кошель. Сейчас наемник выйдет, она – следом, чуть погодя.

Дождавшись намеченного времени, Тео оставила на столе еще один золотой, и, пряча лицо за веером, вышла из таверны. В районе порта было опасно, будь она обычной дамой, ее бы вмиг оставили без золота и украшений, впрочем, вряд ли польстившись на увядшие прелести ее личины. Жером, судя по всему, решил, что охранник ее ждет снаружи.

Тео сделала несколько шагов по улице, освещенной только одиноким факелом на стене дома, до которого идти еще было прилично, но тут услышала странный хрип откуда-то из проулка.

По спине пробежал холодок – нет, не страха, а ощущения... неправильности происходящего. Она сжала веер крепче – в один из его сегментов было вшито острое и тонкое лезвие, – и пошла на звук. Хрип становился все тише, перемежаясь бульканьем.

Через секунду Тео поняла – такие звуки издает человек, которому перерезали горло. Не заботясь о легенде, она засветила огонек в ладони, кинулась вперед, путаясь в юбках... И

увидела, что у стены, почти напротив входа в таверну, лежит Жером. Горло его было раскроено от уха до уха, темная кровь залила шею, грудь, отчего белая рубашка казалась черной.

В тот самый момент, когда Тео встретила взглядом с глазами наемника, полными искреннего удивления, он умер.

Тео, ошарашенная, попятилась к двери таверны и остановилась только тогда, когда спиной уперлась в дерево.

«Этого не может быть... просто не может. Я же видела, как он выйдет отсюда и выполнит заказ... – мысли лихорадочно металась в голове. – Еще никогда раньше... разве только...».

Она проверила все свои действия. Мелочи, движения, взгляды, количество сидевших в таверне, время суток, настроение наемника и даже качество вина. Все сходилось. Но все пошло не так.

Оставалось только одно объяснение.

«Вмешательство».

Это случалось редко, и всегда – по ошибке. Никогда – сознательно. Маги чувствовали, когда кто-то плетет, и не вмешивались. Но здесь... явно кто-то намеренно помешал, изменил события, а, значит, их последствия.

Тео посмотрела в будущее... и с ужасом обнаружила, что оно меняется. Седрик женится на Мэрвин. Едет к Шаррону. Принц нападает на брата.

Тут в спину ее толкнула дверь – кто-то пытался выйти. Тео пробормотала извинения, в ответ ее грубо послали. Не обращая ни на что внимания, она побежала по улице в сторону богатых кварталов, где жила семья Лаговаль. Она должна была успеть...

Но не успела.

Седрик и Мэрвин уехали к ее тете в соседний город, Галео. Там поженились. Там же проходила встреча Шаррона с соратниками, в замке принца.

Магичка металась по Турену, пытаясь ухватить нити событий, и почти каждый раз опаздывала. А если ей и удавалось изменить какие-то последствия, то тут же происходило что-то новое, приближающее предательство Шаррона и гибель семьи законного наследника.

Последнюю попытку она сделала той ночью, когда Шаррон напал на замок брата.

Подъехав к опущенному мосту, Тео увидела, как на той стороне реки, опоясывающей остров, где стояла твердыня Эшель, взять которую можно было бы либо после многомесячной осады, либо с помощью предательства, полыхают деревянные пристройки. На фоне огня хорошо были видны беспорядочно мечущиеся черные фигуры. Мимо проскакал отряд воинов – магичка, только взглянув на нашивки на их куртках, поняла, что это подмога не для Тристэна. Шагнула вперед в нерешительности... что делать? Убивать захватчиков магией? Бить в спину – немисливо, и еще более дико – раскрыть себя, явить магию людям. Один из воинов отстал от отряда, развернулся и поскакал к ней.

«Если нападет – убью», – подумала Тео.

Всадник чуть покружил, крепко держа поводья гарцующего жеребца, потом скинул капюшон, открыв взгляду пшеничного цвета волосы и правильное, красивое лицо.

– Кендрик? – воскликнула Тео.

– Здорово, правда? – отозвался ее подмастерье. – Исторический момент, наставница! Начало правления магов за ширмой лионских королей.

– Ты сошел с ума?

– Наоборот – прозрел! – Кендрик засмеялся. – И что за дурацкая привычка все необычное объявлять сумасшествием?

Он повернулся к замку, отсветы огня, перекинувшегося на деревянные перекрытия и небольшую часовню Утера, мазнули по лицу мага.

– Ты со мной? – спросил Кендрик, не отрывая глаз от зрелища гибели людей и замка.

– Зачем? – Тео отступила на шаг назад, приготовилась связать ученика магически... – Добивать раненых?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.